

Библиотека альманаха «Мещёра-край»

Сергей Сергеевич Михайлов

ПОГОСТ РУДНЯ В XIX–XX СТОЛЕТИЯХ
История гуслицкого православного прихода

Москва
2014

ББК 84Р6
М 56

Михайлов С.С. Погост Рудня в XIX–XX столетиях: История гуслицкого православного прихода. М., 2014. 192 с.: ил. 200 экз. ISBN 978-5-9904801-4-8. (Б-ка альм. «Мещёра-край»)

ISBN 978-5-9904801-4-8

© С.С. Михайлов, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
ГЛАВА I. Из ранней истории погоста Рудня	7
ГЛАВА II. История погоста Рудни в XIX – начале XX вв.	29
1. Храмы	29
2. Духовенство и другие члены церковного причта	42
3. Приход погоста Рудни	56
4. Молитвенные здания и приходы, образовавшиеся из Рудневского прихода	
А. Старообрядческие	
Рудня-Никитское <i>(поморцы)</i>	79
Степановка <i>(неокружники, поморцы -?, мокеевцы-?)</i>	80
Богородское <i>(окружники, мокеевцы-?)</i>	84
Мисцево <i>(неокружники, окружники, поморцы)</i>	87
Петрушино <i>(окружники, лужканы)</i>	94
Понарино <i>(неокружники)</i>	103
Селиваниха <i>(вначале – неокружники, затем – окружники)</i>	106
Титово <i>(неокружники)</i>	112
Дорхово (Дорохово) <i>(неокружники)</i>	116
Авсюнино <i>(неокружники, окружники, лужканы-?)</i>	119
Заполицы <i>(окружники, неокружники)</i>	125
Мальково <i>(окружники)</i>	127
Равенская <i>(окружники)</i>	130
Старообрядческие иноческие кельи возле деревни Мисцево ...	134
Б. Единоверческие	
Деревня Мальково. Церковь Рождества Богородицы	139
Деревня Авсюнино. Церковь Св. Петра Митрополита	148
5. Экономическая история погоста Рудни (1863 г. – нач. XX в.) ...	156
ГЛАВА III. История Рудневского прихода в XX столетии	165
Послесловие	179

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга посвящена истории одного из рядовых приходских храмов одной из распространенных на территории Российской Федерации конфессий – Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Этот приход расположен в южной части Орехово-Зуевского района Подмосковья, в населенном пункте Рудня-Никитское. Его история насчитывает не одно столетие, но мы остановимся на последнем ее отрезке, на XIX и XX веках. Это время дает нам обильный архивный и опубликованный материал, в отличие от более раннего времени, которое дает малое число таких источников. О раннем времени мы расскажем лишь вкратце.

Погост Рудня находится на востоке Подмосковья, в местности, которая исстари известна под именем «Гуслицы». Сейчас он, как мы уже сказали, административно расположен в южной части Орехово-Зуевского района, а прежде входил в состав Богородского уезда. В настоящий момент населенный пункт именуется «Рудня-Никитское» вследствие того, что на определенном этапе древний погост слился с соседним селением Никитское (в прошлом имело также и другое название – Горки).

В Рудне-Никитской сохранились оба храма старинного погоста – летний Рождества Богородицы и зимний Рождества Христова. Оба сооружены, если верить произведениям современных искусствоведов, в XVIII веке, хотя ранее в документах часто можно было встретить утверждение, что маленькая зимняя церковь сооружена еще при Иване Грозном. Храмам этим повезло и в советское время они функционировали. Правда, уже в наше время их регулярно посещали грабители, которые нанесли непоправимый урон убранству и церковной собственности. Тем не менее, оба храма продолжают представлять огромный исторический и художественный интерес. К тому же, эти церкви являются старейшими сохранившимися сооружениями Орехово-Зуевского района.

Прежде Рудня была типичным погостом – т.е. храмовым комплексом с домами причта и приходским кладбищем, но без соседства дворов прихожан. Последний момент и отличал «погост» от «села».

Прихожане жили по соседним деревням. Дома же простых жителей, помимо духовенства и причетников, появились на Рудне уже позже, особенно, когда территория древнего погоста слилась с соседним селцом Никитским.

Приход храмов Рудневского погоста, который включал в себя около полутора десятков селений, был населен в основном старообрядцами. Более-менее «православным» было только соседствующее с погостом селцо Никитское. В остальных же населенных пунктах староверческим было почти все население. В каждой деревне стояли общественные старообрядческие храмы-моленные. Все они имели то же посвящение, что и старейший рудневский престол – Рождеству Богородицы. Ничего удивительного в этом нет: приверженцы обеих ветвей Русской Церкви как бы пытались оспорить друг у друга право преемства от древнего алтаря. Таких случаев очень много и они характерны для тех регионов и уголков, где старообрядцы и представители официальной церкви являлись потомками коренных жителей. Мы считаем, что история старообрядческих приходов-общин является неотъемлемой частью общей истории древнего погоста.

История погоста Рудня интересна еще и тем, что целых полвека, с 1860-х гг. до начала XX столетия, был одним из важнейших экономических центров Гуслицкого края. Здесь проводились ярмарки, базары, стояли лавки, трактиры, постоянные дворы. По свидетельствам современников, в эти годы Рудня порой более напоминала небольшой уездный город, а не сельский погост. Позже, в связи с ориентацией селян на фабрики в соседних городах и поселках (Егорьевск, Орехово-Зуево, Ликино-Дулёво), жители округи стали более ориентироваться и на городские рынки. Торговля на погосте стала быстро затухать.

С одной стороны, погост Рудня – один из типичных сельских приходов в российской глубинке. Но и прошлое каждого такого прихода есть весьма интереснейшая тема. В нашу задачу не входило описание истории в стиле той традиции, в какой в последнее время принято ее представлять. Зачастую, описаниями храмов и их приходов занимаются сами священники, или же лица, воспринимающие белый свет в духе детской православной воскресной школы. Подобная

литература предназначена прежде всего для лиц православного исповедания, да и то, далеко не всех, а тех, кто сам воспринимает и церковь, и ее историю аналогичным образом. Лицам других исповедания, неверующим, профессиональным историкам и большинству других читателей такие произведения совершенно не интересны. Их значимость для освящения микрорегиональной и локальной церковной истории весьма сомнительна. В очень многих случаях авторы не утруждают себя необходимой работой в архивах и с опубликованными источниками и зачастую переписывают информацию из известных книг. Подобное воровство, а иначе это назвать нельзя, к сожалению процветает. Часто, даже если и задействованы архивы и серьезная литература, периодика и проч., на них в изданиях не делается ссылок. Получается, что такие авторы как бы пишут чуть ли не на основе собственных воспоминаний. Для серьезного исторического описания, разумеется, необходим и серьезный подход.

Прежде авторы не шибко часто обращались к теме истории погоста Рудня. Храмы часто упоминались в церковной периодике и иной литературе. Из публикаций, где история храмов этого погоста хоть как-то пыталась осмысливаться, можно назвать только статьи в обоих изданиях «Памятников архитектуры Московской области» (1975 и 2009 гг.), главу в книге протоиерея Олега Пэнэжко в книге «Храмы Орехово-Зуевского района», а также статью орехово-зуевского журналиста Веры Кузьминых в книге «Дорога к храму». Данная книга является первой попыткой серьезного монографического описания этого места.

ГЛАВА I

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ПОГОСТА РУДНЯ

Точное время возникновения погоста Рудня нам неизвестно. Скорее всего, погост мог появиться в период христианизации края и проникновение в него цивилизации. Из школьных учебников истории мы помним о том, что погосты учредила княгиня Ольга для удобства сбора дани. Это были своеобразные административные пункты. Современный исследователь-краевед В.Д. Огурцов, так описывает это явление: *«Сеть погостов, сообщавшихся между собой, стала образовываться в Киевском государстве в конце X века, когда удельные князья начали “ходить в полюдье” – собирать дань с подвластных селений. Полюдье продолжалось несколько осенне-зимних месяцев – и для остановок в пути, отдыха и складирования дани князья организовывали станица и погосты (от слова “гостить”). При погостах постоянно жили смерды – крестьяне, находившиеся на княжеской службе и пользовавшиеся некоторыми привилегиями: смерда нельзя было избивать и истязать без княжеского суда. Жили смерды в деревнях, расположенных в непосредственной близости от погоста»*¹.

Когда древнерусская глубинка стала христианизироваться, на погостах стали ставиться первые церкви. Часто церковные погосты устраивались на местах мест языческого поклонения. Возможно, изначальный церковный погост возник здесь еще в период древнерусской колонизации этого вятичско-мерянско-мещерского края. Огурцов считает, что погост Рудня возник еще в XII столетии, когда эта местность находилась на окраине Черниговского княжества. Эту мысль он высказывает опираясь на тот факт, что археологическими раскопками 1962 года вблизи Рудни было выявлено древнерусское селище². По мнению Огурцова, само название речки «Рудня» характерно для южной Руси и восходит к слову «рудый» из языков южных и западных славян, означающее «красный», «рыжий». Аналогичные названия встречаются в бассейне Днепра – гидронимы типа Руда, Рудка, Рудня, Рудница и т.п. Для языка и диалектов коренного населения Центра России, включая и славянских, такое имя не характерно³. Видимо, когда черниговские

власти осваивали это окраинное пространство, здесь были поселены выходцы из южной Руси, которые и принесли с собой этот топоним.

В.Д. Огурцов пишет, что на уже упоминавшемся селище, между XIII и XV столетиями, вернее между пластами культурного слоя, к ним относящимися, существует «пробел». Данный автор считает, что причиной этому может быть нашествие Батюга, воины которого разорили древнее поселение⁴. Однако если бы представители этой черниговской волны славянских колонистов были бы уничтожены при вражеском нашествии, то они унесли бы с собой в могилу и все свои топонимы. Тогда как же могло уцелеть имя речки Рудни? Да и Огурцов ничего не упоминает о том, что культурный слой XIII века заканчивается пепелищем, неизбежным при набеге неприятеля. Скорее всего, после истощения земель при старом обжитом месте, обитатели селения и его округа передислоцировались в другое. Ушли они не далеко, почему и географические имена, типа «Рудня», продолжали бытовать. После же, века через два, потомки этих людей или совсем иные лица снова обосновались на когда-то обжитом месте.

По мнению Огурцова, церковь Рождества Богородицы погоста Рудня была поставлена в начале XV века митрополитом Фотием, когда тот прятался в Сенежской митрополичьей волости, спасаясь во время набега царевича Талыча⁵. Он считает, что митрополит мог за просто поставить церковь на погосте, при выезде из его волости в сторону Москвы. Огурцов также приводит версию, что этот храм был настолько значим и известен в крае, что дал имя не только погосту, а и одному из соседних селений: сельцу Богородскому, находящемуся совсем близко. От «Богородицкая» церковь якобы пошло название селения «Богородицынское», трансформировавшееся затем в «Богородское»⁶. Однако, по мнению старожилов сельца Богородского и соседних деревень, ранее в данном населенном пункте стояла древняя деревянная церковь, также имевшая Богородицкое посвящение (какое именно, Рождество-Богородицкое, Успенское или в честь какой-либо Ее иконе, неизвестно). Храм этот будто бы был построен одним из прежних владельцев волости Гуслица – князем Владимиром Андреевичем Старицким. Эта церковь также стояла чуть ли не до начала XX века, переделанная после своего официального упразднения в сель-

скую старообрядческую общественную моленную. Да и как-то странно, чтобы имя стоящего на погосте храма перешло на одну из приходских деревень, пусть даже и расположенную в нескольких километрах. Такое могло произойти только в том случае, если бы все соседние населенные пункты, кроме нее самой, находились бы в приходах каких-то других церквей. Тогда, как единственную в местности подведомственную Рождество-Богородицкому Рудневскому приходу, ее и могли бы назвать «Богородицким» и «Богородским». Не будем также забывать, что ранее погост с храмом могли находиться еще дальше от деревни Богородское. Об этом мы сейчас вам расскажем.

Касательно же предания об основания погоста Рудня митрополитом Фотием, во время его бегства от татар в Сенежскую волость, то здесь, можно предположить, мы имеем дело с определенным фольклорным моментом. Дело в том, что самым известным «фотиевским» по основанию погостом в Гуслицах был Спас-на-Мошеве, находившийся западнее деревни Куровская (на месте нынешнего района «Пролетарка» города Куровское) и упраздненный в 1859 году при основании миссионерского Спасо-Гуслицкого монастыря⁷. Но еще в 1890-х г. сохранялось предание, что митрополит Фотий, также убегая от татар, основал и соседний с Мошевским погост Селна (сейчас на его месте Давыдовская больница, окраина дер. Давыдово). Это мы узнаем, к примеру, из одной заметки в «Московских церковных ведомостях» за 1896 год⁸. Это уже кажется очень странным: митрополит старается спрятаться от преследующего его неприятеля, бежит в глухую Сенежскую митрополичью волость, а по дороге занимается тем, что то тут, то там основывает новые церковные погосты. Нам все же кажется, что митрополиту и его окружению в той ситуации, когда на подведомственную церковную территорию пришел враг, который угрожает жизни, в лучшем случае просто свободе, когда разорены и выжжены существующие храмы и монастыри, которые надо восстанавливать, явно было не до широкого жеста в виде массового основания новых погостов с храмами в глухой малозаселенной в то время местности. Какой-либо «мемориальный» храм или монастырь митрополит мог основать и построить либо в центральном месте, или в том месте, которое его спасло, в данном случае в самом Сенеге.

Следует полагать, что легенда о «фотиевском» происхождении древних гуслицких погостов появилась позднее. Ее задачей было придать возникновению и истории этих мест определенный статус: мол сам Святитель Фотий основал этот храм и поэтому он такой значимый. Напомним, что Спасский храм Мошевского погоста, невзирая на то, что к 1850-м гг. неоднократно сооружался по новой, устной церковной традицией упорно определялся как «древний фотиевский». Возможно, митрополит Фотий и основал, в благодарность за спасение или по какому-то еще поводу, какой-то из этих погостов, «слава» которого затем перешла и на соседние.

Еще в начале XX столетия сохранялась память о том, что ранее древний погост находился в несколько ином месте. У священника Н. Скворцова в книге «Уничтоженные в Богородском уезде церкви», мы читаем: *«В расстоянии около трех верст от церквей села Рудни есть гора, принадлежавшая Лопухину, Можарову, а в недавнее время купцу Брагину. На этой горе показывают местные крестьяне место, где будто бы стоял прежний деревянный храм. По полю раскиданы камни, которые служили будто бы фундаментом храма. Храм будто бы сгорел от молнии. Причт и прихожане построили храм на теперешнем месте, в Рудне, еще и потому, что прежний стоял в лесу, далеко от селений, и подвергался разорению вместе с домами причта от воров»⁹*. Однозначно, в то далекое время погост не мог называться «Рудней», поскольку находился он не на речке с таким именем. Но, посвящение главного храма – Рождество-Богородицкое – явно было перенесено именно отсюда.

Кстати, относительно связи названия речки с волной южнорусских переселенцев и основанием первоначального древнего погоста, который впоследствии был перенесен на нынешнее место, особых несостыковок нет. Расстояние в три версты небольшое и все равно это пространство было в сфере жизни и деятельности одного сообщества. Кстати, тот перенос, о котором упоминает св. Скворцов, мог иметь место и в XV, и в XVII веках, и позже. Но, судя по тому, что Холмогоровы, которых мы процитируем ниже, первое упоминание о погосте Рудня относят к 1628 году, то не исключено, что к тому моменту храм мог быть уже на нынешнем месте. Документальных свидетельств на эту тему не сохранилось.

Но место прежнего расположения погоста не единственное, которое было вблизи Рудни. У того же св. Сковрцова мы читаем о месте некоего древнего монастыря: *«В расстоянии трех верст от села Рудни есть урочище, называемое Михайлоархангельским. По местному преданию, здесь находился Михайлоархангельский монастырь, разоренный татарами. Сохранились на этом месте кладбище и на нем часовня. В шестидесятых годах XIX века на этом месте найдены в земле в глиняной посудине серебряные монеты времен разных князей и тогда же отобраны полициею.»*¹⁰.

Крест на месте древнего храма
Св. Михаила Архангела.
Фото С.С. Михайлов, 2006 г.

Священник Сковрцов не указывает, в каком именно направлении от Рудни в сторону этого урочища надо двигаться чтобы через три версты попасть на нужное место. Некоторую подсказку нам дают «Сведения о селениях и жителях Московской губернии», изданные в 1870-х гг. Две деревни Гуслицкого Раменья – Мальково и Равенская – расположенные южнее Рудни, одна в двух километрах, другая приблизительно в семи, показаны находящимися «при

Урочище «Крутые берега». Фото С.С. Михайлов

урочище Михайловке»¹¹. Возможно, что это урочище, ныне уже совершенно забытое местными жителями, и есть то место древнего монастыря, разоренного какими-то «татарами», о котором упоминает Сковрцов. Кстати, еще в конце XX века можно было

услышать легенду, что древний монастырь ушел под землю и на его месте образовалось озеро. Своеобразный «Град Китеж». Но, в Гуслицах и соседних землях таких мест, где «проваливались» церкви, немало. Одно из них расположено поблизости и о нем мы сейчас поведаем.

Урочище «Крутые берега».
Фото С.С. Михайлов, 2006 г.

Здесь некоторую путаницу вносит еще одно урочище, посвященное Михаилу Архангелу. Оно находится восточнее Рудни, ближе к деревне Заполицы. Здесь, в лесу, существует небольшой никогда не зарастающий лесом бугор. По местному преданию, здесь стоял храм во имя этого Архангела, который ушел под землю (другой вариант – был разорен) в годы польско-литовского нашествия. Поблизости, на реке Вольной, есть урочище «Крутые берега», где затонули колокола этого храма, уходившие от врага. Старожилы конца XX века еще помнили по рассказам своих матерей и бабушек, что при храме был чуть ли не це-

лый город, где устраивались многолюдные базары. От храма и других построек также ранее сохранялись многочисленные камни, бывшие прежде частью фундаментов. На бугре, по крайней мере в начале 2000-х гг., стояли два осмиконечных креста. Перед ними, регулярно, чаще всего на Михайлов день, собирались местные старообрядцы. К моменту моего приезда в этот уголок, о урочище помнили преимущественно старообрядцы из Заполиц. Они регулярно устраивают здесь моления, преимущественно на Михайлов День 21 ноября. Рассказывали, что ходят сюда также и несколько человек с Рудни. Неподалеку, в лесу, есть и святой источник, также посвященный Михаилу Архангелу. Таким образом, число сакральных объектов, оставшихся здесь, достигает трех: само место храма, «Крутые берега» и Михайлоархангельский родник.

Заполицкие старообрядки молятся на месте древнего храма.
Фото С.С. Михайлов, 2006 г.

Старообрядки из д. Заполицы возле Святого источника.
Фото С.С. Михайлов, 2006 г.

Св. источник Михаила Архангела. Фото С.С. Михайлов, 2000 г.

Прежде, еще в XIX столетии, об этом месте также хорошо помнили жители селения Жашково (Знаменское), которое находится в нескольких километрах южнее, уже на территории Егорьевского района (ранее – уезда). Здесь старожилы также рассказывали об урочище и сохраняли память о том, что когда-то на нем собирались и жашковцы и жители Заполиц. И те, и другие весьма почитали данное место. Судя по всему, когда-то эти две деревни (Знаменское-Жашково селом стало относительно поздно) и составляли приход исчезнувшего храма. Однако жители Заполиц стали старообрядцами, а в Жашкове подавляющее большинство населения относилось к господствующей вере.

Существование в указанном месте древнего Михайло-Архангельского храма подтверждается не только народной исторической памятью, но и историческими свидетельствами. В известной книге священника И. Добролюбова мы находим ссылку на писцовые книги кн. Кропоткина 1636–1643 гг., где фигурирует пустошь Жашково на

реке Волне (нынешней Вольной) с церковным местом Михаила Архангела. Это поселение «запустело до мору»¹². Скорее всего, поздние Заполицы и Жашково – остатки древнего церковного прихода, который существовал рядом с приходом погоста Рудня. В этот приход могло входить относительно большое число населенных пунктов, которые в следствии упомянутого мора или же какого-то иного катаклизма прекратили свое существование. Прежнее Жашково могло до этого момента стоять не там, где оно нам известно позже, а несколько севернее, на реке Вольной. И храм Михаила Архангела мог быть в самом

Св. источник Михаила Архангела.
Фото С.С. Михайлов, 2000 г.

Жашково, которое было селом. Часть жителей прежнего селения, которая уцелела после мора, могла выселиться на новое место, где создала новое селение с прежним именем. Только храма там долгое время не было и он возник позднее, но уже с иным посвящением.

Удивительно, но в окрестностях Рудни есть и третье место, где по народным легендам стояла провалившаяся церковь. Оно находится на речке Рудни, между погостом и соседней деревней Авсюнино. Кстати, именно жительница последней и рассказала мне о нем. Место это по поверьям местного населения считалось проклятым и на него старались не попадать. Здесь начинало «водить» или происходили другие неприятности.

Но, вернемся к истории самих храмов погоста Рудня. У известных церковных историков В. и Г. Холмогоровых, об истории этих церковных сооружений мы читаем следующее:

«Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы на погосте, у речки Рудни, в Раменце.

Церковь Рождества Богородицы “на погосте в Раменце, у речки Рудни”, построенная исстари, находилась в начале XVII ст. Московского уезда, в дворцовой Гуслицкой волости; по окладу 7136 (1628) г. “дани 9 алт. наместничих 5 алт, заезда алтын, десятильничьих гривна”; за 1835–1711 гг. “дани рубль 9 алт., заезда гривна” (Патр. Прик. кн. 2, л. 186 и кн. 196).

По писцовым книгам 141 (1633) года: церковь Рождества Богородиц деревянная, у церкви дворы: попов, дьячков, просвирнин, в приходе 41 двор; пашины церковной земли 3 четверти в поле, а в дву потомуж, сена 50 копен; в 1646 г. – “у церкви во дворе поп Митрофан, во дв. дьячек Епифанко Родионов” (Патр. Прик. вязка 467, № дела 2415 и переписн. моск. уезда кн. 9809, л. 76 об.).

По дозорным книгам 7188 (1680) года: “в Гуслицкой волости, у речки Рудни, на погосте Раменце церковь Рождества Богородицы деревянная, у церкви во дворе поп Козма Флоров, да дьячек Провка Флоров; церковь построена изстари, а пашины владеет поп к той церкви на 20 чети в поле, а в дву потомуж, сена на 50 копен, лесу пашенного и непашенного в длину на версту, а поперек тож” (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 192).

7199 (1691) г. августа 8, по благословенной грамоте дан антиминс ко освящению церкви Рождества Пресв. Богородицы великих государей в дворцовую Гуслицкую волость, в Московский уезд, тяж церкви попу Прокопию (Патр. Прик. кн. 138, л. 17).

В 1710 г. “на погосте, на речке Рудне церковь Рождества Богор. Деревянная, рублена клецки, ободной главе, а на главе крест железной позолочен сусальным золотом, а в церкви царские двери, сень и столбцы столярные, золоченые, по правую сторону царских дверей местных икон: образ Всемило-стивого Спаса, венец с сиянием и гривенка серебряные, чеканные, золочены, образ Рождества Пресв. Богородицы, венец с короною гладкие и с перьями, в привесе крест серебряной, другой венец с короною и с гривенкою, золоченые, на том же образе пять венцов басемных образ Николая чудотворца в житии, на нем венец и гривенка серебряные, резные, образ св. великомуч. Парасковей нарицаемая Пятницы, на нем венец и гривенка серебряные, резные, образ св. пророка Илии писан на красках; по другую сторону царских дверей: образ Рождества Пресв. Богор. оклад серебряной, риза литая чеканная, венец серебряной, убрус у ризы низанной жемчугом, в привесе шесть крестов, перстень

серебряные, да денег рубль, образ Богородицы Казанския, образ св. мученик Фрола и Лавра, писаны на красках; над южными дверьми образ Воскресения Христова, в киоте, оклад серебряной, да 8 венцов малых серебряных, на южных дверях образ Архидиакона Стефана, а те образы поставлены в киоте столярном, золоченом, перед местными образы шесть лампад медных, в деисусе: апостолов и праздников один ярус, перед спасительным образом поникадило медное, две хоругви, на них образы Богоявления Господне, да Благовещение Пресв. Богородицы; в алтаре на престоле два евангелия – одно в десть обложено бархатом красным, распятие и евангелисты серебряные, другое евангелие в десть обложено бархатом, распятие и евангелисты серебряные резные, крест благословенной, распятие чеканное, обложен серебром басменным, ковчег оловянный, за престолом два креста выносных больших писаны на красках, запрестольный образ Богородицы Владимирския, на другой стороне, на обороте образ чудотворца Николая, оклады басемные, венцы и гривенки резные, за престолом же образ Всемилоштивого Спаса, на нем венец и гривенки басемные, образ Рождества Богородицы, образ Архидиакона Лаврентия писаны на красках; на жертвеннике сосуды серебряные, резные. Завес крашиениной, чаша водосвятная, укропник и два кадила медных. Книг: апостол, октой на 8 гласов, две псалтири со воследованием, минея общия с праздники, две триоди – цветная и постная, требник большой, служебник евангелие воскресное, житие чудотворца Николая. В трапезе образ Богородицы всем скорбящим. Колокольня рубленая восьмигранная, на ней три колокола". (Вотч. Колл. по гор. Москве, ст. л. кн. 53, № дела 11, л. 61).

В записной книге исходящих бумаг Синод. Каз. Приказа за 1713 год, значится: "августа в день, запечатан указ о освящении церкви, по челобитью Московского уезда, Гуслицкой волости, Рождественского попа Прокопия Фролова, велено в Московском уезде, в той же волости, церковь Рождества Богородицы освятить Большого Успенского собора протопопу с братиею и антиминс в тою церковь выдать; за полотно деньги взяты" (Патр. Прик. кн. 438, л. 33).

В 1742 г. на погосте на речке Рудни находились две церкви деревянные во имя Рождества Пресв. Богородицы и св. Николая Чудотворца. При них были священники Прокопий Фролов 1703–1715 г., Петр Прокопьев 1726 г. и Василий Петров 1742 г.; дьякон Семен Григорьев 1726–1742 г., дьячки: Ермил Якимов 1703 г., Степан Прокопьев 1710–1742 г.; пономари: Василий Никифоров 1726 г., и Иван Степанов 1742 г. (Отказн. кн. 33, № 10, л. 52, по гор. Москве, преписн. кн. 1715 г., л. 618)¹³.

Вид на летний и зимний храмы погоста Рудня с запада. Фото С.С. Михайлов, 2006 г.

В тексте Холомогоровых, как вы наверное обратили внимание, фигурирует весьма интересный топоним: «Раменец». Еще в начале XX столетия, в некоторых публикациях мы встречаем касательно края, где находится погост Рудня, обозначение «Раменье». Например, в издававшемся в Нижнем Новгороде журнале «Старообрядцы», в 1908 году мы читаем: «село Рудня представляет собою бойкий торговый центр для здешней местности, известной под собирательным названием “Раменье”, населенной преимущественно старообрядцами». В Раменье входило 14 деревень¹⁴. Это название весьма распространено в Центральной России, да и в Подмосковье в частности: Раменье, Раменки, Раменское и т.п. Оно происходит от ныне не употребляемого в живой речи слова «рамень» в значении «лес»¹⁵. Чтобы отличать его от других «Рамений», как нам кажется, уместнее его именовать «Гуслицкое Раменье». Возможно, что это географическое имя в рассматриваемом месте восходит еще ко времени славянской колонизации края. В более позднее время, по-

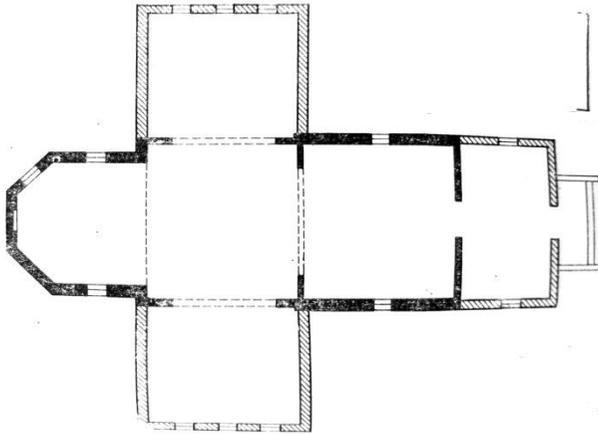
сле 1862 года, Гуслицкое Раменье административно оказалось объединено в Дорховскую (Дороховскую) волость. Ее центр первоначально находился в селении Дорхово, недалеко от Рудни, а потом был перенесен на сам погост.

В каталоге «Памятники архитектуры Московской области», во втором его издании, о двух сохранившихся храмах погоста Рудня сказано следующее. Летний храм во имя Рождества Богородицы сооружен в начале XVIII в., согласно надписи на выносном кресте «по благословию митрополита Стефана Рязанского» и освящена в 1713 году. Колокольня при храме прежде стояла отдельно, и только в XIX столетии была объединена с основным объемом церкви пристройкой обширного притвора. При этом была разобрана западная часть галереи. Зимний же храм во имя Рождества Христова был поставлен в 1781 году, «вместо прежней Никольской» церкви¹⁶. Эта информация разнится с тем, что было напечатано в предыдущем издании «Памятников архитектуры...» в 1975 году. Там, летний храм погоста датирован 1782 годом, а зимний – первой четвертью XVIII в., с перестройкой в XIX в.¹⁷. В «Известиях Императорской Археологической Комиссии» мы встречаем упоминание о летнем храме Рудневского погоста, которое еще более сбивает нас с толку. Здесь кратко говорится о ремонте храма, который имел место в 1911 году. И в тексте, и в подписи к фотографии мы видим дату: 1672 год¹⁸. Разумеется, никаких подробностей, откуда эта датировка взята, нет. Возможно, авторы спутали время сооружения летней церкви погоста со старой датировкой зимнего храма, которую мы увидим ниже.

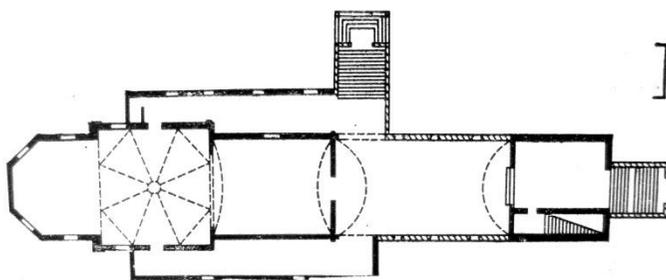
В более поздних клировых ведомостях и некоторых других источниках, время построения наиболее старого храма указывается – 1572 год. Там же дается и та же дата сооружения более поздней церкви, что представлена в первом издании «Памятников...» – 1781 год¹⁹. Эту же информацию мы встречаем и в книге Благовещенского «Краткие сведения о всех церквях Московской епархии», с той только разницей, что летняя церковь относится к 1782 году, но здесь автор мог просто ошибиться в указании года, тем более, что другая церковь также имеет дату построения, заканчивающуюся на «2»²⁰.

Но, если мы возьмем сами клировые ведомости, о которых пока только упомянули, то найдем еще большее число непонятных моментов. Не будем проводить обзор первых страниц всех клировых ведомостей, где речь идет собственно о храмах. Возьмем самую позднюю ведомость, обнаруженную нами в архиве – датированную 1920 годом. Это самая близкая по времени к нашему периоду составленная подобная ведомость, появившаяся уже в советское время. Здесь мы видим летний храм Рождества Богородицы, которую соорудили в 1572 году, «сентября 8 дня». Вторую, теплую или зимнюю церковь, во имя Рождества Христова, по сведениям анонимного автора ведомости, построили в 1782 году, также «сентября 8 дня». Оба храма были построены «тщанием прихожан»²¹. Но, откуда обе даты даны, непонятно. Анонимный автор никаких ссылок не дает. Также добавляет вопросов и тот момент, что оба храма были сооружены 8 сентября. Возможно, это дата освящения, т.к. даже при самом быстром строительстве построить деревянный храм в один день, если он конечно же не срублен где-то еще и не перевезен на место только для сборки. 8 сентября по старому стиль – это праздник Рождества Богородицы, т.е. престольный праздник одного из храмов. Т.е. либо начало функционирования храмов были привязано к этому дню, либо уже в более позднее время его стали считать «днем рождения» церковной постройки, причем не одной. Но почему в клировых ведомостях древним храмом считается явно более поздняя церковная постройка, а та, про которую как о древнем сооружении говорят другие источники и местное народное предание, относят только к 1780-м гг., непонятно.

Те ответственные лица, что составляли клировые ведомости, явно использовали какие-то документы, которые хранились в самой церкви, возможно, также, что и опирались на народные предания. Однако, в последнем случае уж точно не было бы столь конкретных указаний на годы постройки. Касательно же 1713 года, то возможно, что здесь речь идет о сооружении предыдущей летней церкви. Срок между 1713 и 1772 годами – время достаточное, чтобы деревянная постройка могла бы обветшать и ее заменили на другую. Впрочем, данная несостыковка в датировке является далеко не единственным серьезным промахом составителей второго издания «Памятников...».

Зимний храм Рождества Христова в Погосте Рудня.
Современный вид и план

Летний храм Рождества Пресв. Богородицы в Погосте Рудня.
Современный вид и план

Что же касается странностей с датировкой зимнего храма в клировых ведомостях и ряде других источников (последние могли просто брать информацию из клировых ведомостей) и у авторов обоих изданий цитировавшегося каталога, которые относят его сооружение к XVIII столетию, правда к разным его периодам, то, возможно, церковная постройка 1570-х гг. могла неоднократно перестраиваться. Изначально эта церковь могла иметь Никольское посвящение, а после очередной переделки ее освятили уже во имя Рождества Христова. Отсутствие какого-либо упоминания о храме у Холмогоровых на более раннем этапе, нежели 1740-е гг., скорее всего следует объяснить тем, что церковную постройку могли перенести из какого-то другого места. Неподалеку от Рудни, в Ащерино, прежде существовал самостоятельный приход с Никольским храмом. Но, после его упразднения, церковная постройка была перенесена на Ильинский погост, о чем вплоть до XX столетия рассказывали старожилы. К сожалению, точных документальных указаний по этому поводу нет. Только упоминаемая неоднократно дата «1572» дана явно не с потолка. Скорее всего, до нашего времени не дошел документ, который был известен авторам клировых ведомостей и на который они опирались. Косвенным же свидетельством переосвящения церкви может служить то, что у Холмогоровых она в 1742 году показана Никольской, тогда как у авторов первого издания каталога она существует с первой четверти XVIII века. Короче, загадок здесь много.

По этому поводу, также хотелось бы привести местное «поверье», которое еще в конце XX столетия можно было услышать от жителей некоторых населенных пунктов прежнего Гуслицкого края, что этот храм – старообрядческий. В.Д. Огурцов, во время своих полевых изысканий в районе погоста Рудня, записал от местных жителей, что церковь на погосте поставили «лет шестьсот назад»²². Но, здесь может быть и то, что сохраняются остатки исторической памяти о древних храмах погоста, которые были построены еще в самом начале местной церковной истории.

То, что летний (холодный) храм посвящен Рождеству Богородицы, а зимний (теплый) – Рождеству Христову, вполне закономерно. Обычно служение в таких парных храмах осуществлялось следующим

образом: в летнем служили с Пасхи до Покрова, а в зимнем – с Покрова до Пасхи. Рождество Богородицы выпадает на теплое время года, когда молятся в летних храмах, а Рождество Христово празднуется 25 декабря по старому стилю или 7 января по новому.

Камни под летним храмом Рождества Пресв. Богородицы в погосте Рудня.
Фото С.С. Михайлов

Выше мы уже упомянули, что часто первые церковные погосты ставились в центрально-российской глубинке на местах древнего языческого поклонения. Здесь новая духовная власть пыталась, с одной стороны уничтожить древние капища («наш Бог сильнее»), а с другой, воздвигая уже свои святилища там, куда население уже привыкло ходить многими столетиями, прекрасно использовали подобную «привычку». Рудня расположена в западной части Мещёры. В дославянское время здесь обитали представители двух финно-угорских народов: меря и мещера. Для финских этносов было характерно почитание священных деревьев, камне и целых мегалитических комплексов. Последних, в разной степени сохранности, довольно много сохранилось в Мещёрском крае, в том числе и в его подмосковной части. В наше время их серьезно выявляет и исследует Д.П. Барсков. Аналогичный комплекс из нескольких, или даже не-

скольких десятков священных камней, мог находиться и на том месте, где первоначально был устроен погост. Вспомним и раскиданные по полю камни, о которых упоминает в начале XX века священник Н. Скворцов, а также рассказы о большом числе камней, которые лежали на месте храма между Рудней и Заполицами... К сожалению, у нас нет никаких их описаний и фотографий. Посему невозможно сравнить их с камнями на известных комплексах, к примеру, в Кривандино, в Шатурском районе, восточнее Рудни.

Если обойти летний храм Рождества Богородицы с восточной стороны, то можно увидеть под алтарной частью церковной постройки уложенные под основание сруба большие камни валуны. По своей форме они похожи на те, которые обнаружены Барсковым на многих древних сакральных комплексах. Возможно,

Камни под летним храмом Рождества Пресв. Богородицы в погосте Рудня. Фото С.С. Михайлов

можно, когда переносили храм погоста с прежнего места на нынешнее, то и перевезли часть камней, которые были использованы после разорения древнего языческого святилища для основания древней деревянной церкви. Подобная практика существовала практически везде. Во время одного из посещений погоста Рудня мне довелось побеседовать с одной местной женщиной, коренной жительницей населенного пункта. Она поведала, что камни эти, когда строили существующую церковь, специально везли аж с Колымы, реками, причем почему-то через Коломну. Однако эта легенда, взявшаяся неизвестно откуда, разумеется не верна. Зачем было добывать камень где-то на востоке Сибири для фундаментов рядовой подмосковной церквушки? На наш взгляд, верным из этого рассказа может быть только то, что камни эти были собраны не по полям и лесам Рудни и окрестностей, а были транспортированы из другого места. Колыма с

Коломной были придуманы позже. Здесь также важно то, что к камням явно было Рождества Пресв. Богородицы какое-то особое отношение, поскольку их облекли легендой. Это можно объяснить только тем, что камни могли происходить с древнего священного комплекса. Аналогичный прецедент существовал в древнем Никитском погосте, близ современной деревни Чёлохово, на юге Гуслиц, ныне в Егорьевском районе. Здесь погост с церковью явно был сооружен на месте древнего языческого комплекса, где находилось много камней. Часть из них была использована под основание церковного сруба, а часть была разбросана вокруг. Даже когда в 1792 году погост упразднили и деревянный храм перевезли на новоустроенное кладбище г. Егорьевска, место, а также один из камней и святой источник рядом, продолжали почитаться. Остатки этого почитания сохраняются до сих пор, когда этот камень недавно был снова обнаружен (в начале 1970-х гг. это пространство было нарушено поисками фосфоритов).

Есть еще один интересный момент. В Гуслицах, в местах древних погостов и сел (Ильинский погост, Селна, Хотейчи) еще в конце XX века, да и позже, можно было услышать легенды о подземных ходах, которые шли в разные стороны из под храмов. К примеру, в Ильинском погосте о двенадцати подземных коридорах, идущих в разные стороны, мне рассказали в начале 2000-х гг. ученики местной школы. Но, в Рудне о таких ходах никто не рассказывает. Говорят только об обширных подвалах под зимним храмом, но это совсем иное, нежели фольклорный пласт о подземельях. Этот момент также может служить подтверждением того, что нынешний погост находится не там, где его основали изначально.

Известно, что еще в XVIII столетии возле погоста Рудня были владения и рыбные ловли упраздненной в 1764 году Соловецкой пустыни в Марчугах. «...а от деревни Чаплины до реки Мерзки речка Волна от вершины от погосту Рождества Богородицы Гуслицкой волости до деревни Богородицкаго, а от деревни Богородицкаго до деревни Заволенья (?) впала в реку Мерзку...»²³. Здесь мы видим реки Нерскую и Вольную, вернее их прежние формы названий, а также и сам погост Рудня, который здесь назван по посвящению храма, и деревню Богородское, представленную в варианте «Богородицкая».

В 1753 году прихожане церкви Рождества Богородицы у речки Рудни, Вохонской десятины Гуслицкой волости, подали епархиальному начальству приговор, в котором просили посвятить им другого, «кроме Василия Петрова» священника, а именно «тогож села диаконова сына Алексея Семенова». Прихожан было 216 дворов, в которых проживало 840 душ мужского пола. По исповедным же ведомостям 1751 года в приходе значилось 234 дворов, с населением 967 душ мужского пола и 977 женского²⁴.

К сожалению, мы крайне мало знаем о многовековой истории древнего погоста Рудня и его обжитых окрестностей. Данный пробел вряд ли когда-либо сможет быть восполненным, поскольку очень мало сохранилось исторических документов. Более-менее нам известна поздняя история этого места, которая нашла свое отражение в документальном материале двух последних столетий.

-
1. Огурцов В.Д. Дороги митрополита Фотия // Богородский край. Ногинск, 2001. № 1. С. 48.
 2. Там же. С. 48-49.
 3. Там же.
 4. Там же.
 5. Там же. С. 52.
 6. Там же. С. 53.
 7. Сказание о начале и настоящем положении Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря. М., 1863. С. 14.
 8. Из Гуслиц, Богородского уезда // Московские церковные ведомости, 1896. № 39. С. 513-514.
 9. Скворцов Н. Уничтоженные в Богородском уезде церкви. М., 1901. С. 26.
 10. Там же. С. 25.
 11. Сведения о селениях и жителях Московской губернии. М., 1873. Т. I. Богородский уезд. С. 10-11.
 12. Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Рязань, 1891. Т. 4. С. 404.
 13. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI-XVIII ст. М., 1888. Т. 6. Вохонская десятина. С. 37-39.
 14. Матвеев Т. Как насаждалось единоверие // Старобрядцы. Нижний Новгород, 1908. № 2-3. С. 292.

15. Поспелов Е.М. Топонимический словарь Московской области. М., 2000. С. 227–228.
16. Памятники архитектуры Московской области: 2-е изд. М., 2009. Вып. 4. С. 251–253.
17. Памятники архитектуры Московской области: 1-е изд. Т. 2. М., 1975. С. 106–107.
18. Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1912. Вып. 44. С. 5–6.
19. Сведения о селениях и жителях Московской губернии... С. 12–13.
20. Благовещенский И.А. Краткие сведения о всех церквах Московской епархии. М., 1874. С. 102.
21. Центральный Исторический Архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 2127. Оп. 1. Д. 480. Л. 2.
22. Огурцов В.Д. Указ. раб. С. 54.
23. Скворцов Н.А. протоиерей. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII века. М., 1911. Вып. 1. С. 197.
24. Там же. С. 193.

ГЛАВА II

ИСТОРИЯ ПОГОСТА РУДНИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

1. ХРАМЫ

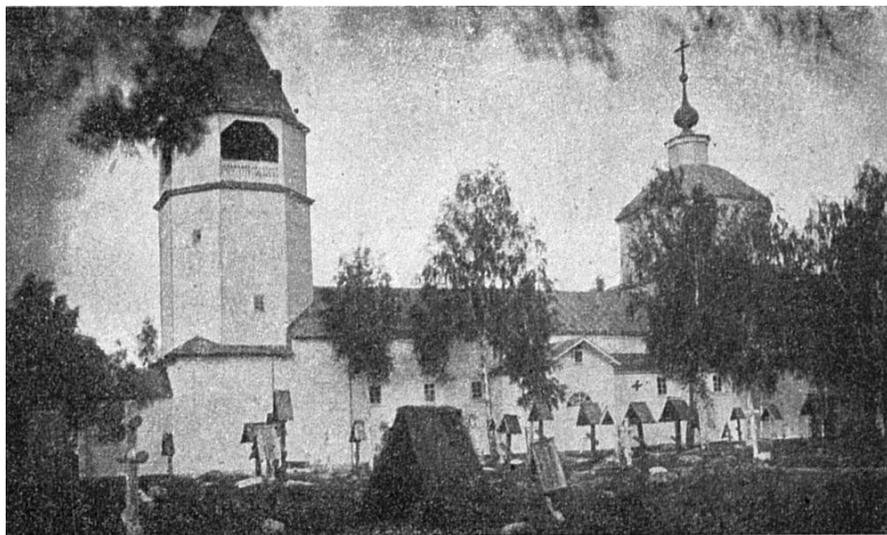
Как мы с вами видели из предыдущей главы, к началу рассматриваемого периода на погосте были построены оба существующих ныне здания. В XIX веке эти церкви окончательно приобрели тот вид, который они имеют сегодня. Большая, летняя церковь, была объединена в единое целое с колокольной, которая стояла прежде отдельно к западу от храма. Оба сооружения были объединены обширным притвором. «При этом была разобрана западная часть галерей, здание снаружи, а галереи и с внутренней стороны обшиты тесом, выстроены южное и западное крыльца. Облик храма существенно изменил свой характер, в значительной степени утратив художественную выразительность». Однако, каким образом «художественная выразительность» пострадала, авторы «Памятников архитектуры Московской области» 2009 года, не сообщают. В куполе церкви во второй половине XIX века появилась живопись¹.

Также произошли изменения и с зимним храмом. В первой половине XIX столетия к ней были пристроены западный и боковые притворы, а также западное крыльцо. Здание в плане приобрело форму креста.

Известно, что в 1806 году в одном из храмов был устроен новый иконостас, который сохраняется и поныне. Здесь возникает вопрос: в каком именно из храмов погоста этот иконостас был установлен? Два разных издания «Памятников архитектуры Московской области» дают разную информацию. Издание 1975 года сообщает, что в зимнем храме, а во втором издании, вышедшем в 2009 году, наоборот, речь идет о летней церкви. Касательно же зимнего храма говорится, что «...скромный иконостас с тремя рядами икон относится к эпохе классицизма»². Не исключено, что в 1806 году новые иконостасы были установлены в обеих церквях, однако, у нас нет по данному вопросу никакой точной информации.

Зимний храм Рождества Христова. Вид и интерьер. Фото С.С. Михайлов.

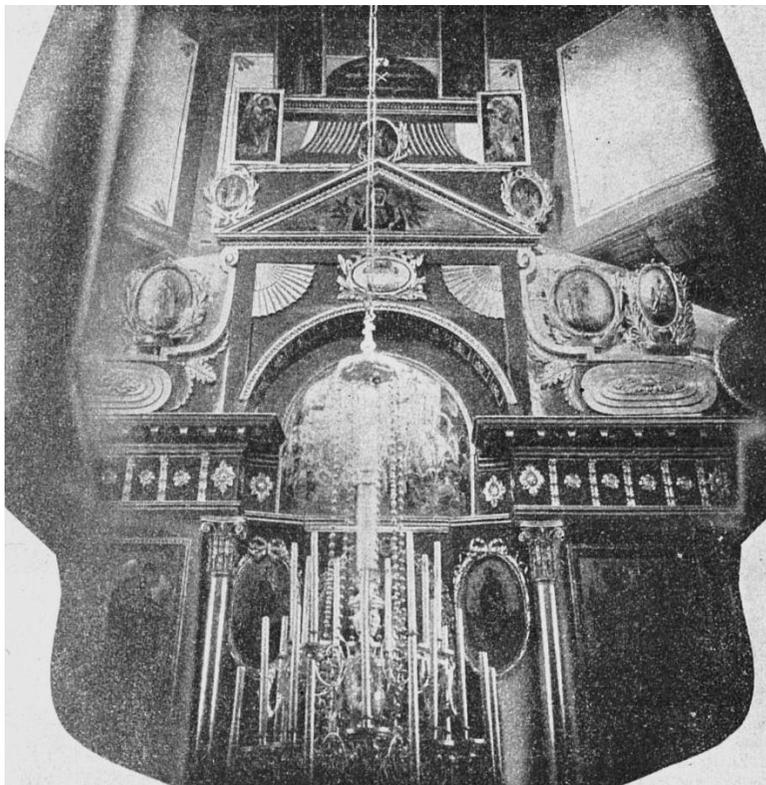
Церковь с. Рудни Богородского уезда.

Известия Императорского археологического общества, 1911 г.

В середине XIX столетия, по сведениям, полученным из клировой ведомости Рудневского погоста за 1842 год, оба храма считались достаточными утварью. При них было усадебной земли 9 десятин 277 квадратных сажен. Сенного покосу – 41 десятина 810 кв. сажен. Леса строевого и дровяного значилось 70 десятин 730 кв. сажен. Под самими храмами и кладбищем было 1876 квадратных сажен земли. «...под разными дорогами...» – 1 десятина 882 кв. сажени. Небольшая часть церковной земли находилась также и под речкой. Землей владели сами священно- и церковнослужители храмов погоста. Все документы на землю в храмах хранились в полном порядке. Дома у всех членов церковного причта были собственные и стояли на церковной земле. По состоянию на 1842 год, никаких зданий, принадлежащих церкви, не было³.

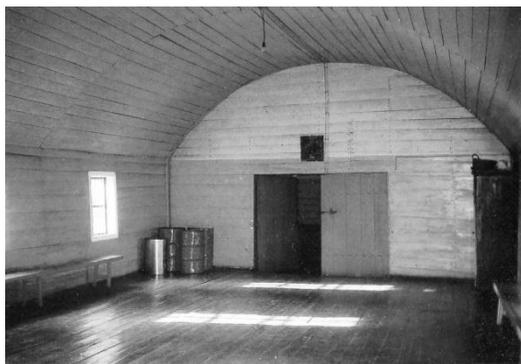
Однако здесь авторы клировых ведомостей немного лукавят. В фонде Московской Духовной Консистории сохранилось небольшое дело о разрешении причту Рудневского прихода перенести из соседнего Никитского на церковную землю в самой Рудне деревянную часовню, которое датировано 1871 годом. Причт подал прошение на имя

викарного епископа Можайского Игнатия 7 января (по старому стилю) 1871 года, в котором объяснял необходимость переноса следующим. Часовню эту без официального разрешения поставили крестьяне сельца Никитского, Горки тож, где-то в районе 1861 года. В 1862 году в этой часовне была установлена кружка для сбора пожертвований. За весь период, с 1863 по 1870 гг., всего в эту кружку было брошено денег... 27 копеек серебром. Поэтому просили разрешения на перенос ее на ту часть церковной земли, где проводились базары, и где пожертвований могло быть в десятки раз больше. Крестьяне Никитского также были не против переноса. В результате разрешение было получено⁴. О дальнейшей судьбе этой часовне нам ничего не известно.

Иконостас церкви с. Рудня.

Известия Императорского археологического общества, 1911 г.

Летний храм Рождества Пресв. Богородицы. Интерьер. Фото С.С. Михайлов.

Разумеется, оба деревянных храма регулярно ремонтировались и, скорее всего, время от времени перебирались. Без этого эксплуатация подобных сооружений, стоящих не одну сотню лет, невозможна. Зачастую подобные ремонтные работы заключались в замене подгнившего теса, который прикрывал от непогоды бревенчатые стены церкви, замене окон, дверей и прочие мелочи. Большинство таких работ, коих явно за всю историю храмовых зданий было произведено множество, для нас так и останутся неизвестными.

В августе 1853 – марте 1854 гг. Московская Духовная Консисто́рия рассматривала дело о разрешении приходу храмов погоста Рудня (Рождествобогородицкой церкви у речки Рудни) устроить на своей церковной земле небольшой кирпичный заводик, для производства небольшого количества кирпича для фундамента под зимний храм. В прошении на имя митрополита Филарета говорилось о двух храмах, летнем и зимнем: «...состоят в твердости, на простом диком каменном фундаменте...», т.е. церковные срубы были поставлены на камни-валуны, какие и сейчас сохранились под алтарем и четвериком летней церкви. То, что под срубом оказывалось пространство, было необходимо для того, чтобы бревна нижних венцов не соприкасались с землей и не подгнивали, а также, чтобы это пространство продувалось. Но, для зимней церкви Рудневского погоста это имело и определенный минус: в зимний период, когда этот храм собственно и функционировал, в нем было холодно. Посему, причт и прихожане просили разрешить «на кошелевкую сумму с пособием доброхотодателей» подвести под зимний храм кирпичный фундамент. Просители заявляли, что на церковной земле имеется своя красная глина, пригодная для изготовления нужного количества кирпича. Предполагалось, что нужно было поставить кирбат для изготовления необходимого стройматериала.

Прошение рассматривала Московская Духовная Консисто́рия, которая выяснила, что для кирпичного фундамента под зимний храм потребуется не менее 20 тысяч штук кирпича. Для того чтобы его обжечь на месте, о чем просили причт и прихожане Рудневского прихода, также потребовалось немалое количество дров. К сожалению, понять, чем закончилось данное разбирательство, по документам дела нельзя.

Каменный (кирпичный) фундамент под зимним храмом появился, но был ли он сделан из собственного кирпича, или же стройматериал был закуплен на одном из существующих поблизости заводов, для нас остается тайной⁵. Ниже мы увидим, что какую-то непонятную для прихожан сторону этих работ, часть прихожан припомнила священнику Коржавину в своей жалобе духовному начальству.

По архивному материалу мы знаем, что в 1865 году небольшие работы были произведены павлово-посадским купцом Антоном Апухтиным, который был родом из приходской деревни Титово и в то время был одним из ключевых деятелей новых рудневских базаров. Церковный причт и староста сделали ему, как человеку, который собственно и добился учреждения в Рудне регулярных торгов, первые годы делали ему максимально выгодные условия для деятельности. Апухтин, со своей стороны, хотя и был старообрядцем, также помогал церкви. На средства преимущественно Апухтина были произведены следующие работы: заменена сгнившая тесовая обшивка, заменено одно бревно в «трибуне» под окном с южной стороны, заменен ветхий тес на паперти и заменены ветхости в углах здания⁶.

В архивном деле было указано, что работы были начаты 14 марта. Среди мастеров были упомянуты: купец города Егорьевска Рязанской губернии Пантелей Иванов Хренов, крестьянин сельца Никитского Ефим Ионов, крестьянин деревни Сычевой Егорьевского уезда Абрам Ефимов⁷. Данное архивное дело посвящено не ремонту здания, а проблемам, которые возникли в приходе из-за неприятностей на рудневских базарах. Причт, который дал множество обещаний купцу Апухтину, в это время, стремясь извлечь максимум выгоды, начал их нарушать. В марте 1865 года члены причта в прошении на имя митрополита Филарета упомянули, что в 1862 году, когда дело с базарами еще только намечалось, из храма были похищены два потира⁸.

Уже упоминавшийся нами о. Иоаким Коржавин, подведший под зимний храм каменный фундамент, также обнес церковный участок, на котором стояли сами церкви, очередной деревянной оградой⁹. По всей видимости, эта коржавинская ограда появилась в промежутке между 1842 и 1858 гг. (когда рассматривалось дело) и была

непосредственной предшественницей той, которая была устроена к началу XX столетия и которую мы видим на погосте сейчас.

В 1872 году, на средства нового церковного старосты, павлово-посадского купца 2-й гильдии Трифона Ефремова Алексева, у храмов и колокольни была выкрашена кровля и проведен еще кое-какой незначительный косметический ремонт¹⁰.

Еще один из известных нам ремонтов летней церкви был произведен в 1911 году. В это время уже научились ценить наследие предков и подобные старинные сооружения находились под наблюдением разных обществ любителей старины, включая и Императорскую Археологическую Комиссию. Именно с его разрешения была произведена окраска внутренних стен, замена входных дверей новыми и устроены новые окна в притворе¹¹.

Клировая ведомость 1831 года сообщает нам, что в приходе в целости сохранялись копии метрических книг с 1794 года, и исповедные росписи с 1828 года¹².

По данным на 1913 год, приход храмов погоста Рудня закупил у епархиального свечного завода свеч 22 пуда 12 фунтов, а сдал огарков 11 пудов 8 фунтов. Масло и вино причт у завода не покупал, а приобретал, видимо, где-то в ином месте¹³.

В 1914 году, согласно данным «Московских церковных ведомостей», приход погоста Рудня закупил у епархиального завода свеч 19 пудов 7 фунтов. Огарков же из прихода было сдано 10 пудов 21 фунт¹⁴. Масло и церковное вино также у завода не покупались. Для такого многолюдного прихода такого небольшого количества покупаемых свечей явно было немного. Здесь для сравнения можно привести, сколько закупали в том же 1914 году некоторые соседние приходы: с. Хотееичи – 25 пудов, 37 фунтов, с. Гуслицы (Ильинский погост) – 38 пудов, 37 фунтов, с. Игнатьево – 59 пудов, с. Карпово – 35 пудов, 56 фунтов. Причем во всех указанных гуслицких и гжельских (два последних) приходах, также как и в Рудне, проживало старообрядческое население и свечи явно приобретались только для духовных потребностей официально православного населения. Однако, нам не известно, где брали свечи старообрядцы. Они явно имели какие-то свои мастерские и каналы распространения свечной про-

дукции. Но, возможно предположить, что по крайней мере часть староверов могла приобретать свечи и в официальных храмах.

В главе, которая расскажет о жизни храмов Рудневского погоста советского периода, мы, ссылаясь на одной из послевоенных архивных дел, сообщим, что спецификой прихода было то, что здесь не служилось всенощных бдений. Судя по всему, такая практика появилась намного раньше. В жалобе прихожан на действия священников Н. Глаголевского и И. Преображенского, поданной в 1913 году, упоминается, что в обычные дни, во время богослужения Литургия совершалась без утрени¹⁵. В случае если накануне вечером служилось полноценное всенощное бдение, или даже просто вечерня и утренья, служить последнюю утром, непосредственно перед самой Литургией не надо. Утренью перед Литургией служат только тогда, когда ее не молились накануне вечером.

Касательно богослужения в рудневских храмах, хотелось бы привести и следующий прецедент. В 1884 году, когда в приходской деревне Мальково небольшая часть старообрядцев перешла в единоверие, О. Матфей Преображенский подал прошение на имя викарного епископа Можайского Мисаила, в котором просил духовное начальство разрешить для новоявленных единоверцев совершать в приходских храмах по старопечатным книгам, т.е. по дониконовскому чину. Но на прошение последовал отказ, в виду того, что положено было до построения для единоверцев особого храма, молиться им в обычной церкви, по обычному обряду¹⁶. Единоверческая церковь в Мальково вскоре была построена, но об этом в отдельной главе.

В том виде, в каком обе церковные постройки встретили XX столетие, они примерно сохраняются и поныне. Особых утрат и перестроек в советский и постсоветский период не было. Разумеется, даже не взирая на то, что фактически церкви погоста не закрывались и не были разграблены, изменение произошло с имуществом и внутренним убранством. Регулярные набеги грабителей последних десятилетий сделали свое дело.

Священные места возле погоста Рудня

Возле погоста Рудня находится несколько мест, истари почитаемых населением. В предыдущей главе мы упомянули о местах «провалившихся» церквей и древнего монастыря. За исключением места между Рудней и Авсюнино, эти урочища были почитаемы и привлекали местных паломников.

Колодец в честь Казанской иконы Пресвятыя Богородицы. Фото С.С. Михайлов.

Самой важной святыней погоста Рудня и его окрестностей, безусловно, был и остается источник в честь Казанской иконы Пресвятыя Богородицы. Он истари почитается и приверженцами официального исповедания, и старообрядцами. По рассказам старожилков, на Казанскую Летнюю, т.е. 21 июля по новому стилю, на лужайке перед источником ставилось до шести аналоев: молебны одновременно молились и официальные православные и представители пяти старообрядческих согласий. Этому источнику, а также другому

чтимому Казанскому роднику юго-востока Гуслиц, находящемуся в Гридино, посвящена интересная работа Д.В. Громова, опубликованная в 2004 году в альманахе «Гуслицкая округа»¹⁷.

Громову очень мало рассказали о древней причине начала почитания этого места: к рубежу XX–XXI вв. это уже стерлось из памяти населения. Ранее о явленной здесь Казанской Иконе, которая потом хранилась в храмах погоста, говорили куда больше. Ему также рассказали о четырех-шести аналоях, которые ставились на Казанскую Летнюю. Фактически, благодаря роднику, Казанская Летняя уже очень давно стала на Рудне вторым престольным праздником, после Рождества Богородицы, затмив собой посвящение второго храма погоста – Рождества Христового.

В советское время Казанскому источнику, как и большинству других подобных народных святынь, была объявлена война. Старожилы рассказывают такой случай. Когда прокладывали асфальтированную дорогу от Шатурского шоссе до деревни Мальково, было поставлено условие, что шоссе обязательно должна была пройти по месту самого родника. Для первой дороги даже забивали сваи, но ее все равно размыло. Наконец, один, по версии записанной Громовым – архитектор, по рассказам моих информаторов – инженер, все же смог добиться успеха и загнать родник под землю. Однако святой источник вскоре забил рядом с дорогой. Интересен рассказ о судьбе этого человека в дальнейшем. Когда он умирал, то попросил жену принести ему воду именно из рудневского Казанского источника. Женщина пришла и набрала воду в бутылку. Но, перед самой дверью квартиры бутылка выпала из рук, разбилась, а вода разлилась. Вторая попытка также закончилась неудачей: емкость снова разбилась на пороге. Тогда женщина набрала воду в ладони и так понесла ее умирающему мужу. До его рта смола донести только три капли. Когда его хоронили, была летняя жаркая погода, дождей не было относительно давно. Тем не менее, когда гроб стали опускать в могилу, то она оказалась заполненной водой. Это самая популярная быличка о Казанском роднике в Рудне и окрестных населенных пунктах.

В нынешнем виде родник существует примерно с начала 1990-х гг., когда его оборудовали по инициативе о. Василия Литвиненко. До этого

здесь был обычный родник, вокруг которого висели иконки, развешанные верующими людьми¹⁸.

От некоторых старожилов в начале 2000-х годов удалось выяснить информацию еще об одном святом источнике, который находится фактически в самой речной пойме. Он имел Богородичное посвящение, одна из пожилых жительниц Рудни, которая и показала само место источника, сказала, что он имел Боголюбское посвящение. Это не удивительно: Боголюбская Икона Богородицы была почитаема, например, в старообрядческом селении Климово, Бронницкого уезда, юго-западнее Гуслиц. Эта же женщина рассказала, что она несколько раз пыталась облагородить и обустроить святое место, но каждый раз неудачно. К примеру, в последний раз, пытаясь устроить что-то наподобие маленького сруба, она по пояс провалилась в воду... Женщина поняла, что святыня против ее облагорожения и более не предпринимала ничего. Никаких преданий о данном источнике, ни эта женщина, ни кто другой, так вспомнить не смогли. Возможно, эту местную святыню затмил Казанский источник.

Также некоторые почитают за святой колодец, который находится вне церковной ограды, перед калиткой. Рассказывают, что его вырыли по распоряжению нынешнего настоятеля храма, отца Василия Литвиненко, примерно на рубеже 1980-х – 1990-х годов, за счет церкви. Был ли здесь какой-либо чтимый колодец ранее, сейчас никто сказать не может. Во время водосвятного молебна, о. Василий выливает ведро освященной воды в этот колодец. Местные прихожане считают эту воду целебной¹⁹. Однако здесь хотелось бы вспомнить о неком санитарном моменте. Вокруг храма расположено кладбище и проходящие через грунт талые и дождевые воды, омывая останки захороненных на нем людей, неизбежно оказываются и в этом колодце.

Громову также рассказали о почитании рудневскими прихожанами места в урочище «Михаил Архангел», о котором мы упоминали в предыдущей главе. Однако официально православные прихожане сказали, что на тот источник ходят только купаться, молятся же они в храме. Громовские информаторы также поведали предание о том, что если в том месте приложиться ухом к земле, то можно услышать колокольный звон. Они также считают, что местный древ-

ний храм ушел, только не под землю, а под воду²⁰. Вероятнее всего, под воду соседней реки Вольная.

Колодец возле храма. Фото С.С. Михайлов.

На территории Рудневского прихода существует еще несколько чтимых источников, которые почитаются исключительно старообрядцами. Например, святой колодец во имя Св. Иоанна Богослова находится рядом с деревней Понарино. Святые источники есть и возле деревень Титово и Степановка... Однако, в отличие от источников Казанского, Михайло-Архангельского, их почитают преимущественно жители указанных населенных пунктов.

2. ДУХОВЕНСТВО И ДРУГИЕ ЧЛЕНЫ ЦЕРКОВНОГО ПРИЧТА

Крайне важным моментом в истории храма является и информация о тех, кто собственно в нем служил. Это и священнослужители (священники и диаконы) и церковнослужители (пономари, псаломщики, а также другие низшие члены церковного причта). За ранний период истории такой информации крайне мало, да и та, что имеется, весьма отрывочна. Более поздние периоды, включая и тот, о котором пойдет речь, оставили большое число архивных документов и иных источников. По штатному расписанию, которое в целом сохранялось здесь весь XIX и в начале XX вв., здесь было положено причта: два священника, один диакон, два дьячка, два пономаря. Чуть позже обоих дьячков и обоих пономарей заменили на двоих псаломщиков.

Священники

В рассматриваемый период, а именно в XIX – начале XX вв., в приходе погоста Рудня было два священника. Хотя приход, по составу своего населения, был преимущественно старообрядческим, именно столько пастырей было необходимо для окормления православного населения тринадцати здешних населенных пунктов. Их участки распределялись следующим образом. 1-й священник: Никитское, Мальково, Равенская, Богородское, Заполицы, Степановка, Селиваниха. 2-й священник: Авсюнино, Дорхово, Понарино, Титово, Мисцево, Петрушино²¹.

Как мы видим из клировой ведомости Рудневского прихода за 1831 год, с 1805 года здесь служил священник Трофим Иосифов Цветков, который в начале 1830-х гг. уже занимал должность настоятеля храма. В священный сан к Рудневскому приходу его рукоположили 14 февраля 1805 года (по старому стилю)²². Вторым священником, который фигурирует в этой ведомости, значится Федор Андреев Хитров. Его карьера началась значительно раньше, чем у о. Цветкова. В 1785 году его назначили дьячком в село Запоторье, На Рудню его рукоположили священником 6 апреля 1794 года. К 1831 году он

был вдовым и, хотя был старше и по времени священнической хиротонии, и по возрасту, показан как второй священник, т.е. никак не как настоятель²³. Возможно, причину этому следует видеть и в старом возрасте, и в здоровье.

В 1842 году, согласно клировой ведомости, первым священником, т.е. настоятелем, храмов погоста Рудня был Иоаким Илларионов Коржавин, «дьяческий сын». Он был рукоположен на этот приход 21 ноября 1834 года митрополитом Московским Филаретом²⁴. Вторым священником значится Николай Иванов Каринский, «дьяконский сын», рукоположенный на данный приход 21 июня 1839 года тем же митрополитом Филаретом²⁵. Видимо, оба эти пастыря и сменили двух священников, которые служили здесь в 1831 году.

В фонде Богородского Духовного Правления сохранилось небольшое дело, датированное 1855 годом, об «объявлении» священнику погоста Рудня Александру Флоринскому копии с следствия о самовольных действиях «раскольников», живших в его приходе²⁶. Однако когда на приход попал этот пастырь и сколько времени он здесь прослужил, выяснить нам пока не удалось. Скорее всего, его пребывание в Рудне было кратковременным, поскольку далее мы встречаем все тех же о. Каринского и Коржавина.

По поводу службы в храмах погоста Рудня о. Иоакима Коржавина, хотелось бы коснуться и архивного дела из фонда Московской Духовной Консистории, которое рассматривалось по жалобе прихожан. Последние подали на имя митрополита Московского Филарета в мае 1858 года петицию, в которой были представлены целых 12 пунктов обвинений:

«Нисколько не имеет любви, как к ближним так и ко всем вообще прихожанам. А посему он никогда и никем не остается довольным»;

«от начала своего поступления на место каждые церковные потребности исполняет без ведома прихожан»;

«что каждая церковная вещь платится никому неизвестно»;

«при щетах ежемесячных и годовых никто не бывает»;

«сколько находится церковных сумм никому неизвестно»;

«церковный староста выбран без приглашения прихожан»;

«лица обозначены в приговоре вовсе лживо, без ведома оных»;

«под теплую малую церковь подведен кирпичный фундамент без ведома прихожан»;

«сколько оный фундамент стоит никому неизвестно»;

«доходы в светлую неделю обозначены в приходной книге не вполне»;

«кругом обеих церквей обнесена деревянная ограда также без ведома прихожан».

Последний пункт представлял как бы общий вывод претензий.

Про о. Коржавина также писали, что он «всенародно» обзывал крестьян «чертягами».

Но в этом деле есть и другое прошение на имя Филарета, которое наоборот, оправдывает Коржавина. Его написала другая партия прихожан. Из него, а также из опросов трех десятков жителей соседних селений, девять из которых являлись старообрядцами, становится ясно, что за первой бумагой стоят всего двенадцать человек: из деревни Горки братья Моисей и Савва Герасимовы, Иван Филиппов, Иван Ефимов, Елиазар Евстигнеев, Илья Иванов Власов и др.²⁷.

Когда причту погоста Рудня разрешили сдавать землю под базары и это место превратилось в важный для Гуслиц торговый центр, появилось немало документов о разрешении взятия земли на год и т.п. Под ними часто также стоят подписи членов местного причта. В деле 1864 года мы уже не встречаем о. Николая Каринского. Вместо него упоминается священник Иоанн Покровский, о котором на Рудне мы впервые узнаем в 1863 году, причем он упомянут первым, что позволяет заподозрить тот факт, что сюда его определили настоятелем²⁸. То, что о. Покровский исполнял именно эту должность, косвенно подтверждает тот факт, что когда жители некоторых приходских селений, прежде всего Никитского, жаловались в 1863 году по поводу дел на новом базаре, о. Иоанн показан как лицо, от которого зависело распределение торговых мест. Это мог делать самый главный человек на приходе – настоятель²⁹. Отец же Иоаким Коржавин фигурирует еще в документах 1865 года³⁰.

В одном из дел, касаемых рудневских базаров и сдачи в аренду земли, датированном 1868 годом, мы уже видим, что на тот момент здесь служили священники: Матвей Преображенский и Александр

Никольский³¹. Как видно, к этому моменту кадры священников здесь полностью обновились. Оба упомянутые пастыря служили в храмах погоста Рудня вплоть до начала XX столетия.

В 1872 году Московская Духовная Консистория рассматривала следующее дело. В Рудневском приходе, как мы уже обратили внимание, причт был двухкомплектный: каждый «комплект» по священнику, дьячку и пономарю. Между этими комплектами были распределены приходские селения, от которых челны этого комплекта и кормились, занимаясь духовным окроплением местного православного населения. Однако, две половины прихода, по числу фактического православного населения, были неравными. У настоятеля, священника Преображенского, было 33 православных двора и 838 дворов «раскольников», а у священника Никольского – 187 дворов православных и 546 дворов старообрядцев. К духовному начальству обратился о. Преображенский со своими причетниками с просьбой изменить практику, когда каждый комплект кормился со своей части прихода. Они просили применить практику, каковая была в других приходах с большим старообрядческим населением: в Павловском Посаде, Игнатеве, Загарье. Там доходы всех комплектов причта делились между ними поровну. Часть причта, во главе которой стоял священник Никольский, нетрудно догадаться, была против затеи настоятеля. Ее представители писали, что неравенство в доходах проистекает в нерадении другой части причта: мол, плохо борются с «раскольниками», вот их и много и доходов мало. Однако, начальство встало на сторону священника Преображенского, справедливо заметив, что о. Никольской и его причетники пытались отстоять свои личные интересы³².

В 1878 году священник Матфей Преображенский стал участником скандала. На него 27 августа того года подал жалобу председатель Богородской Уездной Земской Управы г. Ламакин. Суть дела была следующая: Ламакин прибыл в Дорховское Волостное Правление для взыскание недоимок Земского Суда. Поскольку в этом вопросе так или иначе оказался задействован и церковный приход, священник Преображенский явился в Волостное Правление и оскорбил как самого Ламакина, так и представляемую им структуру,

о чем сразу же, 3 августа, был составлен акт. Священник Преображенский, в ходе разбирательства, виновным себя, разумеется, не признавал³³.

К Пасхе 1885 года о. Матфей Преображенский был удостоен благословением Святейшего Синода без грамоты³⁴. В 1898 году, ко Дню Рождения Его Императорского Величества, он же был награжден камилавкой³⁵.

12 ноября 1895 года рудневский священник Александр Никольский был утвержден в должности законоучителя Титовского сельского

Могила о. А. Никольского.
Фото С.С. Михайлов.

училища³⁶. Резолюциями митрополита Московского и Коломенского Сергия от 16 декабря 1896 года за №№ 3167 и 3169, в числе других представителей духовенства, награды удостоился и священник церкви у речки Рудни Александр Никольский. Он получил скуфью³⁷.

Священник Рождествобогородицкой церкви у речки Рудни Александр Никольский умер 25 ноября 1902 года³⁸. Надгробие на его могиле сохранилось южнее алтаря летнего храма.

На его место в приход был переведен священник села Верзилова Серпуховского уезда – Нико-

лай Беляев³⁹. Он служил на Рудне менее года. Взамен него сюда перевели о. Николая Глаголевского. Последний 19 ноября 1900 года был рукоположен во диакона в село Гальяново, Московского уезда. Через три года его рукополагают во священника, на Рудневский приход. В 1911 году, как мы увидим ниже, его ставят здесь настоятелем⁴⁰. Инициатором этого назначения был благочинный 5 округа Богородского уезда, о. Александр Глаголевский. Судя по всему, это был ближайший родственник Николая Глаголевского. Он обратился в Московскую Духовную Консисторию 31 августа 1911 года с про-

пением, в котором сообщал, что после смерти о. Матфея Преображенского настоятельское место в Рудне было вакантно: никак не могли выбрать между Глаголевским и сыном Преображенского – Иоанном. О. благочинный мотивируя, что у о. Н. Глаголевского больший стаж служения в священном сане, настаивал именно на его назначении. Духовная власть пошла ему навстречу⁴¹.

20 сентября 1903 года рудневский священник Николай Глаголевский был утвержден законоучителем Титовского земского училища⁴². Правящим московским архиереем, к 6 мая 1912 года, «по вниманию к усердию и трудам на поприще духовно-просветительной деятельности» священник храмов погоста Рудня Николай Глаголевский был награжден скуфьею⁴³. За четыре года до этого митрополит дал ему другую награду – набедренник⁴⁴.

19 декабря 1910 года скончался о. Матфей Преображенский, который к тому моменту прослужил на Рудневском приходе почти 45 лет. В ЦИАМе, в фонде Духовной Консистории, нами обнаружено дело о замещении освободившееся священнической вакансии. Оно начинается прошением на имя митрополита Московского и Коломенского Владимира, которое написал 24 января 1911 года сын покойного, псаломщик московского храма Семи Вселенских Соборов, что у Новодевичьего монастыря Иоанн Матвеев Преображенский. Он просил духовное начальство определить его на место отца, т.е. поставить священником в Рудню. Преображенский-младший мотивировал свое действие тем, что при рудневском храме остались проживать его мать и сестра, за которыми требовался уход. Сестре был выделен месяц для приискания жениха, достойного священнического места, но это в толь короткий срок сделать не удалось. Сестре – Анне Преобра-

Могила о. М. Преображенского.
Фото С.С. Михайлов.

женской – на тот момент было уже тридцать лет, что было уже возрастом старой девы не первой свежести. Сам проситель жил в Москве в маленькой квартире с женой и тремя детьми. При московской дороговизне взять в тесную квартирку мать и сестру и содержать их на псаломщические доходы было бы для него очень обременительным. У покойного Матфея Преображенского было два сына и четыре дочери. Младший брат только недавно был назначен на место своего также покойного тестя и кормил девять человек. Мужья трех сестер – зятя – также были весьма обременены заботами о семьях.

Иоанн Преображенский просил духовное начальство определить его священником на место покойного отца, что позволило бы решить создавшуюся проблему. В его послужном списке было указано, что он родился 27 января 1872 года. В 1892 году он окончил Московскую Духовную Семинарию. Свою карьеру он начинал в Гуслицком крае: в 1892–1893 гг. был законоучителем Давыдовского земского училища, в 1893–1895 гг. был законоучителем Авсюнинской школы при миссионерском Братстве Св. Петра Митрополита. В 1895 году его переводят из Гуслиц в школу села Хонятино Коломенского уезда, где он пробыл около года и откуда его и определили псаломщиком в московский храм, где он и служил до начала 1911 года. Просьбу определить его именно в Рудню, И. Преображенский мотивировал еще и тем, что в семинарии он был лучшим учеником по обличению «раскола» и мог бы принести немало пользы в Гуслицах.

В деле также подшито и прошение на имя митрополита Владимира вдовы отца Матфея Преображенского – Елены Ивановой. Она также подчеркивала заслуги покойного мужа на Рудневском приходе и просила подыскать жениха для дочери Анны.

Прошение Иоанна Преображенского было удовлетворено 26 января 1911 года и уже 12 февраля того же года викарием московской епархии епископом Дмитровским Трифоном он был рукоположен в сан диакона, а на следующий день, им же – в сан священника. 16 февраля новорукоположенный священник Иоанн Преображенский был допущен к совершению богослужений⁴⁵.

Из «Московских церковных ведомостей» мы узнаем, что Правлением епархиальной Эмеритальной Кассы в том же 1911 году при-

знало право на эмеритуру (материальную помощь), вдове священника церкви у речки Рудни Елене Ивановне Преображенской, т.е. матери новопоставленного о. Иоанна⁴⁶.

В 1913–1914 гг. Московская Духовная Консистория рассматривала дело по жалобе рудневских прихожан, которые были недовольны «беспорядками», которые допускали на богослужении священники Николай Глаголевский и Иоанн Преображенский. Они писали викарному епископу Дмитровскому Трифону, что церковь пришла в «крайний упадок». Оба священника часто в обычные дни служили Литургию без предварительной утрени, а 13 ноября (по старому стилю) 1912 года, в день памяти Иоанна Златоуста, службы не было вообще. «21 января 1913 года, священникам нашей церкви была заказана служба Анной Борисовной Рычковой, но службы не было, так что они эту ночь провели в гостях и часто так служили». В воскресный день 3 февраля того же 1913 года на колокольне уже звонили к службе. Собрались прихожане, пришли клирошане, но тут было объявлено, что службы не будет. Все разошлись, однако, через полчаса звон к службе раздался снова и служба все-таки началась. Прихожане также были недовольны беспорядками с пением в храме. Священники ввели чуждое для старообрядческой местности нотное партесное пение, что прихожанам также не нравилось⁴⁷.

Участок Преображенских. Фото С.С. Михайлов.

Священник Иоанн Преображенский умер 23 сентября (по старому стилю) 1913 года⁴⁸. Как видим, на отцовском месте данному пастырю удалось прослужить недолго и отца он пережил только на три года. На освободившуюся священническую вакансию уже 5 ноября того же года, был определен псаломщик Покровской церкви погоста Никольского на реке Лутосне, Клинского уезда, Василий Пенкин⁴⁹. К сожалению, «Московские церковные ведомости» дату рукоположения нового священника в сан не указали.

Но, если отец Матфей Преображенский до своей смерти занимал должность настоятеля Рудневского прихода, то его сын был лишь вторым священником. 29 сентября 1911 года московский митрополит назначил настоятелем священника Николая Глаголевского⁵⁰.

Касательно же Преображенских, то, судя по всему, это семейство было тесно связано с Рудней и не покидало ее. В северо-западном углу церковной ограды сохранился огороженный семейный участок, где можно насчитать не менее дюжины могильных холмиков. Сохранилось лишь одно целое надгробие – отца Матфея Преображенского. Есть еще остатки другого памятника, но прочесть на них что-либо нельзя, ибо от надписи ничего не осталось. Были ли на других могилах каменные памятники, или же обедневшее семейство довольствовалось лишь деревянными крестами, ныне уже сказать невозможно. Также непонятно, почему священническое семейство, которое дало приходу двух пастырей, не погребало своих усопших у алтарей, а удостоилось места у края церковного участка, недалеко от западного входа в храм.

26 января (по старому стилю) 1916 года, на вакансию священника Рождествобогородицкой церкви у речки Рудни был перемещен священник Покровской церкви погоста Юрьевец, Коломенского уезда, Василий Надеждин⁵¹. Уже 27 мая сюда на другую священническую вакансию переместили священника из единоверческой церкви соседнего Малькова Василия Степанова⁵².

По штату при храмах погоста Рудня, как мы с вами видели выше, полагалась и должность диакона. В клировых ведомостях и прочих источниках мы находим информацию и о лицах, ее здесь занимавших.

В 1831 году, в клировой ведомости мы встречаем диакона Ивана Павлова Павлова. Он был выпускником Перервинской семинарии и

свой путь в Рудневском приходе начала очень рано. 8 июня 1791 года его сюда назначили дьячком, и только в 1798 году – диаконом⁵³. В фонде Московской Духовной Консistorии сохранилось дело 1823 года об определении в село <Кончинино> Дмитровской округи, к местной Архангельской церкви, «церковника» Богородицерождественской церкви погоста Рудня, Федора Иванова, в пономари. Под «церковником» здесь следует понимать представителя семейства священно-церковнослужителей, хотя, возможно, что даже не имея официальной должности, диаконский сын был так или иначе задействован в церковной жизни. Кончининские прихожане, во главе со священником Симеоном Михайловым, просили на свободное пономарское место именно Федора Иванова, который являлся сыном рудневского диакона, уже известного нам Ивана Павлова⁵⁴.

В клировой ведомости за 1842 год мы встречаем диакона Стефана Иванова Руднева, «дьяконского сына». В 1831 году мы видели его как дьячка при этом приходе, который был определен сюда в марте 1817 года. В сан диакона его рукоположил митрополит Филарет 12 марта 1839 года⁵⁵. В этой ведомости есть некая информация и о диаконе, который упомянут двумя десятилетиями ранее. Иван Павлов, с супругой, в документе показан проживающим при церкви на пропитании у своего сына – диакона Стефана Иванова. Т.е. диаконское место в Рудне фактически перешло по наследству. Также здесь мы узнаем, что и у Ивана Павлова Павлова, каковым он показан в 1831 году, была фамилия «Руднев». Почему ее не показали ранее, непонятно.

Здесь нам хотелось бы особо обратить внимание на фамилию «Руднев». Поскольку упомянутое нами лицо является священнослужителем не в первом поколении, а таковым часто фамилии давали при обучении в семинарии, то возможно, что и его предки ранее служили здесь. При отсутствии у семинариста родовой фамилии ему могли дать ее от посвящения храма, где служил его отец: Покровский, Преображенский, Богоявленский и т.п. Также фамилия могла быть произведена от названия села или погоста, где таковой храм находился. Посему, и «Рудневы» могли быть и представителями семейства священника, служившего на погосте Рудня, но могли быть и из некоего села Руднево, например, того, которое находилось в

Вере́йском уезде. Здесь необходимо особое исследование. Возможно, что Стефан Иванов первым в роду получил в семинарии фамилию, поскольку его отец, диакон, служил на Рудневском приходе. Возможно, это Рудневы – ветвь других Рудневых, которых также можно встретить в среде духовенства, в том числе и на территории Московской епархии.

В 1865 году, в деле о разрешении взять на год церковную базарную землю погоста Рудня крестьянину сельца Никитского Ефиму Ионову, мы встречаем уже нового диакона этого прихода – Василия нева⁵⁶. Он фигурирует и в документах архивного дела 1868 года, и в последующих документах⁵⁷.

Диакон Василий Лихачев был уволен за штат во второй половине 1897 года⁵⁸. Как видим, прослужил он на приходе более трех десятков лет. В качестве заштатного диакона он прожил при рудневских храмах до 16 августа 1900 года, когда он умер⁵⁹.

Могила диакона В. Лихачева.
Фото С.С. Михайлов.

Практически сразу на его место был определен псаломщик Никольской церкви села Подберезники Коломенского уезда, Николай Смирнов⁶⁰. Некоторые подробности о нем мы узнаем из клировых ведомостей Рудневского прихода. Полное его имя было – Николай Федорович Смирнов. Например, в ведомости за 1920 год о нем говорится, что он был сыном псаломщика. Обучался в Московской Духовной Семинарии, откуда был уволен с 1-го курса. После этого он был определен

в псаломщика, судя по всему на приход в с. Подберезники. В Рудне он появился 42 ноября 1897 г. Этот диакон встретил на приходе Советскую власть и служил здесь еще в 1920 году, когда ему было 50 лет⁶¹.

Служили ли в Рудне какие-либо диаконы после Николая Федоровича Смирнова, мы не знаем. Приход был не богатый, а содержание диакона – дело накладное.

О последующих священнослужителях, которые служили в храмах погоста Рудня в советское время, мы расскажем в отдельной главе. Это – совсем иной период местной приходской истории.

Другие члены причта

Помимо священнослужителей – священников и диаконов, - на приходе служили и церковнослужители. В категорию последних включали дьячков, пономарей. Изначально, в рассматриваемый период, на Рудневском приходе были по два дьяка и два пономаря. Они, по одному представителю своей должности, входили в состав двух комплектов причта. К началу XX века дьячки и пономари из Рудни исчезают, их заменяют псаломщики, которых было по одному в каждом комплекте.

В клировой ведомости за 1831 год мы встречаем упоминание о двух дьячках и двух пономарях, которые служили на тот момент на приходе. Дьячек Михаил Иванов был определен в Рудню 16 февраля 1811 года, его коллега Стефан Иванов Руднев на этом месте оказался двумя с половиной годами позже – 12 ноября 1813 года (в ведомости 1842 года определение Руднева сюда дьячком показано мартом 1817 года). Пономари на тот момент служили поменьше: Матвей Иванов – с 12 апреля 1820 года, Яков Федоров Страхов – с 16 декабря 1828 года⁶².

В аналогичной клировой ведомости за 1842 год в качестве дьячков при Рудневском приходе показаны уже известный нам Михаил Иванов и Иван Михайлов Руднев. Касательно первого, мы опять же видим несоответствие с ведомостью 1831 года: он здесь показан служащим с 6 февраля 1815 года. Второй же ранее служил в Покровской церкви села Никулино, Бронницкого уезда и на Рудню его перевели 12 апреля 1839 года⁶³. Пономарями в это время при храмах служили: Ефим Матвеев Руднев (с 22 декабря 1839 года) и Стефан Никитин Розанов. Последний не сразу очутился на Рудневском приходе. Прежде он служил в селах Брыково и Никольские Горы Дмитровской округи. На Рудню его определили 22 января 1841 года. Там же в

деле о сдаче в аренду церковной земли 1868 года, мы видим на Рудневском приходе дьячков Ивана Руднева и Семена Щеглова, а также пономарей Ефима Руднева и Алексея Розанова⁶⁴.

В начале 1894 года, в «Списке лиц духовного звания, коим Святейшим Синодом назначено единовременное пособие», мы встречаем и уже известного нам заштатного псаломщика церкви у речки Рудни Ивана Руднева, которому полагалось 30 рублей⁶⁵.

В одной из исповедных ведомостей за 1901 год, фигурируют рудневские псаломщики Василий Лихачев и Алексей Розанов⁶⁶. В 1909 году, 29 августа по старому стилю, псаломщик храмов погоста Рудня Алексей Розанов умер⁶⁷. Его вдове – Ольге Афониной Розановой – была назначена эмеритура на 10 платных лет в размере 9 рублей. Плата, которую утвердили только в 1911 году, должна была начисляться с 1 сентября 1909 года, т.е. почти со времени кончины супруга⁶⁸. Уже 23 сентября 1909 года в Рудневский приход был перемещен псаломщик из села Дьяково Рузского уезда – Александр Магницкий, занявший его ставку⁶⁹. 30 октября 1912 года и.д. псаломщика церкви Рождества Богородицы у речки Рудни был определен Илья Сперанский⁷⁰.

Псаломщика церкви у речки Рудни Илью Сперанского мы встречаем в списке участников Эмеритальной кассы, не представивших обязательных взносов на 1913 год⁷¹. Псаломщика Александра Магницкого в начале Первой Мировой войны призвали на военную службу и какое-то время на приходе он отсутствовал.

22 сентября 1915 года в приход с военной службы был возвращен псаломщик Александр Магницкий, которого восстановили на прежней должности⁷². 6 октября того же года и.д. псаломщика, Илью Сперанского, перевели из Рудни на псаломщическую должность к церкви села Андреевского Можайского уезда⁷³.

Нам также известна информация и о церковных старостах, осуществлявших свою деятельность в Рудневском приходе. Как правило, это были лица из числа местных православных крестьян, наиболее подходящих для такой должности. Старосты избирались прихожанами на срок три года и утверждались церковным начальством. Далее, положительно проявившие на этой должности лица переизбирались и утверждались снова, на второй, третий и так далее трехлетний сроки.

Мы ничего не знаем о рудневских церковных старостах, которые осуществляли свою деятельность в начале XIX столетия. Но в начале 1850-х гг. в архивных делах мы встречаем на этом посту крестьянина Прохора Иванова, крестьянина приходского сельца Богородского. В деле 1854 года этот человек упоминается, как находящийся на должности восьмое трехлетие. Получается,

Печать церковного старосты
Прохора Иванова

что в первый раз его выбрали церковным старостой где-то в 1830–1832 гг.⁷⁴. Церковный староста Прохор Иванов фигурирует и в делах, связанных с рудневскими базарами 1863 и даже 1868 годов⁷⁵. Это говорит о его удивительном долгожительстве на данном посту.

Неизвестно, обучился ли Прохор Иванов грамоте к концу исполнения своих обязанностей, но в делах 1851 и 1854 гг. он был... неграмотным. За него в документах расписывались другие лица⁷⁶. Это, наверное, для Гуслиц, а то и для всей Московской губернии случай уникальный. Видимо, среди других православных жителей приходских деревень не нашлось более достойного человека на такой ответственный пост.

В фонде Московской Духовной Консистории сохранилось еще одно дело, датированное 1854 годом. Причт Рудневского прихода просил митрополита Филарета разрешить отдать в аренду на 25-летний срок Прохору Иванову участок неудобной церковной земли. Этот участок в 1843 году был отдан на 10-летний срок Ивану Федорову Рудневу. Поскольку тот умер, то его земля была перепродана церковному старосте⁷⁷.

Прохор Иванов, судя по всему исполнял должность церковного старосты вплоть до 1872 года. В это время на этой должности появляется уже другой человек – павлово-посадский купец 2-й гильдии Тифон Ефремов Алексеев. Уже в 1872 году Алексеев сделал и первое крупное пожертвование на храм – 1595 рублей. Позже были и другие

крупные пожертвования. Причт храма и благочинный представили нового щедрого старосту на церковную награду в виде благословения Святейшего Синода с выдачей грамоты⁷⁸.

В середине 1896 года на первое трехлетие рудневским церковным старостой был утвержден крестьянин сельца Никитского Петр Никитин Яковлев⁷⁹. О том, кто занимал это пост между началом исполнения обязанностей им и упоминавшимся выше Прохором Ивановым, мы не знаем. В 1900 году его же утвердили на второе трехлетие⁸⁰. Поскольку Яковлев явно весьма положительно исполнял свои обязанности старосты, в 1903 году он был утвержден и на третий трехлетний срок⁸¹. Следующее его утверждение последовало в 1905 году⁸².

В клировой ведомости за 1920 год церковным старостой в Рудневском приходе значится житель деревни Заполицы Иван Васильевич <Стеняев>⁸³.

3. ПРИХОД ПОГОСТА РУДНИ

Также весьма важной частью истории любого храма является и информация о тех, кто его посещал, т.е. о его приходе. Традиционно приходом храмов погоста Рудня были все селения, которые составляли местность «Рамень». Несколько позже, в конце XIX - начале XX вв., административно из Рудневского прихода, который был официальным обряда, выделились два единоверческих: в Мальково и Авсюнино. Но, в состав этих общин (авсюнинский храм даже по официальным церковным документам числился бесприходным) вошли бывшие старообрядцы, которые присоединились на «Правилах Единоверия». То есть, прежде эти люди посещали не рудневские храмы, а старообрядческие моленные. С их уходом в единоверие официальный приход численно ничего не потерял.

Спецификой Рудневского прихода рассматриваемого периода истории является то, что подавляющее большинство жителей раменских селений исповедовало старообрядчество. Православных жителей

было мало и преимущественно они были сконцентрированы под боком у храмов, в сельце Никитском. В остальных же населенных пунктах «никониане» составляли от 5 до 15% от общего числа жителей⁸⁴.

По сведениям И.А. Благовещенского, приход погоста Рудня составлял всего 140 дворов «православного» населения с 493 лицами мужского пола и 551 женского. «Раскольников» же значилось 1008 дворов с 4351 жителями мужского пола и 4617 женского⁸⁵.

По состоянию на 1855 год, численность официального православного населения и старообрядцев в приходе храмов погоста Рудня представляла собой следующее:

<u>Населенный пункт</u>	<u>Официальные православные</u>		<u>Старообрядцы</u>	
По части священника Иоакима Коржавина				
	муж.	жен.	муж.	жен.
Никитское	116	111	9	7
Мальково	33	34	145	141
Равенская	114	95	113	126
Богородское	41	52	310	334
Заполицы	74	78	175	197
Степановка	5	4	554	584
Селиваниха	-	-	233	245
По части священника Александра Флоринского				
Авсюнино	27	30	505	490
Мисцево	20	24	448	441
Петрушино	24	23	253	255
Титово	6	-	338	366
Дорхово	-	-	209	192
Понарино	-	-	404	406
Всего: по линиям обоих рудневских священников - 684 православных и 7464 старообрядцев ⁸⁶ .				

По состоянию на 1899 год население прихода погоста Рудня, он же административная Дорховская волость, представляло собой следующее (см. таблицу далее)⁸⁷.

Как мы видим, приход был весьма многолюдным: одного только «обычного» населения насчитывалось 12 206 человек. Но, не будем забывать, что подавляющее большинство обитателей приходских селений были старообрядцами. Да и часть лиц, которые относились к официальному исповеданию, прежде всего небольшая часть семей деревни Мальково, были единоверцами и молиться ходили в свой храм. Да и в том случае, если бы большинство прихожан погоста были бы официальными православными, то со временем такой большой многолюдный приход конечно же раздробили, выделив из него новые приходы со своими храмами. Да и сомнительно, чтобы тогда до нашего времени уцелели бы два старинных деревянных храма: разбогатеv, прихожане взамен них построили бы каменную церковь.

Касательно именно «православных» жителей приходских деревень, то здесь можно привести информацию на поздний период, на 1920 год. В клировой ведомости этого года, в последней графе, где дана информация о приходе, мы видим, что в приходских деревнях проживало 1414 прихожан рудневских храмов (690 мужского пола и 724 женского). Приходских православных дворов было 176. По населенным пунктам они распределялись следующим образом⁸⁸:

<i>Населенный пункт</i>	<i>дворы</i>	<i>муж.</i>	<i>жен.</i>	<i>всего</i>
Рудня	8	20	23	43
Авсюнино	8	19	21	40
Мальково	19	38	47	85
Равенская	27	169	183	352
Мисцево	10	22	27	49
Петрушино	8	18	19	37
Заполицы	24	165	177	342
Никитское	55	200	178	378
Богородское	10	24	27	51
Дорхово	4	10	12	22
Степановка	3	6	10	16

В этом списке мы не видим деревень Селиваниха, Титово и По-нарино, где, судя по всему, приверженцев официального испове-дания не было вообще. Касательно деревни Мальково, то указанные

дворы были населены бывшими прихожанами местной единоверческой церкви. Сам храм к тому моменту уже стал второй деревенской старообрядческой моленной, а его прихожане из единоверцев перешли в стан обычных «никониан». Приведенной информации, на наш взгляд, можно доверять практически на сто процентов, поскольку на дворе уже было советское время и прежний религиозный диктат официального исповедания был в прошлом. Местному причту уже не надо было «прятать» под личиной православных приходских старообрядцев, от которых были получены взятки и т.п.

Экономическая характеристика прихода

В описании Рудневского прихода также очень важна и его экономическая характеристика. Раменье не располагало плодородными землями и земледелие стало здесь не более, чем подсобным занятием. Кормили местных жителей прежде всего иные способы существования.

Но, село – есть село, и землю здесь все же обрабатывали. Согласно сведениям на 1898–1900 гг., в Дорховской волости обработкой наделной земли занимались следующим образом:

Населённый пункт	Семей обрабатывающих		Семей не обрабатывающих	
	Лично (собственным инвентарем)	Наймом (чужим инвентарем)	Наличных	Отсутствующих
1. Авсюнино	64	83	33	52
Ч. 1-я				
Ч. 2-я	18	18	1	15
2. Богородское	73	60	34	25
3. Дорхово	34	32	9	21
4. Заполицы	81	60	2	12
5. Мальково	43	52	9	12
6. Мисцево	110	89	22	32
7. Никитское	23	35	4	11
8. Петрушино	75	75	7	14
9. Понарино	61	126	22	28
10. Равенская	55	29	31	19
11. Селиваниха	59	62	6	25
12. Степановка	125	112	28	29

13. Титово	60	80	15	17
14. Погост Рудня	земля церковная ⁸⁹ .			

Касательно же того, что в волости, а следовательно и в приходе погоста Рудня выращивали, на рубеж XIX–XX вв., а если точнее, то 1897–1898 гг., есть следующая информация.

Населённый пункт	Сколько всего высажено четвертей (основные культуры)				Взросленные культуры	Особые культуры
	рожь	овёс	картофель	греча		
1. Авсюнино. Ч. 1	54	0,5	342	11	просо	
Ч. 2	14	0,5	54	2	просо	
2. Богородское	68	0,1	283	27		хмель
3. Дорхово	43	0,3	204	15	просо	хмель, сады
4. Заполицы	53	-	239	17	просо	хмель, сады
5. Мальково	38	-	160	5	просо	хмель, сады
6. Мисцево	82	-	450	26	просо	хмель, сады
7. Никитское	34	0,6	102	7	просо	хмель, сады
8. Петрушино	53	-	361	12	просо, ярица	хмель, сады
9. Понарино	40	2	465	4	просо	хмель, сады
10. Равенская	53	-	151	6	просо	хмель, сады
11. Селиваниха	54	8	250	3	просо	хмель, сады
12. Степановка	92	3	448	32	просо	хмель, сады
13. Титово	48	9	371	4	просо	хмель, сады
14. Погост Рудня	земля церковная ⁹⁰ .					

Мисцевская хмелесушилка. Фото А. Белковского, 2010 г.

Особенно хотелось бы обратить внимание на хмель. Эта культура весьма хорошо росла в Гуслицах и некоторых соседних местностях. Здесь развился один из известных российских хмелеводческих регионов. Хмель – единственная гуслицкая сельскохозяйственная культура, которая по настоящему могла кормить местных жителей.

От реализации урожая получались немалые выгоды. Считается, что многие гуслицкие промышленники накопили первоначальные капиталы именно от реализации хмеля. Кстати, рассматриваемая нами местность последняя в крае, где хмелеводство исчезло. Если в других уголках Гуслиц хмель свели на рубеже 1950-х – 1960-х гг., когда потребовались площади под картофель. В прежнем Раменье, а именно возле деревни Заполицы, входившей в состав большого совхоза «Титовский», последние 10 га хмельников существовали вплоть до 1972 года. Во время знаменитых пожаров они выгорели и более не восстанавливались.

В указанной местности активно развивалась промышленность, прежде всего текстильная. К началу XX столетия в селениях Дорховской волости существовало немало предприятий. Вот, какие сведения о них можно почерпнуть из «Памятной книжки Московской губернии на 1914 год» (См. таблицу предприятий)⁹¹.

Здесь сразу следует заметить, что владельцы всех этих производств в конфессиональном плане принадлежали исключительно к старообрядчеству и фактически прихожанами храмов Рудневского прихода не являлись. Пожертвования из вырученных средств они направляли на моленные тех селений, откуда происходили сами фабриканты и их рабочие. Последние были исключительно жителями тех селений, где стояли предприятия, а также из соседних населенных пунктов. Пришлого рабочего люда на этих предприятиях не было вообще.

Разумеется, до того момента, который был зафиксирован авторами «Памятной книжки...», ситуация неоднократно менялась. Многие указанные производства возникли на базе более ранних предприятий. Например, если мы посмотрим «Сведения о фабриках и заводах Московской губернии», изданные в 1885 году, то в рассматриваемой местности увидим несколько предприятий: предприятие ручного ткачества крестьянина Андрея Марковича Бочина в

Селение	Предприятие	Рабочие (чел)			Год основания
		м	ж	всего	
1. Богородское	Бумаго-красильное и голландское заведение и механическая мотальня Торгового Дома Федора Моисеевича Исаева Наследники	45	55	100	1887
2. Богородское	Бумаго-ткацкая фабрика, красильно- голландское заведение и механическая мотальня Торгового Дома М.М. Исаева Сыновья	105	13	135	1-я - 1910 2-я - 1905 3-я - 1907
3. Богородское	Красильно-отбельное заведение Лазаря Тимофеевича Жигарева	27	1	28	1873
4. Богородское	Красильно-отбельное заведение Тита Леонтьевича Жигарева	20	1	21	1876
5. Богородское	Красильно-отбельное заведение Наследников Тимофея Михайловича Иванова	17	1	18	1874
6. Богородское	Красильно-отбельное заведение Петра Михайловича Иванова	6	1	7	1875
7. Богородское	Красильно-отбельное заведение Ивана Лазаревича Жигарева	8	1	9	1907
8. Богородское	Красильно-отбельное заведение Николая Игнатьевича Скорospelова	8	1	9	1885
9. Богородское	Красильно-отбельное заведение Перфила Федоровича Скорospelова	6	1	7	1886
10. Дорхово	Бумаго-ткацкая фабрика Торгового Дома Федора Моисеевича Исаева Наследники, при разрезе «Дорхово» (сейчас - станция «Авсюнино»)	50	65	115	1913

11. Авсюнино	Бумаго-ткацкая фабрика и красильно-голландровое заведение Н.П. Милованова	80	128	208	1912
12. Титово	Бумаго-ткацкая фабрика и красильно-голландровое заведение Торгового Дома Ивана Максимовича Черкасова	150	200	350	1-я - 1908 2-я - 1911
13. Мисцево	Красильно-сновальное заведение и раздаточная контора Торгового Дома Е.Н. Лукина	60	-	60	1868
14. Мисцево	Бумаго-ткацкая фабрика, красильное заведение и механическая мотальня Торгового Дома Герасима, Евтихия и Акима Денисовичей Гомасковых	12	50	62	1910
15. Мисцево	Ручная бумаго-ткацкая фабрика и сновальня Торгового Дома Степана и Матвея Ивановичей Бочинных	10	25	35	1909
16. Петрушино	Красильно-бумажное и сновальное заведение Торгового Дома Петра и Гурия Ивановичей Гавриловых и Ко	35	-	35	1906
17. Петрушино	Красильно-голландровое заведение, ткацкая фабрика и механическая мотальня Торгового Дома Братьев Гавриловых и Ко	45	115	160	1 и 2 - 1891 3-е - 1910
18. Селиваниха	Голландровое заведение Братьев Харитона и Ивана Егоровичей Ивановых	10	-	10	1907
19. Селиваниха	Голландровое заведение Братьев Егора, Трофима и Кондрата Зотовичей Ивановых	8	-	8	1905
20. Селиваниха	Голландровое заведение Братьев Ивана и Саввы Андреевичей Ивановых	7	-	7	1909

дер. Мисцево; там же контору для раздачи основ богородского купца Ефима Никифоровича Лукина; такую же контору в дер. Титово, принадлежавшую богородскому мещанину Николаю Петровичу Затравкину; такую же контору в Селиванихе купчихи Анны Григорьевны Елисеевой; там же крестьянина Даниила Петровича Иванова; там же крестьянина Меркурия Петровича Иванова⁹². Ивановы в Селиванихе, как мы видим, фигурируют и в 1914 году. Тоже мы можем сказать и о мисцевских Бочиных и Лукиных. Многие же другие старые промышленные семейства сходили со сцены и на их место заступали новые. Но, история гуслицкой текстильной промышленности и ее фабрик – тема отдельного исследования. Хотелось бы немного прокомментировать конторы для раздачи основ. Дело в том, что в Гуслицах, и в Дорховской волости в частности, промышленники практиковали следующее. Фабриканты раздавали основу по домам односельчан и жителей соседних селений. Практически в каждом доме имелся ткацкий стан (иногда их было и несколько). На таких станах сельяне выдělывали полученную основу и готовый продукт сдавали фабриканту, получая за это положенную плату. Зачастую основу выдělывали всем семейством. При этом всем было хорошо: фабриканту не надо было нанимать рабсилу на стороне и строить для нее рабочие казармы, а для крестьян, при местном малоземелье, такая возможность заработка была прекрасным выходом из тяжелого экономического положения. Но, параллельно с развитием предприятий в самом Раменье, многие жители его селений были ориентированы на крупные предприятия в Орехово-Зуево, Ликино, Дулёво, Дрезне, Егорьевске.

Также хотелось бы упомянуть и о промыслах, которые возникли благодаря старообрядчеству. В рассматриваемой местности одно время было развито иконописание, которое сошло на нет уже к началу XX столетия. И, что весьма важно, ряд селений были центрами книгописания и распространения т.н. «гуслицкой росписи». Это касается прежде всего деревень: Мисцево, Петрушино, Заполицы и Степановка. В Мисцево жили одни из самых лучших, наряду с беливскими, мастера этой росписи. Но это занятие просуществовало до начала XX века. Затем переписчики певческих книг просто не выдержали конкуренции с легализованными старообрядческими типографиями.

Нельзя не упомянуть и еще об одном занятии, которое кормило гуслияков, в том числе и жителей раменских селений. Это – криминальные промыслы, по которым Гуслицы были известны значительной части российской территории. Наиболее известными были фальшивомонетчество, профессиональное попрошайничество, разбой.

Старообрядческое население Раменья

Раменье, которое окормлял приход погоста Рудня, истари входило в древнюю волость Гуслица, и позже было частью знаменитой старообрядческой местности Гуслицы. Причем к началу XX века эта местность, административно объединенная в Дорховскую волость, была одной из наиболее старообрядческих в Гуслицах. С ней могли сравниться разве что Заход и Запонорье (обе местности находились в Запонорской волости), где также на все селения было не более двух десятков дворов приверженцев официального православия.

Поповцы

Исследуя историю старообрядчества Гуслицкого края в целом и Раменья в частности, мы пришли к выводу, что изначально местные староверы явно в своем большинстве не принадлежали к поповщине. Судя по выявленному нами архивному и прочему материалу, здесь прежде обитали беспоповцы поморского брачного согласия. Смена вер произошла, как нам кажется, под влиянием прежде всего экономических причин, когда в крае стала развиваться промышленность, находившаяся преимущественно в руках последователей поповского Рогожского кладбища. Последнее оказалось значительно сильнее московских беспоповских центров, в том числе и поморских. На наш взгляд, также поповщина, составлявшая в Гуслицах и на сопредельных территориях изначально явное меньшинство, стала бурно развиваться после того, как здесь осела большая группа выходцев из разгромленной властями Ветки (сейчас – на территории Гомельской области в Республике Беларусь). Вместе с ветковцами-

мирянами сюда попали и старообрядческие иноки, которые начиная с 1760-х гг. основали немалое число скитов и монастырей, многие из которых расположились посреди лесов и болот как раз рядом с Раменьем, в районе селений Мисцево, Беливо, Загрязская, Понарино и т.п. Именно с этим временем и следует связывать начало бурного развития гуслицкой, и раменской в том числе, поповщины. И. Ордынский в своей книге «Раскол и благотворительность в Гуслице», ссылаясь на местную историческую память, пишет: «...раскол в Гуслице утвердился в чумный 1771 год, вместе с открытием больниц и раскольничьих церквей на Рогожском и Преображенском кладбищах в Москве»⁹³.

После разделения белокриницкого мира в 1860-х г. на «окружников» и «неокружников», жители Раменья оказались в стане последних. Последователи окружнического Рогожского кладбища начинают борьбу за возвращение местной паствы под свой контроль.

Предположительно, в середине XIX столетия в Гуслицком Раменье главным старообрядческим центром являлась деревня Заполицы, которая расположена на востоке местности и считается крайней оконечностью и самого микрорегиона, и Гуслиц. Такой вывод можно сделать прежде всего исходя из того, что известный Мельников-Печерский, в своих «Очерках поповщины», по сведениям примерно на начало 1860-х гг., среди наиболее примечательных старообрядческих моленных Московской губернии была и находящаяся в Заполицах⁹⁴. Разумеется, указанный автор в качестве примечательных молитвенных зданий имел в виду не те, которые обладали какими-то художественными или иными моментами. Он под ними подразумевал те, которые играли важную роль в жизни местного староверия. Помимо заполицкой, Мельниковым-Печерским упомянуты моленные в Зоволенье, Беливо, Слободищах и некоторых других местах, которые, как известно по истории, в указанное время играли ключевую роль и были приходскими центрами. Были ли Заполицы изначально, с начала истории местного раменского старообрядчества, основным духовным центром, или же стали им на каком-то этапе, сказать пока нельзя. Мы не располагаем никакими архивными документами или иными источниками по этому поводу.

Возможно, когда храмы погоста Рудня окончательно оказались в руках «никониан», старообрядцы и перенесли свой центр в одно из соседних селений. Не исключено, что когда жители рассматриваемой местности принадлежали к беспоповскому согласию, центром было какое-то другое селение (возможно – Никитское, рядом с погостом, да и в жизни местных поморцев оно играло не последнюю роль), а Заполицы стали центром прихода в тот момент, когда здесь уже всюю обосновывались поповцы-рогожане и с этого селения их распространение в крае и началось.

Уже в 1880-х гг. в рассматриваемой местности существовало несколько поповских приходов. Существовал ли в это время Заполицкий приход, мы не знаем, но центры более молодых приходов уже находились в селениях: Титово, Селиваниха и Петрушино⁹⁵. В первом случае мы видим мощный неокружнический приход, во главе которого не один десяток лет стоял весьма примечательный лидер – священник Петр Родионов (Петр Титовский). В 1880-х гг. он враждовал из-за приходских деревень с еще одним известнейшим неокружническим пастырем того времени – священником Кузьмой Алексеевым Сорокиным из деревни Заволенье (Кузьмой Заволинским). Но, конфликт между этими попами – тема отдельного исследования.

К началу XX столетия неокружники Дорховской волости в основном принадлежали к последователям епископа Даниила Богородского (т.н. «даниловцы»). Их «бастионами» являлись деревни Титово, Степановка. В последнем населенном пункте не было фабрик и прочих заведений, что создавало возможность местным жителям быть довольно консервативными. Также отсутствие богатых предпринимателей, которых адепты Рогожского кладбища могли легко заинтересовать экономически, было одновременно и отсутствием рычагов экономического давления на степановцев. Конечно же, многие жители деревни, прежде всего мужчины, были ориентированы на предприятия в соседних деревнях, а также на крупные фабрики в Орехово-Зуево, Ликино, Дулёво и Егорьевске, но там на них, как правило, рогожане не могли оказать должного давления.

К началу XX столетия местные неокружнические сельские общества подвергаются сильному давлению со стороны окружников-

рогожан, которые при помощи экономических рычагов стремятся вернуть в свой стан отошедших от них старообрядцев. Так, не без денежных вливаний, которые шли на сооружение новых храмов-моленных, в лоно «Рогожки» были «возвращены» деревни Селиваниха, Богородское и Петрушино. Однако и в новоявленных окружных деревнях продолжали сохраняться небольшие группы неокружников. Уже по сведениям богородского уездного исправника Гранского 1898 года, судя по конфессиональной принадлежности молитвенных зданий, окружниками были жители Равенской, Заполиц и Мальково. Гранский также причисляет к окружникам и население Понарино и Титово, однако знание истории местного старообрядчества заставляет усомниться в достоверности его сведений⁹⁶.

В настоящее время большинство лиц, идентифицирующих себя старообрядцами, принадлежит к официальному белокриницкому согласию, т.е. находится в лоне Рогожского кладбища. Во второй половине XX столетия они оказались распределенными между приходами в Устьяново м Слободищах, на которые многие старообрядцы ориентированы до сих пор. Еще в 1990-х гг. в ряде прежде неокружных деревень, к примеру, в Степановке, были живы старики, которые точно помнили, что «с рогожанами – не молиться». Однако этим в 1994 году очень удачно воспользовались единоверцы (старообрядческие униаты с официальной церковью), которые ловко сманили большую часть этих старообрядцев в свой приход в городе Куровское. Там, вроде бы и старообрядчество, и самое главное – с Рогожской не молятся! К началу 2000-х гг. много единоверцев было в Степановке, Авсюнино (деревня Авсюнино, не путать с современным одноименным пристанционным поселком), Мисцево... Настоящих практикующих неокружников в регионе уже нет.

В 1930-х гг. в Раменье были закрыты практически все старообрядческие храмы. После Великой Отечественной войны, когда какое-то время существовала небольшая возможность открытия молитвенных зданий, ни одной моленной здесь открыто не было. Нам известно, что существовали неофициальные религиозные группы в деревнях Селиваниха, Авсюнино, которые регулярно собирались по домам на общественную молитву. Однако, это лишь официальные све-

дения. Фактически же подобные группы существовали во всех старообрядческих селениях и молились они вплоть до 1980-х – 1990-х гг. Для духовного окормления обращались в немногие оставшиеся действующие церкви в Слободищах и Устьяново.

В 2010 году старообрядческий белокриницкий приход стали возрождать в деревне Селиваниха. Уже восстановлен деревянный зимний храм, на старых фундаментах. Ведется работа по восстановлению, также на старых фундаментах, летнего храма. Пока местная община приписана к приходу в поселке Шувое, Егорьевского района. Еще в середине 2000-х гг. велась работа по организации белокриницкого прихода в поселке Авсюнино. Ей занималась Л.П. Красоткина, 1940 г.р. Это общество было дочерним от прихода Никольского храма селения Устьяново. Старообрядцам было предоставлено кирпичное здание поселковой бани, где и собирались на общественную молитву. Однако, молитвы в такой сооружении были по нраву далеко не всем и многие местные староверы игнорировали их, посещая церкви в том же Устьяново и Слободищах.

Мы коснулись старообрядческого поповского населения Раменья вкратце, поскольку это огромная тема и она нуждается в отдельном, серьезном исследовании. Немного мы коснемся ее в главе книги, которая будет посвящена старообрядческим молитвенным зданиям этой местности.

В Раменье, среди поповцев, существовала и такая интересная группа, как лужканы (в литературе они чаще именуются лужковцами). Это – наиболее консервативная часть беглопоповцев, которая оформилась в Стародубье (север Черниговской губернии, ныне – запад Брянской области), в посаде Лужки. Лужканы отрицали любое соглашения с властями и их отделение произошло на почве признавать или не признавать дозволенных правительством беглых попов. По сведениям И. Ордынского, в Гуслицы лужканы, вернее их учение, попали через город Боровск, Калужской губернии⁹⁷. В Гуслицах лужканы проживали во многих селениях юга и востока края. Везде они составляли меньшинство населения и их было по несколько семейств на селение, максимум до десятка. В раменских деревнях лужканы имелись практически везде. Самые большие группы, обе по десять

человек, жили в селениях Петрушино и Мисцево. В Петрушино имелась и лужжанская моленная, представлявшая собой отдельное здание. Предположительно, лужжанской была одна из четырех старообрядческих моленных в большой деревне Авсюнино.

По нашим сведениям, последние молящиеся лужжаны жили в рассматриваемой местности еще в 1990-х гг. Например, один старик проживал в деревне Авсюнино. Молодое поколение из лужжанских семейств уже давно ассимилировалось среди белокриницкого старообрядческого большинства или среди представителей господствующей веры. О лужжанах прежней Дорховской волости у нас такой информации нет, но их одноверцы из других уголков Гуслиц и сопредельных местностей частично соединились с основным большинством прежних беглопоповцев (Новозыбковская иерархия). Мне доводилось слышать даже о двух ветвях лужжанов, оформившихся к XX столетию: беглопоповская и беспоповская. Если первая еще стремилась к поиску беглого (из официально церкви) духовенству, что и привело ее, в конце концов, в лоно основной новозыбковской ветви прежней беглопоповщины, то вторая оставалась весьма консервативной и даже радикальной. Она в конце концов трансформировалась в новое беспоповское согласие. Как раз к такой ветви и принадлежали лужжаны рассматриваемой местности, или по крайней мере их большая часть.

Ныне о сохранении в Гуслицком Раменье хотя бы маленькой группы практикующих лужжан, или даже единичных представителей, никакой информации нет. Многие потомки лужжан в 1990-х гг. также оказались в лоне единоверия. Причина та же, что и в случае с прежними неокружниками: практикующих представителей своего согласия, которые могли бы разъяснить более молодым поколениям все тонкости уже не осталось, а память, что «мы старообрядцы и с рогожанами не молимся» сделала свое дело. Кстати, в следствии неправильно политики лидеров единоверческой общины в последнее время произошел сильный отток от нее. Многие старообрядцы, попавшие ранее в единоверие, перешли в белокриницкие приходы.

Беспоповцы

Детальное изучение истории старообрядчества Гуслицкого Раменья заставляет нас сделать вывод, что изначально оно не было поповским. В местных селениях жили беспоповцы поморского брачного согласия. Ничего удивительного в этом нет: с севера к Раменью примыкает территория старообрядческой местности «Патриаршина», где ранее проживало исключительно поморское население. Со временем, после активного развития рогожской промышленности, часть тамошних беспоповцев, включая и обитателей большой деревни Губинская (в настоящее время – Губино), находящейся в непосредственной близости от деревень севера Раменья, перешла в поповщину.

Еще в начале XX века поморцы селений Гуслицкого Раменья составляли единое сообщество с своими одноверцами из ряда селений севера соседнего Егорьевского уезда: Зворково и др. После смерти местного наставника Дия Матфиева (из Зворково), его преемником стал жители деревни Петрушино 55-летний Борис Никифоров⁹⁸.

Некоторая география расселения поморцев на территории похода погоста Рудня мы видим из одного дела Московского Губернского Правления, которое датировано 1905–1912 гг.

Вид на дома беспоповцев в Никитском. Фото СС. Михайлов, 2006 г.

Здесь, в одном из документов дана и численность поморцев в селении, а также и наличие там моленной, судя по всему домовой:

<i>Селение</i>	<i>Поморцев (человек)</i>	<i>Моленная</i>
Заполицы	15	-
Никитское	52	1
Богородское	43	1
Дорхово	18	1
Мисцево	48	1
Степановка	74	1
Титово	42	1
Всего в указанных деревнях – 292 человека и шесть моленных ⁹⁹ .		

Когда в 1880-х гг. в Мальково возникла небольшая единоверческая община, в этой деревне, помимо поповского большинства, жили и поморцы: «деревня населена поповцами, но также есть немного беспоповцев»¹⁰⁰. Немного информации о том, что в начале XX в. в селениях Рудневского прихода сохранялось беспоповское население и у него были свои начетчики, мы находим в ряде повествований о миссионерских беседах. В 1908 году в рассказе о беседе, которая состоялась 2 сентября (по старому стилю) 1907 г. в приходской деревне Равенская также мы читаем о том, что в ней участвовал «...беспоповщинский местный начетчик...», имя которого не сообщается¹⁰¹. В 1912 году, в старообрядческом журнале «Церковь», сообщается о беседе с миссионером официальной церкви Кузнецовым в Рудне, которая состоялась 29 апреля (по старому стилю). «Со стороны старообрядцев выступал некто беспоповец Платон из д. Титовой»¹⁰². Отчество или фамилия этого человека не сообщается. Кроме поморцев никаких других беспоповцев в Титово не известно.

Выходцы из местных деревень, ориентированные на поморскую общину в Орехово-Зуево, фигурируют в метриках Зуевской общины 1908 и 1913 гг., также сохранившиеся в ЦИАМе¹⁰³. Там также фигурирует и деревня Мальково, что говорит о том, что авторы документа 1905–1912 гг. были в курсе не обо всех поморских обществах Раменья и

в этом селении к началу XX века поморцы еще сохранялись. Про Мальково и Равенскую чиновники, видимо, не знали.

В настоящее время какое-то небольшое число практикующих поморцев сохраняется в прежнем Никитском (сейчас – часть Рудни-Никитской). Известно, что сюда регулярно навещается один из наставников московской общины на Преображенском кладбище, с целью духовного окормления местных поморцев. В других деревнях о том, что там проживали какие-то старообрядцы помимо представителей белокрыницкого согласия (окружников и неокружников), забыли уже к концу XX столетия. О проживании нескольких поморских семейств в разговоре со мной вспомнили разве что старожилы селения Дорхово.

Печать церковного старосты
Ф. Карелова

Помимо поморцев, в раменских деревнях еще в первой половине XX века жили и т.н. «мокеевцы». В последних, предположительно, следует видеть местный вариант Спасова согласия (или нетовцев). Мокеевцы имелись в Степановке и Богородском. В последнем селении имелась также и мокеевская моленная, судя по всему домашняя.

На нее были ориентированы adeptы этой веры из ряда южно-гуслицких селений, где они имелись. Мокеевцы также проживали в Егорьевске и его окрестностях. Согласие было немногочисленным и к настоящему времени уже сошло на нет. Рассказывают, что две последние пожилые практикующие мокеевки жили в гор. Куровское еще в 1990-х гг. Из какой деревни они были родом, нам выяснить не удалось.

1. Памятники архитектуры Московской области. Издание 2-е. Т. 4. М., 2009. С. 251-252.

2. Памятники архитектуры Московской области. Издание 1-е. Т. 2. М., 1975. С. 107; Издание 2-е... Т. 4. С. 253.

3. Центральный Исторический Архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 744. Д. 2144. Л. 191-191 об.

4. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 445. Д. 10. Л.1-10 об.
5. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 638. Д. 187. Л. 1-6.
6. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 861. Л. 8-8 об.
7. Там же. Л. 18.
8. Там же. Л. 20.
9. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 576. Д. 17. Л. 1.
10. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 658. Д. 142. Л. 9.
11. Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 44. СПб., 1912. С. 6.
12. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 1874. Л. 256 об.
13. Московские церковные ведомости. М., 1913. № 40. Часть официальная.
14. Московские церковные ведомости. 1914. № 41. Часть официальная.
15. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 619. Д. 13. Л. 1.
16. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 364. Д. 86. Л. 1-7.
17. Громов Д.В. Гридино и Рудня: источники, связанные с почитанием иконы Казанской Божьей Матери // Гуслицкая округа. Вып. 4. Егорьевск, 2004. С. 53-58.
18. Там же. С. 56.
19. Там же.
20. Там же. С. 57.
21. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2144. Л. 195 об.
22. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 1874. Л. 257 об.
23. Там же, Л. 258 об.
24. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2144. Л. 192 об.
25. Там же, Л. 192 об.
26. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 551. Л. 1-7.
27. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 576. Д. 17. Л. 1-47 об.
28. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 804. Л. 13.
29. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 756. Л. 1-2 об.
30. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 859. Л. 10.
31. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 917. Л. 6.
32. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 653. Д. 133. Л. 1-30.
33. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 585. Д. 14. Л. 1-49.
34. Московские Церковные Ведомости (далее – МЦВ). М., 1885. № 12. Часть официальная.
35. МЦВ, 1898. № 20. Часть официальная.
36. МЦВ, 1896. № 6. Часть офиц.
37. МЦВ, 1897. № 1. Часть офиц.
38. МЦВ, 1903. № 21. Часть офиц.

39. МЦВ, 1903. № 13. Часть офиц.
40. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 619. Д. 13. Л. 3.
41. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 129. Л. 1-4.
42. МЦВ, 1903. № 42. Часть офиц.
43. МЦВ, 1912. № 19. Часть офиц.
44. МЦВ, 1908. № 18. Часть офиц.
45. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 20. Л. 1-10; МЦВ, 1911. № 7. Часть офиц.
46. МЦВ, 1913. № 7-8. Прил. № 4.
47. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 619. Д. 13. Л. 1-19.
48. МЦВ, 1913. № 45. Часть офиц.
49. МЦВ, 1913. № 46. Часть офиц.
50. МЦВ, 1911. № 41. Часть офиц.
51. МЦВ, 1916. № 7-8. Часть офиц.
52. МЦВ, 1916. № 25-26. Часть офиц.
53. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 1874. Л. 257 об.
54. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 208. Д. 514. Л. 1а - 2 об.
55. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2144. Л. 192 об.
56. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 804. Л. 13.
57. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 917. Л. 6.
58. МЦВ, 1897. № 39. Часть офиц.
59. МЦВ, 1900. № 41. Часть офиц.
60. МЦВ, 1897. № 40. Часть офиц.
61. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 480. Л.6 об.
62. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 1874. Л. 258 об - 259 об.
63. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2144. Л. 192 об - 193 об.
64. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 917. Л. 6.
65. МЦВ, 1894. № 4. Часть офиц.
66. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 361. Л. 20 об., 71.
67. МЦВ, 1909. № 38. Часть офиц.
68. МЦВ, 1911. № 15-16. Часть офиц.
69. МЦВ, 1909. № 41. Часть офиц.
70. МЦВ, 1912. № 46. Часть офиц.
71. МЦВ, 1914. № 1. Часть офиц.
72. МЦВ, 1915. № 40. Часть офиц.
73. МЦВ, 1915. № 42. Часть офиц.
74. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 638. Д. 191. Л. 1.
75. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 756. Л. 1а - 1а об.; Ф. 707. Оп. 1. Д. 917. Л. 6.
76. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 638. Д.117. Л.1об.; Ф.203. Оп. 635. Д. 40 Л. 2.
77. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 638. Д. 191. Л.1-10 об.

78. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 658. Д. 142. Л. 1-15.
79. МЦВ, 1896. № 37. Часть офиц.
80. МЦВ, 1900. № 18. Часть офиц.
81. МЦВ, 1903. № 43. Часть офиц.
82. МЦВ, 1905. № 51-52. Часть офиц.
83. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 480. Л. 3 об.
84. Матвеев Т. Как насаждалось единоверие // Старообрядцы. Нижний Новгород, 1908. № 2-3. С. 292.
85. Благовещенский И.А. Краткие сведения о всех церквях Московской епархии. М., 1874. С. 102.
86. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 277. Д. 42. Л. 12 об. - 13.
87. Московская губерния по местному обследованию. 1898-1900. Т. 1. Вып.1. Поселенные таблицы. М., 1903. С. 22.
88. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 480. Л. 11.
89. Московская губерния по местному обследованию... С. 24.
90. Там же.
91. Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. М., 1913. Приложение. С. 117, 118, 136.
92. Сведения о фабриках и заводах Московской губернии. М., 1885. С. 28-29, 30-31, 40-41.
93. Ордынский И. Раскол и благотворительность в Гуслице. СПб., 1863. С. 4.
94. Мельников-Печерский П.И. Очерки поповщины // Собрание сочинений в восьми томах.
95. Гуслицкие раскольничьи приходы // Московский листок, 1884. № 152. 4 июня.
96. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край. Ногинск, 2001. № 1. С. 19-20.
97. Ордынский И. Указ. раб. С. 5.
98. Из дневника окружного миссионера свящ. Н. Виноградова о беседах в дер. Зворково и Ново-Ворово // Миссионерский сборник. Рязань, 1901. № 3. С. 174.
99. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 3141. Л. 31 об.
100. О собеседовании преосвященного Мисаила, епископа Можайского, в Гуслицах, в деревне Малькове с старообрядцами // Братское слово. М., 1883. № 1. С. 134.
101. Отчет о деятельности противостарообрядческой миссии в Московской епархии за 1907 год // Братское слово. М., 1908. № 22. С. 342.
102. Рудня, Богородского уезда // Церковь. М., 1912. № 22. С. 534.
103. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 542. Л. 181, 183, 187, 188, 191, 192, 197 и др.

4. МОЛИТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ И ПРИХОДЫ, ОБРАЗОВАВШИЕСЯ ИЗ РУДНЕВСКОГО ПРИХОДА

А. СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ

После XVII–XVIII столетий, когда население прихода древнего погоста Рудня в основном своем большинстве отказалось принимать никоновские нововведения, а сохранило верность старым обрядам, от прежде монолитной церковной общины отпочковались новые сообщества. Это – старообрядческие общины-приходы, которые сформировались в приходских селениях. Практически все они, как и древний храм погоста, имели Рождество-Богородицкое посвящение. Здесь мы легко можем понять, что старообрядцы как бы оспаривали у «никониан» право преемства от древнего дониконовского престола.

Посему мы считаем, что все старообрядческие молитвенные здания и существовавшие при них общества являются также неотъемлемой частью истории прихода погоста Рудня. В связи с этим исторические очерки о этих моленных мы помещаем в данном повествовании.

РУДНЯ-НИКИТСКОЕ

(поморцы)

Не сохранилась

Этот населенный пункт образовался в результате слияния двух соседних, разделенных прежде только рекой Рудинкой, древнего погоста Рудня и сельца Никитского. В последнем не было старообрядческого поповского населения и его считали «никонинаским»¹. Однако, помимо представителей господствующего исповедания, здесь даже в конце XX столетия жили беспоповцы-поморцы.

Согласно одному из сохранившихся в фонде Московского Губернского Правления делу, датированному 1905–1912 гг., в сельце Никитском проживало 52 поморца, у которых была своя моленная². В «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии», который

составлен примерно в 1926–1927 гг., в селе Рудня значится и молитвенный старообрядческий дом³. Однако, здесь что-либо сложно сказать о том, упомянута ли здесь поморская моленная в Никитском, или же по какой-то ошибке в «старообрядческую» записали одну из православных церквей, или же еще что-то напутали. Но более никаких сведений о ней, ни документальных, ни полевых, обнаружить не удалось.

1. Как насаждалось единоверие // Старообрядцы. Нижний Новгород, 1908. № 2–3. С. 292.

2. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177, Д. 3141, Л. 31 об.

3. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2, Д. 201, Л. 76–76 об.

СТЕПАНОВКА

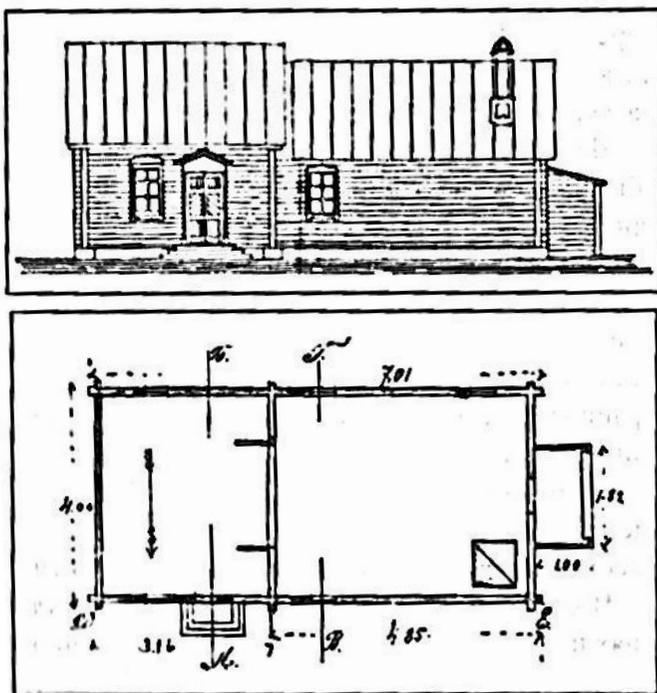
(неокружники, поморцы (?), мокеевцы - ?)

Не сохранились

Степановка – одна из наиболее интересных гуслицких деревень. Здесь не возникло никакой фабрики и старые обычаи и нравы сохранялись намного дольше, чем в деревнях, которые раньше подверглись влиянию внешней «цивилизации». В деревне исстари существовали общественные моленные, однако, ввиду того, что последние крайне редко попадали в поле зрения властей, информации о них крайне мало. В «Ведомости...» 1826 года в Степановке значится только одна старообрядческая моленная, существующая с давнего времени и устроенная без официального разрешения¹.

Далее, в сведениях о моленных на 1850- годы, включая «Ведомость о раскольниковских молитвенных зданиях находящихся в Московской губернии», 1853 года, а также и наряд о моленных 1851 года, в Степановке мы находим уже две моленные². Но это не летняя и зимняя моленные. Степановка была создана в XVIII столетии из двух древних деревень – Ульянино и Незденово. Память о последних до

сих пор сохраняется в названиях двух частей Степановки. По крайней мере и в XX столетии и в Ульяновской, и в Незденевской частях деревни существовали свои моленные, пусть даже и одного согласия. Мало того, у них были еще и «параллельные» зимние молитвенные здания. Получается, что только у неокружнического (после 1864 года) большинства старообрядческого населения деревни было четыре молитвенных здания. Возможно, такая же картина наблюдалась в этой деревне в середине XIX века.

Моленная д. Степановка. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 158. Д. 131. Л. 30

Далее о моленной в Степановке мы узнаем только в конце XIX столетия. В рапорте богородского уездного исправника Гранского в деревне Степановке значатся две, существующие «с незапамятных времен» моленные, одна из которых обслуживала 1600 неокружников, а о второй никаких подробностей не указано³.

В 1904–1905 гг., когда прежние гонения постепенно уходили в прошлое и уже можно было официально ремонтировать и строить моленные, Строительное Отделение Московского Губернского Правления рассматривало проекты нескольких новых старообрядческих моленных в гуслицких деревнях. Среди них был и проект превращения в моленную сарая крестьянина Логинова в Степановке⁴. Здесь не говорится, на какой половине деревни, Ульянинской или Незденовской, этот сарай находился. Со слов старожилов известно, что в начале XX столетия одна из моленных сторела и у неокружников-даниловцев Степановки оставалось три молитвенных здания. Общество, потерявшее моленную, вышло из положения следующим образом. В летней моленной на холодный период ставилась печка, которую перед летним периодом снова разбирали.

В первые десятилетия советской власти, накануне гонений, степановские старообрядцы пошли на регистрацию общины. В «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии» середины 1920-х гг., в Степановке мы видим упоминание об одной моленной⁵.

Оставшиеся три степановские моленные были закрыты одним Постановлением Мособлисполкома за № 618 от 2 сентября 1938 года. Были использованы стандартные причины закрытия молитвенных зданий: молитвенные дома якобы бездействовали, общины при них распались и т.п. Здания предполагалось использовать «под культурные цели»⁶. Одну из моленных разобрали почти сразу, «еще перед войной». Остальные, используемые как зернохранилища, простояли вплоть до 1950-х гг. Но, согласно другим источникам, они были разрушены также вскоре после закрытия. В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях в Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, в Степановке не значится ни одной моленной⁷.

В 1930-х годах, до репрессий, в Степановке служил священник Михаил Тарасович Лазарев, 1866 г.р. Он впоследствии был арестован и расстрелян на Бутовском полигоне 16 марта 1938 года.

В 1950 году, в документах уполномоченного Совета по делам культов упоминается незарегистрированная группа старообрядцев в деревне Степановка, которую возглавлял брат бывшего священника Н.И. Богомоллов⁸. Выше мы упомянули расстрелянного степановского

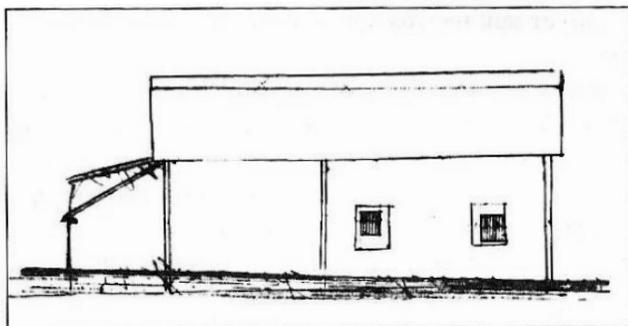
священника Михаила Лазарева. Он служил приблизительно до 1937–1938 гг. Был ли Богомоллов его предшественником или же два попа служили параллельно в разных частях деревни, в «ульянинской» и «незденовской» моленных, непонятно.

Непонятно также к какому согласию относилась в Степановке «звоновская» моленная. По рассказам одних старожилов, она вроде бы была обычной неокружнической, по другим – она могла быть мокеевской. В начале XX столетия, в Степановке, в мокеевское согласие перешло семейство Звоновых. Но нам удалось получить сведения, что степановские мокеевцы вроде бы ходили на общественную молитву в соседнее Богородское. Но более подробно про ситуацию с согласиями и моленными не могли прояснить даже потомки лужжакн, мокеевцев.

От старожилов нам не удалось ничего узнать о представителях поморского брачного согласия, которые проживали в деревне. В то же самое время они помнили лужжан и мокеевцев. Однако в фонде Московского Губернского Правления, в котором чиновники попытались собрать сведения о старообрядческих согласиях в губернии на 1905–1912 годы, в Степановке фигурируют аж 74 поморца. У последних Согласно упоминанию у них была своя моленная, но что она собой являла, не известно⁹. Более никаких сведений о них нет.

-
1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 154 об.
 2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 451. Л. 10 об.; Оп. 98. Д. 536. Л. 2 об. – 3.
 3. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. № 1. С. 20.
 4. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 158. Д. 131. Л. 13, 29, 30.
 5. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201, Л. 76–76 об.
 6. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1778. Л. 14.
 7. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4, Л. 12.
 8. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1, Д. 23, Л. 16.
 9. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177, Д. 3141. Л. 31 об.

БОГОРОДСКОЕ
(*окружники, мокеевцы – ?*)
Не сохранились

Моленная в Богородском. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 148. Д. 68. Л. 8

Старинное местное предание говорит, что существовавшая до конца XIX столетия в сельце Богородском старообрядческая моленная была ничем иным, как древней деревянной церковью, построенной здесь еще князем Владимиром Андреевичем Старицким, которой одно время был владельцем волости Гуслица. По какой-то причине церковная власть забыла о здании храма упраздненного прихода и оно осталось у хранителей древней традиции. По другой версии, Богородское – место прежнего нахождения погоста Рудня с его Рождествобогородицкой церковью. Так или иначе, судя по названию населенного пункта, церковь во имя Богородицы в нем когда-то была, но этот факт утрачен в исторических документах. О молитвенном здании, уже старообрядческом, мы узнаем из «Ведомости...» 1826 года, когда стандартно названа существующей с давнего времени и устроенной без официального разрешения¹. Молитвенное здание в Богородском, как и в соседних деревнях, было посвящено Рождеству Богородицы.

Далее моленную в Богородском мы встречаем уже в делах середины XIX столетия. Она фигурирует в «Ведомости о раскольнических молитвенных зданиях находящихся в Московской губернии» 1853 года и в наряде о моленных 1860 года, в котором значатся уже две моленные². В последнем случае скорее всего упоминаются летнее

и зимнее здания, хотя вполне возможно, что речь может идти и о молитвенных зданиях двух разных согласий. Оба документа находятся в фонде канцелярии московского гражданского губернатора.

В помянутое время в Богородском основная масса старообрядцев принадлежала к поповскому белокриницкому согласию. После появления печально известного «Окружного послания» в середине 1860-х годов, жители селения оказались, как и остальные жители Раменья, в стане неокружников. Однако вскоре, после определенных финансовых вливаний со стороны московских рогожских фабрикантов, в Богородском приняли сторону окружников. Память об этом сохраняется в соседних неокружнических деревнях, прежде всего в самой ближайшей Степановке, до сих пор. После этого перехода была выделена сумма на строительство нового молитвенного здания.

В июне-августе 1892 года по прошению уполномоченных от старообрядческого общества сельца Богородское в селение был командирован архитектор Егоров для освидетельствования нового здания сельской моленной³. Оно-то и было сооружено взамен древней церкви на Рогожские деньги.

В рапорте богородского уездного исправника Гранского мы видим и моленную в сельце Богородском, которая обслуживала 630 местных старообрядцев, уже успевших к тому моменту стать окружниками. Здание также существовало «с незапамятных времен»⁴. Интересно, но ни в этом источнике, ни в вышеприведенном, не упоминается вторая моленная, которую мы видели в 1860 году.

В декабре 1913 года старообрядцы сельца Богородского обратились в Московское Губернское Правление с просьбой разрешить им работы по сооружению пристройки к молитвенному дому. Дело рассматривали уже в следующем 1914 году. Возникли определенные проблемы с возведением казалось бы рядовой постройки: отсутствовали необходимые разрывы между молитвенным зданием и соседними сооружениями. Проект был направлен на доработку. Однако довольно быстро, 7 января 1914 года, проект утвердили⁵.

В документах советского времени богородскую моленную мы видим в числе официально зарегистрированных. В «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии», составленном приблизительно в

1926–1927 гг., она фигурирует⁶. В уже упоминавшемся нами «Подписном листе...» 1928–1929 гг. видно, что в Богородском существовал приход, подчинявшийся Рогожской Архиепископии, входивший в Гуслицкое благочиние. На приходе служил священник о. Иоанн Трофимов. Чуть позже его место занял о. Василий Зотович Кузнецов, 1882 года рождения, который был арестован в конце 1930-х годов и 16 ноября 1937 года расстрелян на Бутовском полигоне. Там же, только несколько ранее, 27 сентября, был расстрелян активный член богородской общины, Игнатий Николаевич Хахаев, 1872 г.р.

По рассказам старожилов, моленная в селении Богородское была закрыта в конце 1930-х годов, примерно в то время когда были арестованы о. В. кузнецов и И.Н. Хахаев, и вскоре разрушена. В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях на 1945 год, моленной в Богородском нет⁷.

Еще в начале XX века, согласно делу Московского Губернского Правления 1905–1912 годов, в Богородском проживало 43 представителя поморского брачного согласия, у которых значится своя моленная, о которой мы вряд ли когда-либо что-то узнаем⁸.

Как мы выяснили со слов старожилов, Богородское было одним из центров малочисленного мокеевского согласия и в деревню ходили на молитву мокеевцы из соседней Степановки. Возможно, что в деревне существовала мокеевская моленная, скорее всего домовая.

1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4, Л. 154 об.

2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 451. Л. 10 об.; Оп. 98, Д. 536, Л. 2 об. – 3.

3. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 148. Д. 68. Л. 1–10.

4. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край. Ногинск, 2001. № 1. С. 20.

5. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 164. Д. 358. Л. 1–8.

6. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76–76 об.

7. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

8. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 3141. Л. 31 об.

МИСЦЕВО

(неокружники, окружники, поморцы)

Не сохранились

Мисцево – одна из крупнейших деревень в этом уголке Гуслиц. Населено оно было исключительно старообрядцами и в селении истари существовали общественные моленные. О времени построения первой из них сказать что-либо уже невозможно. Первое сохранившееся упоминание обнаружено все под тем же 1826 годом, когда мисцевская моленная фигурирует как существующая с давнего времени и устроенная «без дозволения»¹. Возможно, что эта моленная в то время в Мисцево была не единственная.

Следующий раз моленную в Мисцево мы встречаем только в 1842 году, когда она пришла в ветхость и местные старообрядцы ее отремонтировали, что по законам того времени было «противозаконным». Данный факт стал известен властям и молитвенное здание было опечатано. Дело дошло до императора, который «высочайше» повелел 21 марта следующего 1843 года моленную разобрать, а материал «отдать владельцам». Находившиеся в моленной иконы, книги и прочая утварь, были предназначены для отправки в «какую-либо единоверческую церковь», но в виду нехватки на это средств на это, хранились сначала в старой деревянной Ильинской церкви Ильинского погоста, а затем достались от нее «по наследству» новой каменной Воскресенской церкви². Оставались ли они в Ильинском погоста далее, или же вскоре имущество мисцевского старообрядческого общества куда-то было пристроено, неизвестно.

За 1850–1880-е годы сохранились наряды о старообрядческих молитвенных зданиях в Московской губернии, составляемые чиновниками канцелярии московского гражданского губернатора. Но ни в наряде на 1853 г., ни в наряде на 1860 год, ни в каком другом, мисцевской моленной не значится³. Однако, это вовсе не означает, что в таком огромном старообрядческом селении ее не было. Скорее всего, наученные 1842 годом, жители деревни более тщательно маскировали от властей устроенную вскоре новую моленную.

Следующее упоминание о мисцевском общественном молитвенном старообрядческом здании мы находим уже в конце 1870-х годов. 15 мая 1879 года деревню посетил богородский уездный исправник, который, в присутствии местного сельского старосты произвел осмотр мисцевской моленной. Само здание в это время было старым, но довольно крепким. Крыльцо при моленной, а также тесовая кровля были сделаны заново⁴. В то время также такие действия со стороны старообрядцев еще считались криминалом. Видимо произведенный ремонт и стал поводом для указанного осмотра.

В рапорте богородского уездного исправника Гранского мы в Мисцеве видим две старообрядческие моленные. Одна из них указана существующей «с незапамятных времен» и обслуживающей 1250 неокружников. Вторая представлена просто как существующая с 1858 года⁵. Она может быть просто вторым, летним или зимним молитвенным зданием при преждеупомянутой моленной, может быть и лужканской или поморской. Однозначно, что возникла она еще до разделения на окружников и неокружников, хотя, не исключено, что какая-то из возникших после этого общин в своих рядах имела хозяйина существующей моленной.

Так или иначе, в селении, где все население составляли старообрядцы, скрывать молитвенные здания было очень просто и поэтому подробных сведений об истории той или иной моленной выяснить весьма сложно. Моленная существующая «с давнего времени» могла спокойно стоять в Мисцеве пока со второй происходили разбирательства, возникавшие ввиду ее ремонтов. Но в первой половине XIX столетия, пусть даже и немонолитное из-за разделения на разные согласия, мисцевское старообрядческое общество жило довольно спокойно. Последователи Рогожского кладбища, явно возникшие в селении довольно поздно и за счет беглопоповцев-лужкан и беспоповцев-поморцев, с еще оставшимися здесь представителями этих согласий жили относительно мирно. Но когда сами рогожане разделились из-за «Окружного послания» на окружников и неокружников, в Мисцеве, как и по Гуслицам вообще, споры и конфликты стали весьма сильными и заметными для внешних сил. Если о экспансии рогожан в прежде беспоповских и лужканских гуслицких селе-

ниях нет никакой информации в архивных и печатных источниках, то об окружниках и неокружниках писали и газеты, и «противораскольничьи» миссионеры, и другие заинтересованные авторы.

По сведениям газеты «Московский листок», в 1890 году в Мисцево было два старообрядческих священника. Анонимный автор заметки не поясняет к какому виду белокрыницкого согласия принадлежит каждый из них, но явно они не были приверженцами одного течения. Это либо окружнический и неокружнический, либо два неокружнических пастыря разных ветвей. Далее автор пишет о трех мисцевских моленных, возникших в результате «разброда» среди местных старообрядцев⁶.

В том же году Мисцево превратилось в поле столкновения старообрядческих архиереев разных толков. 8 апреля здесь под открытым небом состоялся диспут между виднейшими гуслицкими начетчиками, последователями окружнического Рогожского архиепископа Савватия и последователями разных неокружнических епископов. Данное мероприятие собрало до 500 зрителей. Лидеры разных старообрядческих течений, помимо организации подобных диспутов, поставили и своих священников. Выше мы, сославшись на «Московский листок», упомянули о двух священниках, имена которых не были указаны. В другой заметке священников указано уже трое, причем с именами и конфессиональной принадлежностью. Вообще-то одни из священников, о. Петр Родионов, служил не в самом Мисцево, а в соседнем Титово, и был в то время последователем неокружнического епископа Иосифа Керженского. Епископ Иов, также неокружник, поставил в само Мисцево священника Ивана. Окружнический же архиепископ Савватий поставил в селение своего попа Евстафия. Но число окружников в Мисцево было весьма незначительным и назначение их священника сюда имело чисто политическое значение и цель попытаться восстановить здесь свои позиции⁷.

1890 год нам дал и одно архивное дело, хранящееся в фонде московского генерал-губернатора, рассказывающее об исправлении старого здания мисцевской моленной. О каком именно из неокружнических молитвенных зданий идет речь, сказать сложно. Владельцы моленных очень часто сами меняли конфессиональную принадлежность

и уследить за этим, особенно в 1880–1890-х гг. весьма сложно. Старообрядцы-прихожане этой моленной ходатайствовали о ремонте через своего уполномоченного Григория Ипполитова Политова, в начале октября 1890 года. Предполагалось произвести незначительный объем работ: произвести замену полов в самой моленной и сенях. Моленная значится стоящей на общественной земле. В деле есть и акт осмотра моленной, составленный богородским уездным исправником 21 октября.

Ее здание стояло в поле, в 15 саженьях за линией жилых домов деревни. Построено оно было из пяти- и шестивершкового леса. Длина здания была 19 аршин, ширина – 14 аршин, а высота – 8 аршин. Верх здания был крыт тесом. Моленная имела пять окон и одну дверь. Пол и потолок были деревянные. К основному помещению моленной были пристроены сени 5 x 9 аршин, также крытые тесом. Не считая помянутых полов и потолка, все остальные элементы здания были в прочном состоянии и исправления не требовали. Согласно заключению Строительного Отделения Московского Губернского Правления, никаких препятствий к предполагаемому ремонту не встречалось и уже к ноябрю 1891 года, в результате рассмотрения дела, просимые работы были разрешены⁸.

Чуть выше мы уже упомянули о конфессиональном разнообразии в мисцевском старообрядчестве. Это почти никак не отражалось на страницах архивных документов, зато часто встречалось на страницах периодики, в частности популярной в то время газеты «Московский листок». Чиновники духовного и светских ведомств имели свои причины умалчивать многие моменты, скрывая даже существование «неразрешенных» моленных и вообще истинное положение дел. Мы привели сведения из «Московского листка» 1890 года, а теперь приведем и информацию из данного издания за 1899 год. Тогда в Мисцеве и соседнем Титове существовали параллельно несколько белокрыницких приходов, окружнических и неокружнических, члены которых не признавали друг друга. Из окружнических выделяли только один приход – да и вряд ли другие в этом неокружническом крае могли существовать. Из неокружнических корреспондент выделил три: уже упоминавшиеся иосифовский и иов-

ский, а также последователей епископа Даниила Богородского, который к тому времени со своими единомышленниками отделился от Иова⁹. Жители Мисцева и Титова считались в Гуслицах «самыми рьяными буквоедами», чем и объяснялся такой разброд в умах. Вскоре даниловцы в Мисцеве, и в большинстве других гуслицких неокружнических селений одержали победу над своими оппонентами. Уже в начале XX столетия в селениях Гуслицкого Раменья, а также в других местах Гуслиц, за исключением разве что Карповской волости, ни о иовцах, ни о иосифовцах, ничего не слышно.

В 1912 году в Мисцево какое-то время проживал уроженец этой деревни, старообрядческий окружнический епископ Одесский Кирилл. Формальным поводом к его приезду послужило посещение отца, которому к тому времени был уже 91 год. Но старик еще мог спокойно читать книги, причем не пользуясь очками. Но епископ-окружник намеревался и поддержать своих одноверцев, общество которых в Мисцеве находилось в крайнем упадке. Кирилл служил в местном окружническом храме, поскольку здесь не было в данное время своего священника¹⁰. Сам Кирилл изначально сам был неокружником, его рукополагал епископ Пафнутий 13 октября 1897 года, но в последствии, в 23 сентября 1906 года, он по политическим причинам «примирился» с Рогожской Архиепископией. С подачи Кирилла число неокружников в деревне на некоторое время немного возросло.

Про окружнические моленные этого времени известно следующее. В деревне было два здания. Первое было построено двумя братьями, уроженцами деревни, в начале 1890-х годов, на земле одного из них. Но вскоре хозяин уезжает из деревни и продал свою землю с моленной на ней находящейся, Новый окружнический храм был устроен уже с подачи епископа Кирилла, на земле уставщика И.П. Добринького¹¹.

10 июня 1913 года в Мисцеве скончался местный уроженец, купец Никита Ефимович Лукин, который, как упоминается в его некрологе, много положил трудов на постройку двух местных моленных, летней и зимней. Лукин, по крайней мере в последние годы своей жизни, был приверженцем епископа Даниила¹².

По рассказам мисцевских старожилов, в деревне было два престольных праздника, Рождество Богородицы и Вознесение Господне. Им и были посвящены стоявшие здесь в первой трети XX столетия два неокружнических молитвенных здания, летнее и зимнее. Но какому празднику была посвящена какая моленная, сейчас никто не помнит. В «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии» середины 1920-х годов, в Мисцеве фигурирует только одно молитвенное старообрядческое здание¹³. Но, видимо, власти зафиксировали только одну старообрядческую общину, не вдаваясь сколько молитвенных зданий у нее есть. Про существование в деревне, помимо летней и зимней общественных неокружнических моленных, какого-либо еще молитвенного здания, в коем можно было бы заподозрить окружническое или иювское и иосифовское в 1920–1930-х гг., никто из стариков Мисцева не может ничего сказать.

Однако следующее дело, которое мы приведем, снова вносит определенную путаницу. В 1938 году в Мисцево были закрыты две моленные. Постановление Мособлсиполкома за № 302, от 29 июня 1938 года, узаконило предыдущее постановление Куровского Райисполкома, и в виду того, что они полтора года «бездействовали и группы верующих при них распались». Здания передавали «под культурные цели»¹⁴. Здесь интересно, что упоминаются «группы верующих», а не одна группа. Хотя возможно, что в большой деревне могли существовать два прихода одного старообрядческого согласия. Старожилы деревни рассказывали, что летняя моленная в Мисцеве была закрыта и разрушена в 1934 году, а зимняя еще раньше. С вышеупомянутым документов это никак не вяжется. Также вступает с их словами в противоречие то, что в фонде уполномоченного Совета по делам культов, в сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях по Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, значится и моленная в Мисцево, в которой размещалась рудневская больница¹⁵. Ныне этой больницы и ее отделения в Мисцеве уже давно нет.

В конце 1930-х годов старообрядцы деревни Мисцево сильно пострадали от репрессий. На одном только Бутовском полигоне было расстреляно и погребено восемь человек: 1. Баринов Тарас Никитович,

уставщик при моленной, 1875 г.р., расстрелян 1 июля 1938 г.; 2. Бодунов Мартьян Петрович, начетчик при моленной, в миру работал ткачем на Мисцевской фабрике, 1892 г.р., расстрелян 17 февраля 1898 года; 3. Будкина Прасковья Кузминична, «участница старообрядческих молений», 1886 г.р., расстреляна 20 марта 1938 года; 4. Зинин Никифор Иванович, начетчик старообрядческой общины, 1893 г.р., расстрелян 8 декабря 1937 года; 5. Куров Семен Федорович, начетчик при моленной, в мирской жизни упаковщик титовской фабрики «Луч», 1886 г.р., расстрелян 5 февраля 1938 года; 6. Куров Антроп Никифорович, уставщик мисцевской моленной, также работник фабрики «Луч», 1885 г.р., расстрелян 31 января 1938 года; 7. Чучев Тимофей Илларионович, начетчик при моленной, 1885 г.р., расстрелян 29 июля 1938 года; 8. Чучев Михаил Поликарпович, уставщик мисцевской общины, возчик титовской фабрики «Луч», 1884 г.р., расстрелян 5 февраля 1938 года. Но принадлежность утих лиц к тому или иному старообрядческому согласию в сведениях о данных лицах отсутствует.

В деревне Мисцево, помимо белокрыницких старообрядцев (неокружников и окружников) проживали и небольшие группы лужкан и брачных поморцев. Первые были ориентированы на лужканскую общественную моленную в соседнем Петрушино. Относительно поморцев намного сложнее в виду того, что нынешние старожилы о них ничего не помнят. Но в начале XX столетия, в деле Московского Губернского Правления 1905–1912 годов мы видим в Мисцеве 48 представителей поморского согласия, у которых значится моленная¹⁶. Однако что она собой представляла и тем более какие-либо подробности о ее истории, узнать вряд ли когда-либо удастся.

1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 155.

2. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 276. Д. 1. Л. 1–13 об.

3. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 536. Л. 2 об. – 4; Оп. 13. Д. 451. Л. 10 об.

4. ЦИАМ, Ф. 203. Оп. 354. Д. 20. Л. 1–5.

5. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. №1. С. 20.

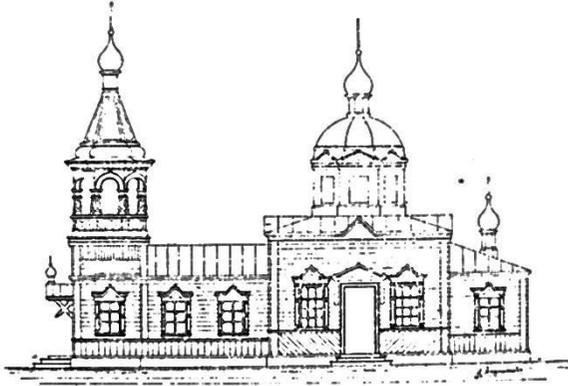
6. Московский листок, 1890. № 362. 30 дек.
7. Московский листок, 1890. № 103. 14 апр.
8. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 80. Д. 202. Л. 7-1.
9. Московский листок, 1899. № 10. 10 янв.
10. Церковь, 1912. № 26. С. 38.
11. Церковь, 1909. № 42. С. 634.
12. Старообрядческая мысль, 1913. № 6-7. С.634.
13. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76-76 об.
14. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1764. Л. 224.
15. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
16. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 3141. Л. 31 об.

ПЕТРУШИНО

(окружники, лужканы)

Не сохранились

Петрушино – одна из пограничных гуслицких деревень. Она расположена рядом с прежними границами соседнего Егорьевского уезда. От находившихся в аналогичном положении Заполиц, Мальково и Равенской, Петрушино отличалось тем, что в селениях соседнего уезда встречались старообрядцы, пусть не такие многочисленные, как в селениях Гуслицкого Раменья, но зато духовно родственные жителям деревни. Причем к началу XX столетия эти связи сохранялись у остатков поморцев и лужкан. Это хорошо доказывает, что эти согласия являли изначальное старообрядчество здесь, в этой части Гуслиц. Рогожское же согласие – явление в крае куда более позднее. Поэтому изначальная «конфессиональная» принадлежность моленной в Петрушино – вопрос очень интересный. Время построения в деревне первого здания неизвестно. В «Ведомости...» 1826 года она также упомянута существующей с давнего времени и устроенной без официального разрешения. Но это явно не первое здешнее молитвенное здание¹.

Храм д. Петрушино. Рис. из. Журн. «Церковь», 1911 г.

В «Ведомости о раскольниковских молитвенных зданиях находящихся в Московской губернии» 1853 года, в Петрушино мы также видим старообрядческое молитвенное здание². Также оно упомянуто и в 1860 году³. После этого мы надолго теряем моленную в этой деревне из поля зрения. В чисто старообрядческом селении, расположенном на краю уезда и губернии, никто не доносил властям о строительстве и ремонте моленных. Мы можем только догадываться о том, когда в Петрушине появилось белокрыницкое согласие.

Согласно сведениям газеты «Московский листок», старообрядческий приход при общественной моленной в Петрушино был основан в 1886 году новопоставленным неокружническим священником отцом Дометианом (крестьянином Дементием Анфимовым Гавриловым), прежним торговцем мануфактурным товаром⁴. В заметке сказано, что вначале он попытался покорить Москву и открыть приход в Первопрестольной, в 1883 году, на Золоторожской улице. Но там его интересы пересеклись с видами других попов, действия которых вынудили Дометиана отступить и вернуться назад в Гуслицы, где он стал поповствовать в деревне Селиванихе. Но там он не понравился прихожанам и Дометиану пришлось вернуться в родное Петрушино. Здесь, пользуясь поддержкой земляков, оказалось возможным открыть приход, отдельный от селивановского, к которому ранее Петрушино относилось⁵.

Храм в д. Петрушино. Из журн. «Церковь», 1911 г.

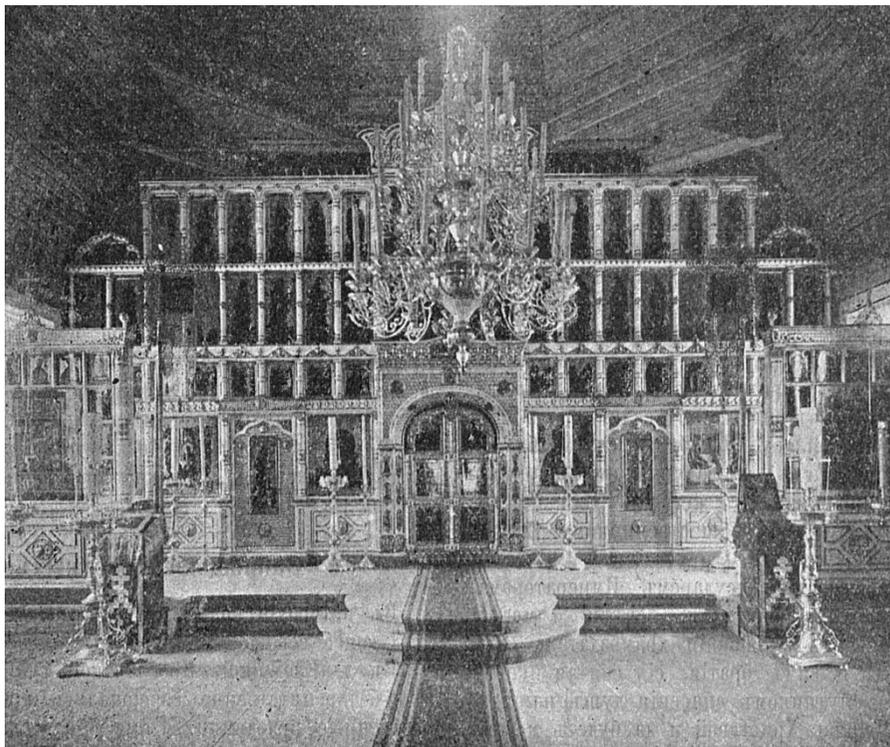
В марте-августе 1890 года Строительное Отделение Московского Губернского Правления рассматривало дело по прошению уполномоченных петрушинского старообрядческого общества Максима и Никифора Гавриловых с просьбой разрешить перенести иконы из пришедшей в ветхость прежней деревянной моленной в существующее в деревне другое деревянное одноэтажное строение, находящееся в прочном состоянии. Просители представили и требуемые в таких случаях чертежи. Освидетельствование здания поручили архитектору Егорову, после положительного вердикта которого разрешение было получено⁶.

В разбойничьем гуслицком крае грабежи были явлением весьма частым. В конце XIX века стали грабить и моленные. В начале июня 1890 года неизвестные воры залезли и в моленную в Петрушино. Они проникли в помещение путем взлома оконной рамы и похитили книг и вещей на 38 рублей⁷. Непонятно, залезли ли воры в старую моленную или же было ограблено новое здание.

В тот период происходит и смена основной частью петрушинцев белокрыницкого согласия согласия. Они вслед за деревенскими богатеями Гавриловыми принимают начало Рогожского кладбища, т.е. попадают в лагерь окружников. В то же время окружниками становятся и жители Селиванихи. Согласно информации из старообрядческого журнала «Церковь» за 1910 год, в то время в Петрушино уже не было своего прихода, как в 1880-х гг. Жители деревни снова относились к селивановскому⁸. Видимо с утратой неокружничества произошла и утрата самостоятельности. Но неокружники в деревне еще сохранялись, хотя и составляли, наряду с лужканами и поморцами, одно из религиозных меньшинств. У неокружников появилась и своя моленная, но она находилась при частном доме и про нее известно очень мало. В рапорте богородского уездного исправника Гранского мы видим в Петрушино две моленные. Одна из них просто указана существующей «с незапамятных времен». Вторая значится неокружнической, обслуживающей 750 человек прихожан и устроенной с официального разрешения в 1892 году⁹. Гранский явно здесь много напутал. Вряд ли в Петрушино в 1898 году могло быть столько неокружников, если конечно, он не использовал какие-то старые сведения, когда жители деревни еще не признавали Рогожку и враждовали с окружниками. Хотя не исключено, что в 1898 году все петрушинцы были еще неокружниками.

Согласно той же заметки в «Церкви», в 1910 году петрушинские окружники и неокружники подумывали о строительстве нового общего храма. Но, как это часто бывало с авторами пророгожских статей, желаемое выдавалось за действительное. Убежденные неокружники соединяться с рогожанами не собирались. В 1910 году петрушинские окружники обратились к московскому рогожскому архиепископу Иоанну, с просьбой дать им постоянного священника.

Также выбрали сборщика пожертвований на строительство нового храма, который ездил в Москву и Санкт-Петербург. Но ввиду ряда обстоятельств строительство было отложено на несколько лет¹⁰. Еще в 1909 году та же «Церковь» писала, что при петрушинской моленной был прекрасный хор певчих, известный далеко за пределами селения¹¹. В прошлом селение также славилось и своими переписчиками крюковых певческих книг.

Интерьер храма в д. Петрушино. Церковь: Журн., 1911. № 26

В начале XX века попечителем моленной в Петрушино состоял представитель местного мощного семейного клана, насчитывавшего более 100 человек – Гурий Иванович Гаврилов. Из Гавриловых вышли главные петрушинские фабриканты, на средства которых в первую очередь и строились и поддерживались молитвенные здания¹².

В 1911 году петрушинские старообрядцы решили на сходе вопрос о переносе моленной на новое, более удобное место. Для этого была отведена необходимая земля – 50 x 60 саженей. Было направлено обращение в Московское Губернское Правление, с целью узаконить выделение данного участка. В прошении старообрядцы также напоминали властям, что их моленная является разрешенной властями, а именно московским губернатором, в 1891 году. Храм был перенесен, на нем, также с разрешения властей, была поставлена глава¹³.

10 июля 1911 года в старом петрушинском храме-моленной состоялось архиерейское богослужение. Проживавший в соседнем Мисцеве епископ Кирилл Одесский отслужил здесь Литургию в сослужении священников: о. Василия Космачева из Петербурга, о. Андрея Лебедева из Селиванихи, о. Трифилия Емельянова из Устьяново, а также диакона Иоанна Хрусталева с Рогожского кладбища в Москве. Пел знаменитый местный хор под управлением попечителей моленной П. и Г. Гавриловых. После Литургии был совершен крестный ход на местную речку, где был устроен специальный плот для водосвятия. «В крестном ходе принимали участие старообрядцы других согласий, даже беспоповцы» - писал автор заметки в журнале «Церковь». Но это явно та же попытка выдать желаемое за действительное. Нахождение в толпе зевак и непосредственное участие – две большие разницы. На обратном пути было совершено окропление водой полей, домов и колодцев селения Петрушино¹⁴. Это было последнее подобное торжество в старой моленной. Вскоре было построено новое храмовое здание, а она разобрана.

Закладка нового храма в Петрушино состоялась воскресным днем ноября 1911 года. Ее совершили: селивановский священник Андрей Лебедев, еще окормлявший в то время Петрушино, О. Трифилий Емельянов из Устьяново и диакон Иоанн Хрусталева с Рогожки. Как видно почти тот же состав, что и ранее во время архиерейского служения. Храм строился по проекту известного старообрядческого архитектора того времени, Н.Г. Мартьянова на средства прихожан, прежде всего Гавриловых. Один из представителей семейства, Гурий Иванович Гаврилов, выступал попечителем строительства¹⁵.

Храм был построен довольно быстро. Уже 10 июля 1912 года состоялось торжественное поднятие на него крестов и колоколов. Оно было также совершено епископом Кириллом, все еще находившемся на своей родине в соседнем Мисцево. Ему сослужили селивановский священник Андрей Лебедев, о. Иулиан Батулин из Шувое и все тот же рогожский диакон Хрусталеv. Пели два хора: свой петрушинский и селивановский. Храм по традиции этой местности посвящался Рождеству Богородицы.

Торжество началось накануне. В четыре часа вечера был совершен молебен с водосвятием и здание нового храма было окроплено святой водой. По окончании молебна и окропления стен, из храма вышел крестный ход во главе с епископом и направился в соседнее Мисцево, где в это время находилась чудотворная Казанская Губинская икона Богородицы, которую ежегодно торжественно носили по гуслицким старообрядческим селениям. В Мисцеве святыня была торжественно встречена и сопровождена в Петрушино, где с крестным ходом ее внесли в храм. В 7 часов вечера началась вечерня, закончившаяся к 10 часам вечера. В два часа ночи началось всенощное бдение, продолжавшееся до 8 часов утра, после которого начали служить литургию. Сам чин поднятия крестов и колоколов начался в полдень и продолжался до двух часов дня. В торжестве приняли участие старообрядцы из соседних селений: Мисцево, Заполицы, Понарино, Селиваниха, Авсюнино, Богородское, Зворково и других. По окончании всех торжеств в доме главного строителя Г.И. Гаврилова для всех участников была предложена трапеза.

Основным строителем храма автор заметки о торжестве в журнале «Церковь» назвал Г.И. Гаврилова, при участии Торгового дома братьев Гавриловых и А.Ф. Гаврилова. Весь колокольный звон был пожертвован известной московской благотворительницей Федосьей Ермиловной Морозовой («Морозихой»), которая любила давать деньги в те гуслицкие общины на строительство храмов, где особо остро стоял вопрос противостояния неокружникам. Лес для строительства храма пожертвовал известный фарфоровый заводчик С.М. Кузнецов. Общая стоимость строительства показана в 25000 рублей¹⁶. Вскоре был освящен и сам храм.

В первые десятилетия советского периода петрушинские старообрядцы также пошли на официальную регистрацию и храм мы встречаем в «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии» середины 1920-х годов¹⁷. Нам не известно, существовало ли в это время молитвенное помещение последних петрушинских неокружников. Более о нем никаких сведений, даже из уст старожилов, не обнаружено.

Выше, в числе участников некоторых торжественных событий в Петрушино упоминается отец Трифилий Емельянов, бывший в 1910-1911 годах настоятелем храма в селении Устьяново. В 2003 году, пресс-секретарем Митрополии на Рогожском кладбище А.В. Знатным мне была предоставлена копия интересного документа, «Подписного листа добровольный ежемесячных взносов духовенства и мирян старообрядцев, приемлющих Белокриницкую Иерархию, на нужды Архиепископии по управлению Московской Епархии на время с 1 июня 1928 по 1 июня 1929 г.». В этом документе, в Петрушинском приходе, входившем в Гуслицкое благочиние, настоятелем значится о. Трифилий Емельянов. Но в каком году он был переведен в Петрушино, неизвестно.

Годом ранее петрушинское старообрядческое общество прошло очередную советскую перерегистрацию. Заявление на нее было подано еще в конце января 1927 года. Его подписал актив прихода, 30 человек. Интересно, но в составе совета общины, как член-попечитель, фигурирует и бывший фабрикант Гурий Иванович Гаврилов. Председателем же общины был избран Денис Иванович Пчелкин. В документах есть немного более подробной информации о священнике общины, отце Трифилии Лукиче Емельянове. В 1927 году ему было уже 54 года. По происхождению он был из крестьян-середняков. Рождествобогородицкий храм обслуживал только жителей одного Петрушино¹⁸.

До какого года в Петрушино священствовал и по какой причине оставил приход отец Трифилий нам не известно. Но в конце 1930-х годов на приходе был уже другой настоятель. Последним петрушинским священником был отец Димитрий Кирович Савалин, 1887 года рождения, расстрелянный на Бутовском полигоне 31 января 1938 года.

Священник перед арестом занимался не только исполнением своих прямых обязанностей. Он также работал ткачем на Мисцевской фабрике, что однако, его не спасло. Вместе с ним, в тот же день, расстреляли и петрушинского уставщика Амоса Трофимовича Богданова, 1879 года рождения.

Храм же фактически оставался действующим еще два года и был закрыт только в 1940-м. Его попытались сделать общежитием для «торфушек» - пришлых работниц торфоразработок. Однако такое поругание не состоялось и церковь вскоре сгорела.

В Петрушино проживало еще в начале XX столетия не менее десятка семейств старообрядцев-лужжан. У них в деревне была своя общественная моленная, являвшая собой отдельное здание, находившееся неподалеку от белокрыницкой моленной. Лужжанская моленная также была посвящена Рождеству Богородицы. О времени ее постройки, а также иные подробности истории, ничего не известно. Закрыли ее практически одновременно с белокрыницкой, в 1940 году. В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях по Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, в Петрушино значится одна моленная, в которой находилось зернохранилище¹⁹. Поскольку белокрыницкая моленная к тому времени уже сгорела, да и зернохранилища в ней никогда не было, здесь угадывается лужжанская моленная. После в ней находился свинарник. Разобрали ее здание довольно поздно – уже в 1980 году.

1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 154 об.

2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 536. Л. 2 об. – 3.

3. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 451. Л. 10 об.

4. Московский листок, 1886. № 79. 20 мар.

5. Московский листок, 1884. № 31. 1 фев.

6. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 147. Д. 21. Л. 1–5; Ф. 16. Оп. 81. Д. 71. Л. 1–11.

7. Московский листок, 1890. № 164. 14 июня.

8. Церковь, 1910. № 46. С. 1144.

9. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. № 1. С. 19.

10. Церковь, 1910. № 46. С. 1144.
11. Церковь, 1909. № 15. С. 510.
12. Церковь, 1909. 340. С. 1157.
13. ЦИАМ. ф. 54. Оп. 165. Д. 148. Л. 1–10.
14. Церковь, 1911. № 33. С. 802.
15. Церковь, 1911. № 52. С. 1359–1360.
16. Церковь, 1912. № 17. с. 780.
17. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76–76 об.
18. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 116. Л. 1–24.
19. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

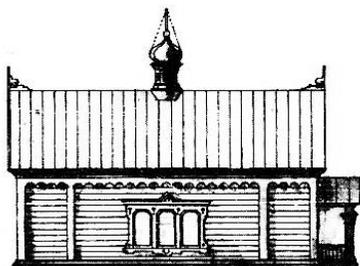
ПОНАРИНО

(неокружники)

Не сохранилась

В большой старообрядческой деревне Понарино общественная моленная существовала исстари. О времени построения здесь ее первого здания мы вряд ли когда-либо узнаем. В «Ведомости...» 1826 года понаринская моленная значится построенной с давнего времени и без официального разрешения¹. По рассказам местных жителей, местная моленная всегда была посвящена Рождеству Богородицы. Как и в случаях в другими соседними молитвенными зданиями, посвящение идет от древнего храма погоста Рудня.

Далее мы теряем понаринскую моленную на относительно долгий период. В документах 1850-х годов ее нет. В мае 1862 года она, наряду с еще пятью гуслицкими молитвенными старообрядческими зданиями, была опечатана судебным следователем Богородского уезда². Точная причина этого действия властей не указана, но следует полагать, что здесь речь идет о «противозаконном» построении и ремонте моленной. Возможно, что власти в 1862 году обнаружили неизвестное им молитвенное здание, поскольку в наряде о моленных 1860 года его нет³. Вскоре, как это почти всегда бывало, старообрядцы тайком построили новое молитвенное здание, но это ускользнуло от внимания властей и поэтому не попало на страницы архивных документов.

Моленная в Понарино,
западный и северный фасады.
ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 164. Д. 159. Л. 6

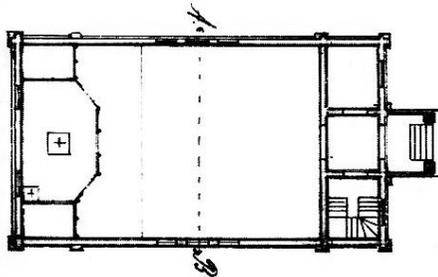
Далее мы видим понаринскую моленную только в 1890-х годах. В 1891 году на имя московского генерал-губернатора было подано прошение крестьян-старообрядцев деревни Понарино о разрешении построить вместо старой, пришедшей в ветхость моленной, нового молитвенного здания. О данном вопросе хлопотали уполномоченные понаринского общества, крестьяне Иван Антонов и Егор Сурков. При осмотре старого здания архитектором Московского Губернского Правления выяснилось, что оно действительно пришло в «совершенную ветхость» и было опасно для входящих в него. Новая мо-

ленная, как очень часто бывало в аналогичных случаях, к моменту рассмотрения дела, была построена. Архитектор также осмотрел его и пришел к выводу, что оно является довольно прочным. Выстроили его вроде бы для фабричных нужд, но в следствии «упадка промышленности» не было востребовано по прямому назначению. В нем одно время хранили сено. Архитектор никаких препятствий к обращению данной постройки в моленную не видел⁴. Интересно, но Московское Губернское Правление рассматривало вопрос о моленной в Понарино годом ранее⁵.

В рапорте богородского уездного исправника Гранского мы видим в деревне Понарино две старообрядческие моленные. Одна из них, существующая «с незапамятных времен» и обслуживающей 750 окружников. Вторая, неокружническая, указана устроенной в 1891 году⁶. Здесь мы можем сразу не согласиться с Гранским, поскольку точно известно, что никаких окружников, тем более в таком

значительном количестве, в Понарине, деревне чисто неокружнической, не было. В селении действительно в указанное время было две моленные, летняя и зимняя.

В 1910 году понаринские старообрядцы снова обратились в Московское Губернское Правление с просьбой разрешить им построить очередное молитвенное здание. Вернее, как и в прошлый раз, моленная была фактически построена и старообрядцы просто просили его узаконить. От имени местного «противоокружнического» общества (камень в огород Гранского) хлопотали уполномоченные, крестьяне Трофим Артемьев Фатеев и Варфоломей Агеев Агеев⁷.

План моленной в Понарино, 1910 г.
ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 164. Д. 159. Л. 6

Об истории моленной в Понарино в первой половине XX столетия информации также не очень много. Она была зарегистрирована в первое десятилетие советской власти, что подтверждается «Списком церквей и б.монастырей Московской губернии» 1926–1927 гг., где мы ее находим⁸. О времени ее закрытия точных данных мы не обнаружили, но старожилы утверждают, что это произошло уже в начале 1940-х гг, поскольку старожилы деревни утверждали, что в моленной молились «почти до самой войны». В моленной был алтарь, но своего священника не было, а приходил отец Иоанн из Титово. Поле него, раза два приезжал какой-то старенький священник, имени которого никто не помнит. Иконы после закрытия уесли разобрать по домам.

За два-три года до закрытия понаринской моленной, 20 марта 1938 года на Бутовском полигоне были расстреляны ее два активных представителя: староста моленной Степан Петрович Пуков, 1876 г.р. и Григорий Захарович Урываев, 1867 г.р.

В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях по Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года значится и понаринская моленная, в которой размещалось зерно-

хранилище⁹. Это подтверждают и старожилы. Но в том же 1945 году бывшая моленная была переоборудована под клуб, и там «крутили кино». Очень скоро моленную стали разбирать и к 1949 году от нее оставались лишь фрагменты.

Судя по рассказам понаринцев, в начале XX века моленная состояла из летней и зимней частей.

1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 155.
2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 496. Л. 23.
3. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 451. Л. 10 об.
4. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 81. Д. 71. Л. 12–13.
5. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 179. Д. 858, Л. 1–1 об.
6. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. № 31. С. 20.
7. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 159. Л. 1–2.
8. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76–76 об.
9. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

СЕЛИВАНИХА

(вначале – неокружники, затем – окружники)

Не сохранилась. Построен новый храм

В старообрядческой деревне Селиваниха также исстари существовала общественная старообрядческая моленная. Время построения ее первого здания неизвестно. В «Ведомости...» 1826 года она также фигурирует устроенной с давнего времени и без официального разрешения¹. Моленная, как и другие молитвенные здания этого уголка Гуслиц, была посвящена Рождеству Богородицы.

Далее молитвенное здание в этой деревне мы встречаем в «Ведомости о раскольнических молитвенных зданиях находящихся в Московской губернии» 1853 года². Также эту моленную мы видим и в очередном наряде о моленных 1860 года³. Было ли это то самое зда-

ние, что и в 1826 году, сказать сложно. Отсутствие других материалов о моленной говорит только о том, что оно просто не попадало в поле зрения властей.

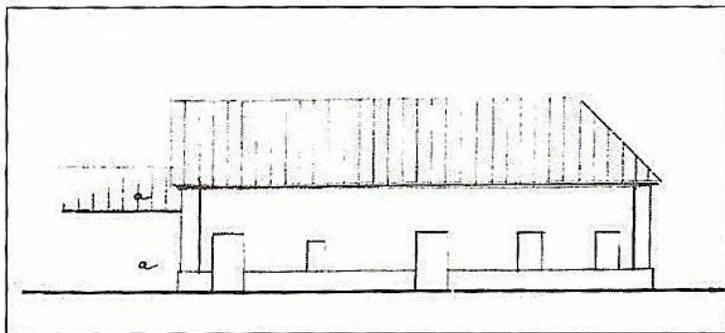
Моленная в Селиванихе, совр. фото

В 1870 году Строительное Отделение Московского Губернского Правления рассматривало дело об исправлениях на старообрядческой моленной в деревне Селиваниха⁴.

Когда Селиваниха стала центром прихода, в который входили соседние старообрядческие деревни, сказать сложно. В 1845 году житель Селиванихи Терентий Семенов фигурирует в деле о старообрядческом священнике и моленной в соседнем Авсюнино, причем о Семенова была найдена записка о вызове в деревню священника на Великий пост⁵. В 1883 году в Селиваниху, на местный старообрядческий приход, который к тому времени уже существовал, прибыл из Москвы уроженец Петрушино о. Дометиан Гаврилов. Но селивановцы не оказали ему своего благоволения, и Гаврилову пришлось уйти

в свою родную деревню, где им был создан новый приход, выделившийся из селивановского⁶.

В 1884 году, как писала газета «Московский листок», старообрядческий приход в Селиванихе был без священника «по причине разборчивости прихожан». Деревня в это время, после появления «Окружного послания» была еще неокружнической, но рогожане уже начинали ее обрабатывать. Московский архиепископ Савватий (окружнический) командировал сюда некоего попа Ивана, причем человека не гуслицкого происхождения. Но селивановцы его сразу же невзлюбили, плохо оплачивали требы и т.п. Батюшка не выдержал и через какое-то время отбыл из деревни, ничего не объяснив прихожанам. Только потом он прислал письменное объяснение, что в деревню эту он более не вернется⁷.

Моленная в д. Селиваниха, конец XIX в. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 152. Д. 25. Л. 54

В ночь на 16 декабря 1895 года старообрядческий храм-моленная в деревне Селиваниха сгорел в следствии неисправного содержания печи. Деревянное здание сгорело дотла, вместе с иконами и прочей утварью. Застраховано оно не было, убыток же только от гибели самого здания, не считая внутреннего убранства и имущества, составлял 1000 рублей⁸.

В 1898 году к властям обратился уполномоченный от общества крестьян-старообрядцев деревни Селиваниха, мещанин Иван Елисеев Евдокимов, с просьбой разрешить обратиться в моленную дом

мещанки Анастасии Елисейевой. Последняя приходилась ему родной сестрой. Власть светская сделала запрос в Московскую Духовную Консисторию, обычный для подобных дел, с целью выяснить, не имеет ли возражения против устройства нового старообрядческого храма это губернское ведомство господствующего исповедания. Именно дело из фонда последней сохранило информацию об обстоятельствах рассмотрения данного вопроса. Консистория поручила произвести осмотр предполагаемого под моленную здания благочинному села Карпова, священнику Розанову. Тот осмотрел будущую моленную 29 июля и составил соответствующий акт, из которого видно, что здание стояло на участке Елисейевой, стояло в 89 аршинах от дома последней. Фактически это была бывшая красильня, каменная, крытая железом. Внутри прежняя обстановка была сломана. Размеры сооружения были следующие: длина 68 аршин, ширина 13 $\frac{1}{4}$ аршина. С «правой стороны» здания было 11 окон, с «левой» – 7. С «передней» и «задней» сторон была по два окна. На момент осмотра все окна и двери были без косяков и колод. В то время, когда здание было красильней, оно внутри было разделено на пять отделений капитальными стенами, в каждой из которых была дверь. По словам Елисеева, какое-то время в бывшей красильне жили «жильцы» с семьями.

На тот момент общественного молитвенного здания в Селиванихе не было, поскольку прежняя моленная сгорела незадолго до этого. Православных господствующего исповедания в деревне проживало весьма мало – 1 мужчина. Старообрядческого населения: 474 мужчин и 488 женщин. Но Духовенство господствующей веры считало, что последние могут спокойно без сельской моленной обойтись. Но губернские власти решили вопрос об обращении в моленную прежней красильни положительно⁹.

Тем же годом, ноябрем месяцем, датирован и рапорт богородского уездного исправника Гранского, в котором селивановской моленной мы не видим. Возможно Гранский не успел новое, разрешенное молитвенное здание внести в свои списки. Но в списке, в соседней деревне Титово, значится целых три моленные, существующие с 1846, 1866 и 1889 годов, причем окружнические (!). Возможно, что как очень часто бывало, чиновник опять много напутал¹⁰.

В 1909 году старообрядческий журнал «Церковь» писал про Селиваниху, что здесь стоит прекрасный каменный храм во имя Рождества Богородицы. Священником здесь показан некий отец Андрей Лебедев, уроженец Владимирской губернии. Автор заметки писал, что за последние 12 лет в Селиванихе сменилось пять священников. Причиной такой текучести кадров служила тяга селивановцев к всевозможным кляузам¹¹. Здесь мы сразу вспоминаем и о Дометиана, и о. Ивана. Кляузничали и на отца Андрея. К сожалению имена других служивших здесь священников автор не указал.

По данным журнала «Старообрядческая мысль», в 1913 году, в Селиванихе было два храма – каменный летний и деревянный зимний¹². К сожалению, о времени построения второго мы не знаем.

В документах первых десятилетий советского периода мы также встречаем зарегистрированную старообрядческую церковь в Селиванихе. Она значится в «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии» 1826–1827 гг.¹³. В 1928–1929 гг., по сведениям полученным из «Подписного листа...», в Селивановском приходе, входившем в Гуслицкое благочиние, служил священник Мартиниан Гусев.

Когда была в Селиванихе закрыта летняя моленная, мы не знаем. О судьбе зимнего, каменного здания можно рассказать следующее. Решением Мособлисполкома за № 224 от 31 января 1941 года, было решено поддержать Куровской Райисполком и селивановскую моленную, «учитывая ходатайства населения» закрыть и передать под детские ясли¹⁴.

Согласно сведениям о старообрядческих недействующих молитвенных зданиях по Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, моленная в Селиванихе показана как не использующаяся¹⁵.

В документах фонда уполномоченного Совета по делам культов по Москве и Московской области за 1950 год, в деревне Селиваниха упоминается группа старообрядцев, которая собиралась на моления по большим праздникам. К ее членам приезжал настоятель храма в Устьяново о. Глеб Власов. Руководили селивановскими старовеерами уставщики Ф.Л. Панин, 1897 года рождения, и А.М. Панин, 1906 г.р., к тому моменту не такие уж и старые люди. По гражданской специальности оба были пожарными. Актив старообрядческого населения

Селиванихи, совместно с одноверцами из соседнего Авсюнино, сразу же после войны возбуждали ходатайства об открытии селивановской церкви, но оно было уполномоченным отклонено¹⁶.

По рассказам старожилов дальнейшая судьба здания моленной была следующая. Она стояла на «красной», т.е. на солнечной стороне улицы, на возвышенном месте. В послевоенные десятилетия она оказалась на скотном дворе совхоза и использовалась как одно из его помещений. Здание к тому моменту уже не имело главы, которая была установлена после 1906 года. В 1973 году его сломали и на освободившемся пространстве построили новый животноводческий комплекс совхоза «Титовский», чуть ли не всесоюзного значения. После постперестроечного развала местного сельского хозяйства не стало и этого комплекса и место храма ныне пустует. В.Д. Огурцов, у которого селивановские корни и который очень хорошо знает Гуслицы, считает, что здание моленной было превращено после закрытия в колхозный склад и окончательно разобрано в 1980-е годы¹⁷.

История старинного старообрядческого прихода в деревне Селиваниха продолжилась в наше время. К 2010 году, местный уроженец А.И. Сеноедов возглавил работу по приведению в порядок места, где ранее стояли обе моленные – летняя и зимняя. В 2001 году зимний храм уже был построен и в нем начались богослужения. В начале декабря старообрядческим митрополитом Корнилием были освящены фундаменты возрождаемого летнего храма. На данный момент (начало 2014 года) Селиваниха не имеет своего священника и окормляется настоятелем Шувойского прихода.

-
1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 155.
 2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 536. Л. 2 об – 3.
 3. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 451. Л. 10 об.
 4. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 127. Д. 797. Л. 1–4.
 5. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 480, Л. 1–2.
 6. Московский листок, 1886. № 79. 20 мар.
 7. Московский листок, 1884. № 152. 4 июня.
 8. Московский листок, 1896. № 8. 8 янв.
 9. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 540. Д. 22. Л. 1–12.

10. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. № 31. С. 19–20.
11. Церковь, 1909. № 41. с. 1183.
12. Старообрядческая мысль, 1913. № 2. С. 205.
13. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76–76 об.
14. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 2159. Л. 66–67.
15. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
16. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 23. Л. 9–10.
17. Огурцов В.Д. Дороги митрополита Фотия // Богородский край. Ногинск, 2001. № 1. С. 53.

ТИТОВО

(неокружники)

Не сохранились

В настоящее время Титово – это два населенных пункта, Старое Титово и Новое Титово. Последнее возникло позже в качестве выселок из прежней деревни Титово. Моленная, вернее два молитвенных здания, летнее и зимнее, существовали в прежней деревне, хотя находились на задворках, между нынешними Старым и Новым Титово.

Титово также истари было чисто старообрядческим селением и здесь существовала старообрядческая общественная моленная. В «Ведомости...» 1826 года мы видим титовскую моленную, которая, как и другие гуслицкие молитвенные здания, устроена с давнего времени и была устроена без разрешения¹.

Сто происходило далее с моленной, неизвестно, поскольку архивные сведения отсутствуют. В регулярно составлявшихся нарядах о старообрядческих молитвенных зданиях 1850-х гг., а также 1860 года, титовская моленная не фигурирует. Но уже в 1862 году мы узнаем, что в мае месяце это молитвенное здание было опечатано судебным следователем Богородского уезда. Но вскоре выяснилось, что печати на моленной нет, она даже не заперта². Подробностей не указано, но здесь легко предположить, что власти накануне обнаружили «незаконно» устроенную моленную и попытались поступить с ней по законам того

времени. Что было после самовольного снятия печатей, неизвестно. Далее моленная в Титово на два десятилетия снова уходит в тень.

В 1883 году Титово упоминается уже как центр крупного неокружнического прихода, на котором уже два десятка лет (получается, что как раз с начала 1860-х), священствовал поп Петр Родионов (Петр Титовский). Его характеризовали как характерного мужика. К 1880-м годам отец Петр пережил уже несколько архиереев и никому из них себя в обиду не давал. Его пытались запретить и Антоний 1-й, которого Петр объявил за окружничество еретиком, и Антоний 2-й (неокружнический). Но на сроптивного пастыря ничего не действовало. Он священнодействовал по-прежнему, собирая немалую жатву за требы с прихожан. Священник одно время совмещал поповство с предпринимательством: он основал на вырученные за требы деньги ткацкую фабрику, на которой работали прихожане, которые, по гуслицкому обыкновению, активно приворовывали, что приводило в бешенство батюшку³. Фабрика отца Петра просуществовала, однако, недолго.

Священник Петр Титовский, согласно данным периодики 1880-х годов, постоянно враждовал с другим известнейшим неокружническим священником Гуслиц, - отцом Кузьмой Алексеевым Сорокиным (Кузьмой Заволинским). Причина вражды заключалась далеко не в каких-то конфессиональных вопросах. Пастыри, границы соседних «владений» которых были неопределенными, сманивали друг у друга прихожан и воевали из за гуслицких деревень. Помирить этих священников пытался еще епископ Иосиф Керженский, он безуспешно⁴. В 1884 году в ходе борьбы с Кузьмой Заволинским, о. Петр вышел из юрисдикции епископа Иосифа, которого другие неокружнические епископы - Иов, Пафнутий и Кирилл, объявили низложенным. Петр стал поминать на богослужении двух последних и, пользуясь решением их собора, стал более активно переманивать начетчиков из деревень Заволинского прихода: самого Заволинья, Куровской, Смолева, нанося урон о. Кузьме, оставшемуся в то время верным Иосифу⁵.

В 1890 году титовские старообрядцы, последователи отца Петра, пользуясь тем, что он снова на какое-то время вернулся под начало Иосифа Керженского, попытались дать своему пастырю от ворот поворот. Однако с Петром так легко разобраться не получилось.

Искушенный во всевозможный интригах и закаленный в борьбе выиграл схватку со своим приходом и остался при поповской должности. Но много недовольных отошло от его моленной и создало в Титове пять новых, в которых богослужение правилось «мужицким» образом, т.е. без священника⁶.

В рапорте богородского уездного исправника Гранского, в деревне Титово мы видим целых три старообрядческие моленные, причем полицейский чиновник все их отнес к «окружническим», что вовсе не соответствует истине. Титово было селением преимущественно неокружническим, мало того, еще и центром одного из крупных приходов. У Гранского одна из моленных, устроенная в 1846 году, обслуживала 1400 человек, две другие указаны устроенными в 1866 и 1889 гг.⁷. Газета «Московский листок» так поясняет нам эту картину: в 1899 году в Титово было несколько приходов, в каждом из которых молились по-своему. Здесь один приход, весьма малочисленный, был окружническим, а три неокружническими: последователей Иосифа Керженского, епископа Иова и отделившегося от последнего епископа Даниила Богородского⁸. Ситуация в Титове была той же, что и в соседнем Мисцеве. Жители обеих деревень считались одними из наиболее рьяных из гусяков в «буквоедстве», что понятно приводило к дополнительным спорам и разделением.

Но уже в начале XX столетия споры в Титово уже несколько потухли и из старообрядческих согласий возобладало неокружничество даниловского толка (последователей епископа Даниила Богородского). Отец Петр, бывший уже в преклонных летах, жил еще в самом начале столетия. Затем его сменил отец Иоанн, фамилию которого и прочие подробности уже никто не помнит. Даниловцы не признавали официальной регистрации и подробности о них даже в этот период выяснить крайне сложно. Но старожилы помнят в Титове в первой трети XX века уже только две моленные – летнюю и зимнюю.

Из подробностей о жизни прихода в Титове нам известен и такой факт. В ночь на 14 июля 1912 года моленная была ограблена. Злоумышленник, взломав оконную форточку, забрался в молитвенное здание, откуда похитил старинное Евангелие, «книгу-обедницу», а также унес восковые свечи, общей стоимостью 145 рублей. Подобные

случаи происходили и с другими гуслицкими моленными. Но с титовской мы видим редкий случай, когда такое преступление было раскрыто, причем очень быстро. Жандарм, дежуривший при станции «Куровская», находясь не при исполнении, в районе деревни Коротково, задержал некоего Алексеева, при обыске у которого было найдено все похищенное⁹.

В «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии...» составленного приблизительно в середине 1920-х гг., в деревне Титово значится только одно молитвенное здание¹⁰. Но, видимо, чиновники зафиксировали просто официально зарегистрированную общину, не вдаваясь в подробности, сколько у нее зданий.

Обе титовские моленные, летнюю и зимнюю, закрыли одновременно. Мособлисполком своим постановлением за № 299 от 29 июня 1938 года, ввиду того, что оба молитвенных здания в Титово «бездействуют», а «группа верующих при них распалась», закрыл их и передал «под культурные цели»¹¹.

В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях по Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, в Титово значится только одна моленная, в которой находилось дорховское сельпо¹². По рассказам старожилов, оба молитвенных здания стояли до 1950-х гг. Когда прокладывали новую автодорогу из Дорхово и станции «Авсюнино» на Мисцево, прошедшую как раз между Старым и Новым Титово, моленные разрушили.

Согласно делу Московского Губернского Правления за 1905 – 1912 годы, в Титово проживало 42 поморца, у которых имелась своя моленная, но что она собой являла, не известно¹³.

1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 155.

2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 496. Л. 23.

3. Московский листок, 1883. № 301. 31 окт.; 1884. 3152. 4 июня.

4. Московский листок, 1882. № 77. 19 мар., 1886. № 191. 12 июля; № 137. 19 мая.

5. Московский листок, 1884. № 323. 22 нояб.

6. Московский листок, 1890. № 362. 30 декаб.
7. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск. 2001. № 31. С. 19-20.
8. Московский листок», 1899. № 10. 10 янв.
9. Старя Русь, 1912. № 13-14. С. 223.
10. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76-76 об.
11. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1764. Л. 217.
12. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
13. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 3141. Л. 31 об.

ДОРХОВО (ДОРОХОВО)

(неокружники)

Не сохранилась

В «Ведомости...» 1826 года никакого упоминания о моленной в деревне Дорхово нет. Однако это вовсе не означает, что ее не было на самом деле. Дорохово всегда было селением чисто старообрядческим и общественная моленная в нем была всегда, тем более, что соседние селения также были старообрядческими и вряд ли их небольшие моленные могли вмещать и жителей других деревень. Просто дорховская моленная по какой-то причине не попала в поле зрения чиновников. Хотя и не исключен и тот факт, что в момент составления документа моленной не было в силу случившегося накануне пожара или еще чего-нибудь.

В деле об авсюнинской моленной 1856 года упоминается, что ее прихожан в это время обслуживал старообрядческий священник, совершавший все требы и таинства, вплоть до исповеди и причащения, официально значившийся крестьянином деревни Дорхово, Митрофан Мокеев¹. По этому упоминанию мы видим, что в Дорхове не только существовала моленная, но в то время она была и центром прихода, к которому относились и соседние деревни. Вряд ли о. Митрофан был командирован для посвящения в сан обществом дру-

гой деревни, где было много и своих книжников. К том же центром прихода Дорхово было и позже.

В 1860-х годах о дорховской моленной мы узнаем уже не только из косвенных источников. В мае 1862 года она была опечатана судебным следователем Богородского уезда. Причиной опечатания моленной мог быть или «незаконный» ее ремонт, или же незаконное «построение». Возможно, что имело место именно последнее, так как в 1860 году в списке других моленных Богородского уезда она отсутствует. В том же месяце выяснилось, что печать на молитвенном здании отсутствует². В глухой старообрядческой местности, на краю уезда и губернии, местные жители пошли на самоуправство, не опасаясь особо кары со стороны властей. Похоже, что это сошло им с рук, поскольку никаких сведений о уничтожении моленной не найдено, а сама она упоминается и позже.

Через десять лет, в 1872 году, 25 июня, благочинный из Павлово Посада протоиерей Сергей Цветков доносил московскому митрополиту Иннокентию, что за три дня до этого им было получено сообщение от богородского уездного исправника о обнаруженных новых моленных в деревнях Дорхово и Заполицы. Дорховская моленная была сооружена в виде сарая позади дома крестьянина Родиона Матвеева³. В другом архивном деле посвященном этой моленной, также хранящемся в фонде Московской Духовной Консистории, говорится, что она сооружена местными старообрядцами взамен сгоревшей за четыре года до этого⁴.

В середине 1880-х годов, по сведениям корреспондентов газеты «Московский листок», Дорхово являлось центром одного из четырнадцать гуслицких старообрядческих приходов. Однако, как ни странно в это время при местной моленной не было постоянного священника и служба велась «мужицким» способом, т.е. только сельскими уставщиками⁵. Вскоре, по этой причине приходские функции дорховской моленной были потеряны и Дорхово оказалось в составе соседнего прихода с центром в деревне Титово.

После этого мы надолго теряем моленную в Дорхово из поля зрения.

Дорховская моленная упоминается в «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии...» составленном приблизительно в

1926 или 1927 гг. и хранящемся в фонде Исполкома Моссовета в Центральном Архиве Города Москвы⁶.

На памяти нынешних дорховских старожилов, молитвенное здание в их деревне было посвящено Иоанну Богослову. Откуда взялось это посвящение, никто сказать не может. Большинство моленных Гуслицкого Раменья посвящено, как и храм древнего погоста Рудня, Рождеству Богородицы. Вполне возможно, что в старину моленная в Дорхово также была Рождествобогородицкой, но затем, в силу каких-то причин она получила новое посвящение. В начале XX века в Дорхово уже не было своего священника. Деревню окормлял священник Иоанн из Титово. Престола в моленной не было.

Документов о закрытии моленной в Дорхово в архивах не обнаружено. Старожилы говорят, что ее закрыли в самом конце 1930-х годов. В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях в Подмосковье по состоянию на 1 июля 1945 года, моленная в деревне Дорхово Куровского района была занята зернохранилищем⁷. Совхозный склад был в здании до его разборки в 1970-х годах.

Согласно уже упоминавшемуся нами делу Московского Губернского Правления, в начале XX столетия в Дорхово проживало 18 представителей поморского согласия, имевших в деревне свою моленную⁸. Больше ничего о ней не известно. Однако, нынешние старожилы деревни еще помнят «каких-то беспоповцев».

-
1. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 232. Л. 1-2.
 2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 496. Л. 23.
 3. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 342. Д. 26. Л. 1-12.
 4. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 342. Д. 81. Л. 1-5.
 5. Московский листок, 1886. № 76. 17 мар.
 6. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76-76 об.
 7. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
 8. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 3141. Л. 31 об.

АВСЮНИНО

(неокружники, окружники, лужканы – ?)

Не сохранились

Авсюнино – крупная старообрядческая деревня, в которой истари существовали старообрядческие молитвенные здания. К началу XX столетия здесь проживали преимущественно неокружники-даниловцы, но часть их общества, вслед за местными фабрикантами Миловановыми, ушла к рогожанам. В селении также проживали и немногочисленные лужканы, которые по всей видимости ранее здесь представляли собой более значительное общество. В последний период в Авсюнино было не менее четырех молитвенных зданий старообрядцев (не считая единоверческую церковь), которые фактически возникли в разное время при конфессиональном дроблении авсюнинского старообрядческого общества. Они принадлежали неокружникам, окружникам (моленная при фабрике Милованова) и, возможно, лужканам. Рассмотреть их историю в отдельности крайне сложно. В связи с этим мы даем общий очерк истории моленных в Авсюнино.

«Ведомости...» 1826 года авсюнинскую моленную также упоминают устроенной с давнего времени и без официального разрешения¹. Было ли в деревне в это время одно молитвенное здание, или же их могло быть и более, но нам это неизвестно.

Канцелярия московского гражданского губернатора в 1840 году рассматривала дело об устройении в Авсюнино новой моленной. Ее здание было построено взамен прежнего, ставшего жертвой пожара. Закончилось дело тем, что «незаконная» моленная была опечатана².

В 1845–1847 гг. та же канцелярия московского губернатора рассматривала дело об будто бы убитом «раскольническом» беглом попе и об обнаруженной в Авсюнино моленной. Согласно рапорту богородского уездного исправника Вяземского от 12 июля 1845 года, он получил донесение от пристава 1-го стана, что по слухам, в Гуслицкой волости, в деревне Селиваниха у крестьянина Терентия Семенова, а также в деревне Авсюнино у крестьян Кира Андреева и Ефима Агеева, проживает «раскольнический поп», В следствии произведенного 6 июля обыска, у Семенова была найдена записка следующего

содержания: «Милостивый Государь, Батюшка, Георгий имярек, во первых желаю вам души спасти, при сем всепокорнейше вас просим пожалуйте к нам на пост великий, за тем и остаюсь доброжелатель ваш Алексей Никитин, кланяюсь 1844 февраля 6 дня». На обороте была надпись: «читал сию вашу записку, но во исполнении просьбу Вашу привести без резона не могу. Известный Вам С.Г. сего года 13 дня февраля». У крестьянина же Агеева был обнаружен целый «ре-е-стр» свадеб, крестин и панихид.

7 августа того же 1845 года, рапортом Вяземский сообщал следующее. Ему донес пристав 1-го стана Любимов, что казаки 3-й Оренбургской сотни – Запивалов и Лучевников – находившиеся в деревне Авсюнино, узнали, что в доме крестьянина Ивана Львова исправляет требы беглый старообрядческий священник. Они немедленно явились к Львову, намереваясь поймать его, но были избиты авсюнинскими крестьянами Иваном Козминым, его сыном Андреем, Кириллом Андреевым, Антипом Алексеевым. Сам же священник успел скрыться. Узнав об избииении казаков, пристав Любимов прибыл в Авсюнино и у Ивана Козмина, в доме, обнаружил разные богослужебные принадлежности и вещи. При более тщательном изыскании, в Авсюнино ему удалось обнаружить и моленную, стоявшую позади двора крестьянина Ермила Козмина, о которой сразу же была составлена особая опись. Моленная была устроена из светлицы, в которой прежде производились фабричные работы, вместо сгоревшей за несколько лет до этого. В новое молитвенное помещение были внесены все вещи и иконы, которые удалось спасти во время пожара.

Моленная сразу же была запечатана, а после, по указу министра Внутренних Дел, до которого дошло разбирательство, как «противозаконно» устроенная, была разобрана. Ее материал был передан владельцу, а иконы и прочая утварь – в Московскую Духовную Консисторию³.

Здесь интересен тот момент, что и моленная закрытая властями в 1840 году, и моленная о которой мы рассказали позже, были устроены после пожара, уничтожившую прежнее молитвенное здание. Причем авторы документов дела 1845 года не упоминают, что моленная Ермила Козмина устроена взамен запечатанной в 1840 году. Получается, что обе моленные возникли и какое-то время существо-

вали параллельно. Возможно, что они обе являлись преемницами одной сгоревшей, возможно – моленными двух старообрядческих обществ, которые сгорели в огне деревенского пожара.

В ведомости канцелярии московского губернатора за 1851 год авсюнинская моленная есть, но ее мы не видим в аналогичных документах за другие годы⁴. В 1856 году власти вдруг обнаружили, что в Авсюнино существует «незаконная», т.е. явно не та, что значится в списке 1851 года, моленная, которая находилась при доме крестьянина Симеона Тимофеева. Во время обыска в ней нашли 15 книг. Моления здесь проводил крестьянин соседней деревни Дорхово Митрофан Мокеев, который совершал крещения, венчания, исповедовал, причащал, т.е. был священником. Помимо того в результате расследования выяснилось, что весной того же года авсюнинцы собирались на общественную молитву в сенном сарае крестьянина Лариона Никитина, в котором, правда, при обыске не было найдено ничего существенного⁵.

В мае 1862 года была опечатана моленная в Авсюнино, опечатана судебным следователем Богородского уезда⁶. Вскоре правда выяснилось, что здание просто заперто и никакой печати на его двери нет.

Здесь складывается впечатление, что речь идет о том, что в Авсюнино того времени существовали разные старообрядческие общественные моленные. Были ли они одного толка, или же здесь мы видим рогожскую и лужканскую моленные, сведений нет. Чиновников не особо волновало, какого именно старообрядческого согласия прихожане «незаконной» моленной. Для них они были просто «раскольниками» и нарушителями законодательства. Однако вскоре законодательство стало меняться в пользу старообрядцев.

25 июля 1885 года в Строительное Отделение Московского Губернского Правления авсюнинские старообрядцы обратились через своего уполномоченного, крестьянина Николая Павлова Милованова, с просьбой дать им разрешение на строительство нового молитвенного дома. К прошению были приложены чертежи в двух экземплярах. Правильнее сказать, здесь речь шла не столько о строительстве, сколько о переоборудовании под моленную существующего сарая. 7 августа, после рассмотрения чертежей, разрешение на просимые работы

было получено. Просимый сарай разрешили приспособить под молитвенное помещение, также прорубив в его стенах пять окон и пристроив крыльцо⁷. Информацию из фонда Губернского Правления несколько дополняет более позднее дело о ремонте авсюинской моленной 1897 года, к которому мы вернемся и чуть позже. Оказывается, в 1885 году старообрядцы просили или перестроить их пришедшую в ветхость моленную, или же перенести ее в другое здание⁸. Скорее всего, уже в ходе рассмотрения вопроса, было решено устроить моленную в новой постройке, коей оказался сарай.

В 1892 году Милованов, бывший в то время уже не крестьянином, а богородским мещанином, снова ходатайствовал о моленной, на этот раз о ремонте, заключавшемся в покраске крыши⁹.

В 1897 году, в ноябре месяце, тот же уполномоченный от общества Николай Павлов Милованов, снова подал прошение, попросив на этот раз разрешить ремонт моленной: заменить старую крышу и обшить тесом внешние стены. В начале февраля следующего 1898 года в Авсюнино, для осмотра моленной, был командирован архитектор Какорин. Молитвенное здание имело алтарь и престол, находилась при доме крестьянина Сорокина. В ходе рассмотрения дела был сделан и запрос в Московскую Духовную Консисторию, не имеет ли это важное духовное учреждение чего-либо против авсюинской старообрядческой моленной. Консистория конечно же была против и рекомендовала, в виду наличия в моленной престола, ее закрыть. Но данный довод на власть светскую не подействовал и работы были разрешены¹⁰.

В 1887 году деревню Авсюнино постигло страшное несчастье: 7 сентября это большое селение выгорело более чем на три четверти. Слава Богу, обошлось без погибших. Мы не знаем о судьбе авсюинских моленных в это время. Одна из них, о которой в 1885 году хлопотал Милованов, однозначно уцелела, поскольку находилась в непострадавшей части деревни и чуть выше мы говорили о ней. Но она в Авсюнино явно была не одна и о судьбе других молитвенных зданий мы ничего не знаем. О пожаре в Авсюнино написал заметку в «Русские ведомости» знаменитый отечественный журналист Владимир Гиляровский. Он дал весьма подробные и шокирующие описания последствий пожара и как деревня выглядела после него¹¹.

В рапорте богородского уездного исправника Гранского в деревне Авсюнино мы видим две старообрядческие моленные. Одна из них обозначенная существующей «с незапамятных времен» и обслуживающей 540 неокружников. Вторая, устроенная в 1885 году, окормляла 500 окружников¹². Окружники в Авсюнине уже в то время были, но вряд ли их было так много. Моленная окружников существовала при фабрике Миловановых.

Относительно того, что неокружническая моленная в Авсюнино, которую упоминает Гранский, стояла до пожара 1887 года, можно легко усомниться. Старообрядцы явно старались «удревнить» свое молитвенное здание, чтобы показать его законное существование. Так же и «с незапамятных времен» было показателем исторической памяти о том, сколько вообще существуют в деревне молитвенные старообрядческие здания. Скорее всего неокружническая моленная, а также возможно и лужканская, сгорели в 1887 году и были построены заново после пожара.

О моленных в Авсюнино в начале XX столетия мы почти ничего не знаем. Известно только, что их была однозначно не одна. Однако, в «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии», составленном приблизительно в 1926–1927 гг., в Авсюнино значится только одна старообрядческая моленная¹³. Это особо ни о чем не говорит, поскольку большая часть моленных в это время не была зарегистрирована и не попала в этот список.

Одну из моленных в Авсюнино, располагавшуюся на территории прежней фабрики Милованова, к тому времени конечно же национализированной, закрыли в конце 1929 года. Власти выдвинули в качестве причины закрытия то, что моленная крайне опасна для фабричных построек в пожарном отношении. Верующим было предложено обращаться для моления в другие молитвенные здания, которые находились в двух-трех километрах, т.е. в соседних населенных пунктах. Члены общины пытались отстоять моленную, направляя письма во ВЦИК на имя М.И. Калинина, но это не помогло¹⁴. Поскольку здесь речь идет о прежнем фабричном молитвенном здании, то мы имеем дело с окружнической моленной, построенной в 1885 году.

Старожилы нынешней деревни Авсюнино с трудом вспоминают местные старообрядческие молитвенные здания, которые существовали здесь в начале XX столетия. Во время расспросов в начале 2000-х годов мне рассказывали лишь об одной моленной, два человека с трудом вспомнили еще одну, которая вроде бы была какая-то другая, т.е. другого согласия. Однако, существование здесь, помимо миловановской моленной других молитвенных зданий подтверждается архивным материалом. Президиум Мособлисполкома своим Постановлением за № 616 от 2 сентября 1938 года, используя стандартные формулировки о том, что моленные «бездействуют» и группы верующих при них «распались», закрыл целых три моленные в Авсюнино. Куровскому Райисполкому было предложено использовать их «под культурные цели»¹⁵. К каким согласиям эти три молитвенные здания принадлежали, сказать сложно. Явно здесь мы видим и неокружнические-даниловские молитвенные дома, возможно, что здесь жили и представители другого неокружнического толка.

О дальнейшей судьбе всех четырех (включая и закрытой в 1929 году фабричной) никто рассказать не смог. В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях по Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, в Авсюнино не фигурирует ни одна моленная¹⁶.

В 1950 году, в документах уполномоченного Совета по делам культов по Москве и Московской области есть информация, что в Авсюнино существует незарегистрированная группа старообрядцев белокрыницкого согласия. Была ли она окружнической или неокружнической, не указано. Группой руководил уставщик И.Е. Иванов, 1888 г.р., «из служащих», «без определенных занятий», проживавший в то время в Москве. Авсюнинцы, вместе с старообрядцами соседней Селиванихи, после войны возбуждали ходатайство об открытии в Селиванихе старообрядческой церкви¹⁷.

1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 155.

2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1580. Л. 1.

3. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 480. Л. 1-29.

4. ЦИАМ. Ф. 1? Оп. 13. Д. 48. Л. 31 об – 32.
5. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 232. Л. 1-19.
6. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 436. Л. 23.
7. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 142. Д. 44. Л. 1-6.
8. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 98. Д. 671. Л. 12.
9. Там же. Л. 12 об.
10. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. д. 671. лл. 1-14; Ф. 54. Оп. 152. д. 25. л. 13.
11. Гиляровский Вл. С гуслицкого пожара // Русские ведомости, 1887. № 250. 11 сент.
12. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. № 1. С. 20.
13. ЦАГМ. Ф 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76–76 об.
14. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 6. Д. 452. Л. 186, 208.
15. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1778. Л. 8.
16. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
17. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 23. Л. 10.

ЗАПОЛИЦЫ

(окружники, неокружники)

Не сохранились две моленные, одна сохранилась
и используется под клуб

Заполицы, а также две другие деревни, о которых мы расскажем далее – Мальково и Равенская – составляли восточную границу как гуслицкого Раменья, так и Гуслиц вообще. Далее уже начинались селения Егорьевского уезда рязанской губернии, в которых также было немало старообрядцев. Те также были тесно связаны с гусяками.

В Заполицах исстари существовали общественные старообрядческие моленные, посвященные Рождеству Богородицы. В селении исстари почитался и Михаил Архангел, о чем мы выше уже рассказывали. В «Ведомости...» 1826 года мы видим и заполицкую моленную, также устроенную с давнего времени и без официального дозволения¹. Эта моленная также фигурирует и в составлявшихся регулярно канцелярией московского гражданского губернатора наряда о старообрядческих молитвенных зданиях 1850–1860 гг.².

Следующий раз моленную в Заполицах мы встречаем только в деле Московской Духовной Консистории 1872–1873 гг., когда рассматривался вопрос о незаконным устройстве новых моленных в Заполицах и Дорхово. Однако, судя по материалам дела, заполицкое молитвенное здание, фигурирующее в деле, существовало до этого и на нем были просто произведены ремонтные работы. Последние заключались в поновлении крыльца и «углов», т.е. здание было в основном крепким³.

О ранней конфессиональной принадлежности старообрядцев Заполиц по согласиям мы пока знаем очень мало. Вероятно вначале общество было беспоповским поморским, затем, уже к XIX столетию, оно приняло начало Рогожского кладбища в Москве, т.е. уже стало поповским. Но после 1864 года, когда появилось «Окружное послание», жители Заполиц, как и другие старообрядцы деревень Раме-нья, оказались в стане неокружников, что длилось однако недолго.

В рапорте богородского уездного исправника Гранского в Заполицах значится только одна моленная, существующая «с незапамятных времен» и обслуживающая 320 местных старообрядцев, уже ставших к тому моменту окружниками⁴. Но в деревне, во-первых, было больше жителей, во-вторых, было больше молитвенных зданий.

Далее, мы снова теряем моленную из поля зрения. В архивных документах она не светится, но о начале XX столетия можно еще получить информацию у старожилов. Последние помнят две моленные – летнюю и зимнюю. Рассказывают, что в деревне была «еще какая-то», в которой угадывается неокружническая, обслуживавшая тех, кто не пошел на «воссоединение» с Рогожкой.

В «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии», середины 1920-х гг., мы видим и одну моленную в Заполицах⁵. Однако в 1940 году своим Решением за № 1043/10 от 27 июня закрыл три молитвенных здания в этой деревне, о которых помнят старожилы. Причиной закрытия указано и «бездействие» моленных, и ходатайства о их закрытии местного населения. Здания предполагалось использовать под «культурные» и хозяйственные цели⁶.

В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях на территории Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, в Заполицах ни одно молитвенное здание не упоминается.

Однако, по словам старожилов, они еще стояли. Затем две моленные, включая и неокружническую, были разобраны. Здание же последней, пристроенное к современному клубу, сохраняется до сих пор.

1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 154 об.
2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 451. Л. 10 об.; Оп. 98. Д. 536. Л. 2 об. – 3.
3. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 342. Д. 26. Л. 1–12.
4. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. № 1. С. 19.
5. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76–76 об.
6. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 20. Л. 237, 245.

МАЛЬКОВО

(окружники)

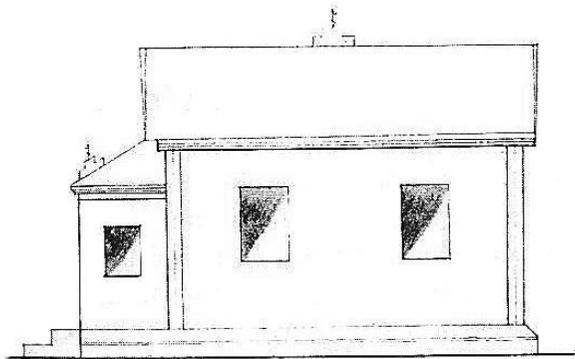
Не сохранилась

Селение Мальково также находилось на границе гуслицкого и старообрядческого мира. Деревня была чисто старообрядческой и в ней существовала с раннего времени общественная моленная. Время постройки ее первого здания выяснить вряд ли удастся. В «Ведомости...» 1826 года моленная фигурирует как существующая с давнего времени и устроенная без официального разрешения¹. Она также была посвящена Рождеству Богородицы.

Моленная в деревне Мальково фигурирует и в «Ведомости о раскольнических молитвенных зданиях находящихся в Московской губернии» 1853 года, хранящейся в фонде канцелярии московского гражданского губернатора².

Та же канцелярия в 1856–1859 гг. рассматривала дело о «самовольном» ремонте старообрядцами их общественной моленной в Мальково. 30 мая жители деревни просто покрыли на моленной крышу новым тесом и окрасили ее, дабы поновление не бросалось в глаза чужакам, «дегтярной водой». Было составлено и описание моленной, благодаря

которому мы знаем как она выглядела. Это было деревянное строение, длиной 12 аршин и шириной 10 аршин, «о двадцати венцах». С правой стороны моленная имела два окна, с левой – одно. На окнах были поставлены железные решетки. На передней стене внутри самой моленной были две иконы: Богородицы и Иоанна Богослова. Помимо них в моленной был найден крест. Остальное, по всей видимости, ожидавшие обыска старообрядцы успели вовремя спрятать.

Моленная в д. Мальково. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 160. Д 1. Л. 29

В августе того же года, по личному распоряжению московского генерал-губернатора Арсения Андреевича Закревского, моленную в Мальково запечатали. В таком виде она простояла до конца 1858 года, когда было предложено ее уничтожить, а оставшиеся после ломки материалы продать с публичных торгов. В результате было выручено 12 рублей серебром³.

Дальнейшая судьба молитвенного старообрядческого здания в Мальково неизвестна. Однозначно его вскоре тайком устроили вновь, но более тщательно прятали от властей. В рапорте богородского уездного исправника Гранского она указана, как существующая «с незапамятных времен» и обслуживающая 300 человек местных старообрядцев, также ставших к тому времени окружниками⁴. Дело в том, что практически все старообрядцы этого уголка Гуслиц, приемлющие священство белокриницкой иерархии, после появления «Окружного послания», оказались в стане его против-

ников. Но, начиная с 1880-х годов, под воздействием окружнических фабрикантов Рогожского кладбища и их финансовых вливаний, жители ряда деревень, включая и Мальково, перешли в окружничество.

В 1906 году отношение к старообрядцам на государственном уровне в России изменилось. Этим воспользовались и мальковцы, которые через своего уполномоченного, Герасима Климова Смирнова, обратились в Московское Губернское Правление, с просьбой дать им разрешение на капитальный ремонт пришедшего в ветхость их молитвенного дома. Власти препятствий не видели и ремонт был разрешен⁵.

Если до 1917 года, даже после появления такой возможности, жители Мальково не пошли на регистрацию общины, то в советское время они на такой шаг все же пошли. В 1927 году молитвенное здание в Мальково было, в очередной раз перерегистрировано. Об этом сохранилось дело в Центральном Архиве Города Москвы. Община в это время пользовалась двумя молитвенными зданиями: старой сельской деревянной моленной и бывшим каменным единоверческим храмом. Последний стал старообрядческим сразу после 1917 года. Причина и обстоятельства этого неизвестны. Церковные краеведы по новой вере утверждают, что единоверческий священник был убит, а храм старообрядцы захватили силой. Но из каких источников данная информация, никто из них сказать не может. Скорее всего, единоверие, потерявшее государственную поддержку, в Малькове сошло на нет. Прекратился источник финансирования извне, а маленькая общинка не смогла содержать храм и уступила его старообрядцам, явно за деньги. Потомки мальковских единоверцев уже давно считают себя обычными «православными» и ходят в храм на Рудне.

В 1927 году при мальковских моленных, являвшихся собственностью одного прихода, своего священника не было. Богомолениями руководил уставщик Никифор Иванович Смирнов, 72 лет. По праздникам из соседнего Богородского приходил священник Иоанн Трофимов⁶. Интересно, но в «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии», составленном приблизительно в те же годы, в

Мальково фигурирует только одна моленная⁷. Возможно, власти отразили в документе только существование зарегистрированной общины, а не количество молитвенных зданий.

В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях находящихся на территории Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, в Мальково значится только одна моленная. Но идет здесь речь о бывшем единоверческом храме, или о старой деревянной моленной, непонятно. В то время еще существовали оба здания. Впоследствии деревянная моленная была разобрана. Храм же стоит до сих пор. Более подробно о нем см. материал о единоверии.

-
1. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 155 об.
 2. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 536. Л. 1 об. – 2.
 3. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 320. Л. 1–41; ф. 16. Оп. 110. Д. 1101. Л. 1–12 об.
 4. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. № 1. С.19.
 5. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 160. Д. 1. Л. 28–29, 33.
 6. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 125. Л. 1–25 об.
 7. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76–76 об.

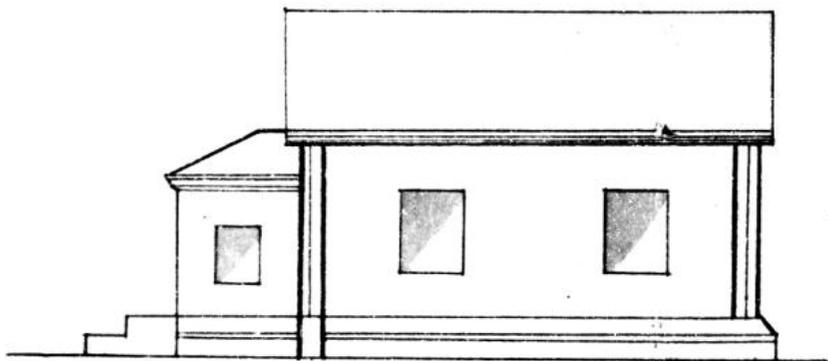
РАВЕНСКАЯ

(окружники)

Сохранилась в перестроенном виде в другом населенном пункте

Равенская – самая дальняя деревня Гуслицкого Раменья, расположенная также и на границе всего Гуслицкого края. Она также находится вблизи селений Ильинской волости – Шувое, Нареево и Гридино, с которыми также связана исторически. В начале XX столетия Равенская входила в состав Шувойского старообрядческого прихода. Деревня находилась на отшибе и имела весьма негативную репутацию. Про Равенскую говорили, что в ней «через двор – вор, через два – колдунья».

В «Ведомости...» 1826 года о моленной в Равенской никакой информации нет, что вовсе не означает, что ее здесь вовсе не было. В глухой затерянной среди лесов и болот деревне молитвенное здание легко было скрывать от властей. Моленной нет и в документах 1850-1860-х гг. Однако, как мы увидим чуть позже, когда о моленной уже начинают упоминать в документах духовных и светских властей. Она значится существующей «с незапамятных времен».

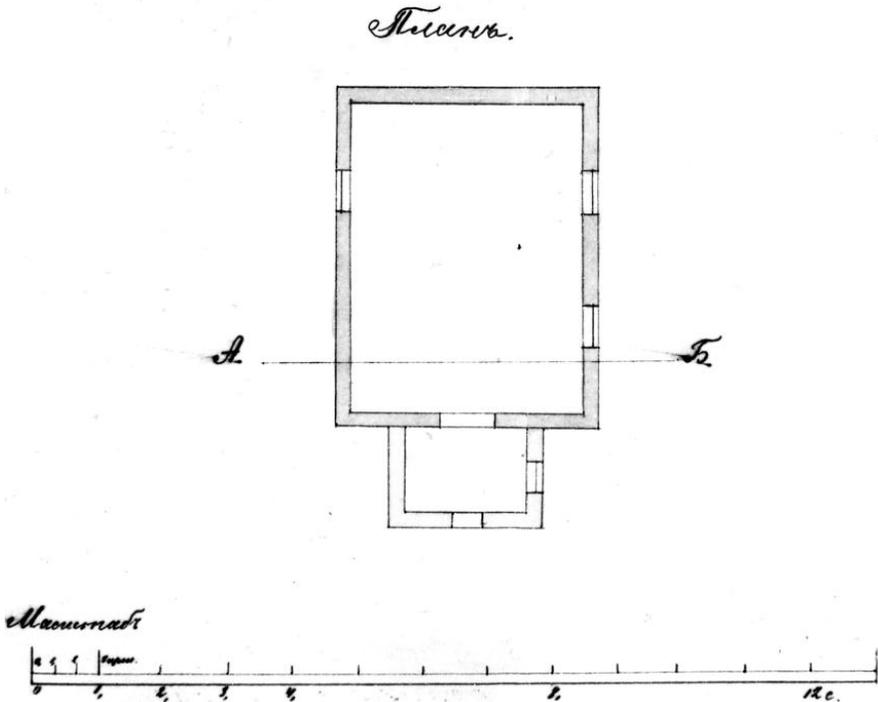
Моленная д. Равенская. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 159. Д. 42. Л. 37

Впервые власти «обнаружили» моленную в Равенской только в 1874 году. Это было новое здание, поставленное на усадьбе крестьянина Дементия Елисеева осенью 1873 года. 13 мая 1874 года пристав 1-го стана Богородского уезда произвел осмотр моленной. Она представляла собой новое деревянное здание (сруб, как выяснилось, был поставлен именно в 1873 году, а не ранее, как это было в других случаях), шириной 8 аршин, и длиной 9 аршин. Верх здания был крыт соломой. Здание имело одну дверь и три окна. На двери был висячий замок. Внутри, на стене напротив двери, было несколько икон и крест. Перед стеной стоял столик с лампадой и «другими принадлежностями». Алтаря моленная не имела. 24 июня моленную осмотрел и местный благочинный господствующей веры протоиерей Сергей Цветков. По сведениям представителей духовных и светских

властей, до этого моленной в Равенской не было и старообрядцы молились только по домам. Но мы позволим себе усомниться в этом. Общественные моленные соседних деревень находились относительно далеко и добираться до них не всегда было удобно.

Дело закончилось тем, что моленная была опечатана как «незаконно устроенная», а ее имущество было направлено в Московскую Духовную Консисторию¹.

В рапорте богородского уездного исправника Гранского 1898 года значится и существующая «с незапамятных времен» моленная в Равенской, обслуживающая уже перешедших в стан окружников 440 местных старообрядцев².

План моленной в д. Равенская. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 159. Д. 42. Л. 37

Следующий раз равенскую моленную мы встречаем уже в начале XX столетия. В 1905 году к властям обратился уполномоченный от старообрядческого общества деревни Равенская, крестьянин Василий Петров Поляков с ходатайством о разрешении строительства в указанной деревне нового молитвенного дома. Согласно сведениям Консистории, в Равенской проживало старообрядческого населения 215 мужчин и 237 женщин. Кроме того в селении жили православные числом 178 мужчин и 188 женщин. Последние появились в результате активной миссионерской работы Братства Петра Митрополита второй половины XIX века. Разрешение на сооружение моленной было получено, поскольку даже причт местной Рудневской церкви не был против³.

Параллельно также рассматривался проект утверждения этого нового молитвенного здания в Строительном Отделении Московского Губернского Правления. Проект был утвержден и к декабрю 1905 года моленная была выстроена⁴.

В начале XX столетия старообрядцы деревни Равенская вошли в приход зарегистрированной в соседнем Шувое старообрядческой общины. После 1917 года жители деревни были зарегистрированы уже как самостоятельная группа верующих. Упоминание о моленной мы находим в «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии»⁵. По рассказам старожила деревни, Ивана Федоровича Медведева, 1921 г.р., в начале XX века в Равенской, в моленной уже был престол. Посвящена она, как и другие моленные Раменья, была Рождеству Богородицы. Служили в ней, в разное время, о. Ераст (равенской священник) и о. Кузьма (не местный, приходил со стороны Мисцева и Петрушино). При моленной были уставщики: Александр, Захар, Максимов, Илья Зотович. Моленную закрыли «перед войной». Ее здание сразу же разобрали и использовали материал для строительства школы в той же Равенской. В 1970-х гг. Равенскую школу упразднили, а ее материал использовали для строительства нового школьного здания в деревне Заволенье. Иконы из равенской моленной, которые удалось спасти после ее закрытия, во второй половине 1940-х гг. жители деревни передали в возрожденную нареевскую моленную, прихожанами которой они теперь стали.

С рассказом старожила разнится информация документов уполномоченного Совета по делам культов. В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях по Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, равенская моленная значится занятой зернохранилищем⁶.

1. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 349. Д. 5. Л. 1–25; ф. 17. Оп. 13. Д. 764. Л. 1–8.
2. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. № 1. С. 20.
3. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 547. Д. 27. Л. 1–3.
4. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 159. Д. 42. Л. 26, 30–31, 38; Оп. 161. Д. 11. Л. 1–17.
5. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 76–76 об.
6. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ИНОЧЕСКИЕ КЕЛБИ ВОЗЛЕ ДЕРЕВНИ МИСЦЕВО

Выше мы упоминали о древнем монастыре, который располагался когда-то южнее погоста Рудня, на территории прихода. В период после церковного раскола, когда подавляющее большинство рудневских прихожан не приняло никоновы новины, на территории прихода также возникали иноческие поселения, на сей раз уже только старообрядческие. Часть приходской территории, прежде всего в северной части, являла собой глухие леса и болота. Среди них возвышались лесистые островки-«гривы». На них и возникали скиты и монастыри иноков-старообрядцев. Север приходской территории был частью местности на стыке Богородского уезда Московской и Покровского Владимирской губерний, где традиционно известно много монастырей. Они располагались как раз в своеобразном «треугольнике», образованном селениями Мисцево, Беливо и Губинская. Там находились знаменитые обители: отца Леонтия, отца Иосифа

(«Осипова Грива»), «Камень» (все три – мужские), матери Евпраксии («Праксенна Грива», женский монастырь) и др. Но, большинство этих, известных в прошлом в гуслицком старообрядческом мире, обитателей прекратили свое существование уже к началу XIX века. Какие-то скиты в этой местности продолжали свою историю, которая, за отсутствием архивного материала, остается для нас «белым пятном».

Иногда такие обитатели попадали в поле зрения авторов анонимных заметок в прессе в связи с какими-то событиями. Так, в газете «Московский листок» в 1886 году была опубликована заметка о пожаре в одном из таких скитов. Мы приводим ее полностью.

ЭКСТРЕННАЯ ПОЧТА

(от наших корреспондентов)

Пожар в старообрядческом скиту

В ночь на 17 апреля сгорел старообрядческий скит, в местечке Ямцах, расположенном на пограничной черте Московской губернии, близ селений Мисцева и Понарина, на границе уездов Богородского, Покровского и Егорьевского, в глухой болотистой местности. Скит этот находился в лесной даче помещика Дубовицкого, перешедшей недавно в собственность фабриканта Д.П. Иванова. Уединенное убежище староверческих отшельников до недавнего времени очень мало было известно, и лишь под опекой старообрядца Иванова скит стал приобретать некоторую популярность среди окрестного старообрядческого населения. Пожар произошел, как передают, от неосторожного обращения с огнем. Сгорела скитская «молитвенница», богослужебные книги, разные скитские принадлежности и самое жилище отшельников. Из окрестных деревень пожар казался очень громадным, т.к. огонь захватил заготовленные здесь лесные материалы, хворост и пр. Спасавшиеся здесь отшельники переселяются в Губинский старообрядческий скит, находящийся в соседнем Покровском уезде¹.

Дальнейшая судьба этого места нам неизвестна. Был ли здесь снова возрожден монастырь, или же иноки после пожара обосновались на новом месте или влились в состав братии скита в Губинской, де они укрылись изначально после пожара, никаких сведений нет. В дер. Губинской позже, а именно в начале XX столетия, известен только один старообрядческий скит, который был женским. Куда

делась братия мужского скита, мы пока не знаем. Явно, представителей объединенной братии двух мужских скитов было достаточно, чтобы по крайней мере Губинский мужской скит, если и сошел на нет по причине постепенного ухода из жизни его обитателей, то это произошло не так быстро, не в течении полутора-двух десятков лет. К концу XX столетия, когда в Гуслицах проводились полевые исследования местного старообрядчества, никакой исторической памяти об этом не сохранилось. Причина этому еще и то, что старообрядческие иноки подобных скитов вели довольно замкнутый образ жизни и мало с кем из местных жителей общались.

Мы полагаем, что эта обитель в данном уголке Раменья была далеко не единственной, но про остальные мы ничего не знаем.

Иноческие старообрядческие кельи, которые располагались возле деревни Мисцево, оказались «долгожителями» среди подавляющего большинства скитов и монастырей в Гуслицах. Это место до сих пор именуется старожилами, как «отцовы могилки». Располагается оно в урочище «Гора» и еще недавно здесь видели остатки надмогильных крестов. Организованного монастыря или скита, по крайней мере в первой половине XX столетия, по рассказам старожилов, здесь не было. Возможно, однако, что когда-то здесь, как и в Шувое, находился большой старообрядческий монастырь. Архивной информации о здешних кельях, равно как и о монастыре или скиту, который здесь мог быть ранее, нет никакой. Время появления здесь первых иноческих келий также неизвестно. Кельи, по крайней мере в последний период их существования, были как мужские, так и женские. Старожилы рассказывают, что их было много и они были разбросаны по лесу. Жившие в них иноки и инокини занимались преимущественно молитвой, мало у кого из них были какие-либо огородики. У жителей Мисцево была обязанность кормить лесных отшельников. В большом селении, а в Мисцеве к началу XX столетия было уже около 300 дворов, существовал негласный график кормления келейников. Неделю их подкармливали одни две семьи, следующую неделю другие и т.д. Нам неизвестно, к какому согласию принадлежали келейники и келейницы. В Мисцеве в основном проживали неокружники, но было некоторое количество семей окружников, лужкан и помор-

цев. Участвовали ли в кормлении все, или же какие-то представители других согласий не участвовали в этом, сейчас уже никто не скажет.

Обитателей келий подкармливали даже в голодные годы, в годы Великой Отечественной войны, но в этот период их оставалось уже немного. Кормление прекратилось только во второй половине 1940-х годов, когда умер последний инок.

Однако, как минимум два мисцевских инока были репрессированы в самом начале 1930-х гг. Павлово-посадский краевед В.Ф. Ситнов, в очерке посвященном судьбе женского скита в деревне Рахманово, упоминает, что до местных матушек доходили сведения об арестах старообрядческих иноков и инокинь в других местах. Среди них названы слепые Филарет и Николай, которых взяли в Мисцеве². Но, здесь не поясняется, жили ли эти два инок в кельях рядом с селением, или же они проживали в самой деревне Мисцево. Последнее, учитывая тот факт, что оба подвижника были слепыми, более вероятно. Слепым людям в лесных кельях, стоящих отдельно, были бы выжить крайне сложно, даже при поддержке извне. Да и если бы Филарет и Николай находились в лесных кельях, то были арестованы не только они. Власти разорили бы все кельи и арестовали большинство, если не всех их обитателей.

По словам старожиллов, иноки и инокини молились по кельям, вместе на соборную молитву они не собирались никогда и поэтому общей моленной они не имели. Возможно, что если им, если они были поповцами, требовался священник, то его приглашали из селения. Не исключено, что они могли исповедоваться какому-нибудь старцу, который жил здесь же, в ближайшей келье. Хоронили умерших иноков и инокинь здесь же, в лесу. Нынешние старожилы помнят могильные холмики с крестами. Сейчас их уже нет. В последние десятилетия некоторые могилы разрыли в поисках кладов.

Неизвестно и происхождение обитателей мисцевских келий. Многие из них наверняка были и из самой деревни, но не исключено, что были здесь и выходцы из других гуслицких, а возможно и не только гуслицких селений. Но в последний период здесь все же явно преобладали мисцевцы, иначе почему жители деревни так упорно кормили жителей леса. Как мы писали в главе про Шувойский

монастырь, в нем, особенно в последний период существования, жили ушедшие на покой деревенские старики. Их кормили младшие поколения старообрядческих семейств. Точно такое могло быть и в Мисцево. Имен последних иноков сейчас уже не помнит никто.

* * *

Недалеко от Мисцево есть урочище, которое носит название «Никола». По непонятной причине, никак не вяжущейся с благочестивым названием места, оно считается «нехорошим». Здесь часто начинает «водить» и люди зачастую подолгу блуждают здесь. Охотники и грибники, попавшие на это место, часто слышат здесь детский плач. Никаких историй или преданий про это место старожилы не сохранили. Не исключено, что это место одного из скитов или погостов, который прекратил свое существование при трагических обстоятельствах.

1. Пожар в старообрядческом скиту // Московский листок. М., 1886. № 111. 23 апр.

2. Ситнов В.Ф. Рахмановские матушки // Вохонский край. Павл. Посад, 2013. Вып. 11. С. 82.

Б. ЕДИНОВЕРЧЕСКИЕ

Единоверие – это форма унии, при которой старообрядцев могут принять в лоно господствующей церкви, разрешая им, по крайней мере какое-то время, сохранять древние обряды. Единоверие было учреждено в 1800 году императором Павлом Первым и митрополитом Московским Платоном (Левшиным) для более удобного поглощения старообрядцев. Фактически конечной целью единоверия является перевод «воссоединившихся» старообрядцев в новый обряд. Практически всю свою историю оно было на правах падчерицы у господствующего обряда. На единоверцев представители гос-

подствующего обряда смотрели как на «полураскольников». В то же самое время и представители старообрядческих согласий считали единоверцев предателями.

Уже в XIX столетии оформились два типа единоверцев. Первый, самый старый, возник еще в самом начале столетия и был представлен старообрядцами, которые искренне хотели получить законное священство, пусть даже из рук никонианской иерархии. Они свято держались всех дониконовских обрядов и традиций. Такие единоверцы фактически оставались старообрядцами в лоне синодальной церкви и от старообрядцев поповцев отличались только юрисдикцией.

Второй тип единоверцев оформился во второй половине того же столетия и его олицетворяет знаменитое миссионерское «противораскольничье» Братство св. Петра Митрополита. Такие единоверцы стремились постепенно слиться с новым обрядом. Единоверие для них – это форма уничтожения «раскола». Они не относились трепетно к старому обряду. Постоянно коверкая древнее богослужение то допуская иные отступления. Именно такой тип единоверия был представлен в Гуслицах.

В приходе погоста Рудня появились два из трех единоверческих приходов, которые возникли в Гуслицах: в деревнях Мальково и Авсюнино.

ДЕРЕВНЯ МАЛЬКОВО ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ

Появление этого единоверческого прихода – заслуга миссионерского Братства св. Петра Митрополита, которое во второй половине XIX века начало свою бурную деятельность в Гуслицком крае. Это был второй единоверческий приход, возникший в Гуслицах, после обращения в единоверческую церковь в 1850-х гг. Крестовоздвиженского храма погоста Селна.

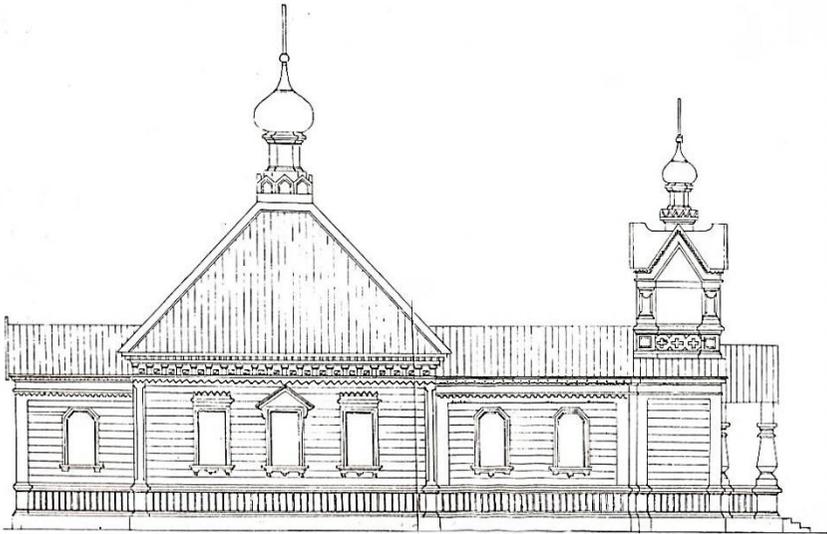
В 1874 году к единоверию присоединился крестьянин этой деревни, входившей в приход древнего погоста Рудня, Андрей Степанов. Последний происходил из местных старообрядцев Белокри-

ницкого окружного согласия. С детства, как и все жители гуслицких деревень, он был научен церковной грамоте, пению по крюкам. В общественной мальковской моленной Степанов считался усердным прихожанином, пел на клиросе, старался регулярно посещать богослужения. Ежегодно бывал на духу у своего духовного отца, старообрядческого священника из Шувое, Семена Епифанова. В то время, в конце 1860-х гг. Епифанов был старшим протопопом над все гуслицким окружническим духовенством. Заметив усердие у Степанова к богослужению, он благословил его на должность уставщика к мальковской общественной моленной. Тот верно исполнял возложенные на него обязанности на протяжении нескольких лет. И все было бы в порядке, но Андрей был человеком духовно ищущим, что и завело его вскоре весьма далеко. В руки ему попала книга «Восемь вопросов, поданных в Московский Духовный Совет бывшими членами Белокриницкой иерархии», резко изменившая его взгляды. Эту книгу Степанов стал читать своим землякам-старообрядцам, пытаясь внушить важность поднятых в ней вопросов. Последние сразу же сообщили о Семену Епифанову и нестроении в голове у мальковского уставщика. Протоиерей приехал в Мальково разбираться. Вразумительная беседа никакого результата не принесла. Большая часть жителей деревни слушать Степанова также не стала, но пять человек оказались на его стороне.

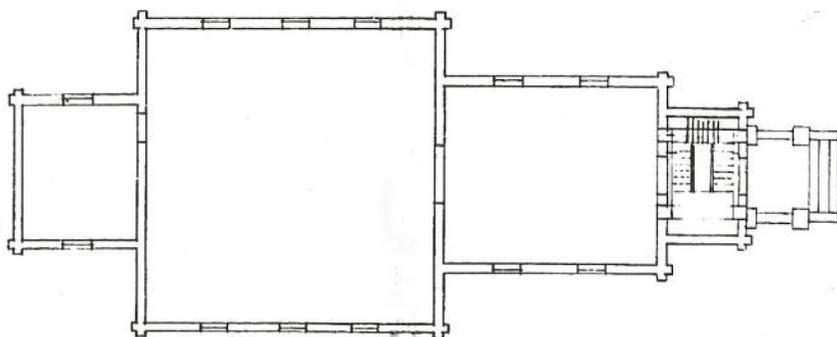
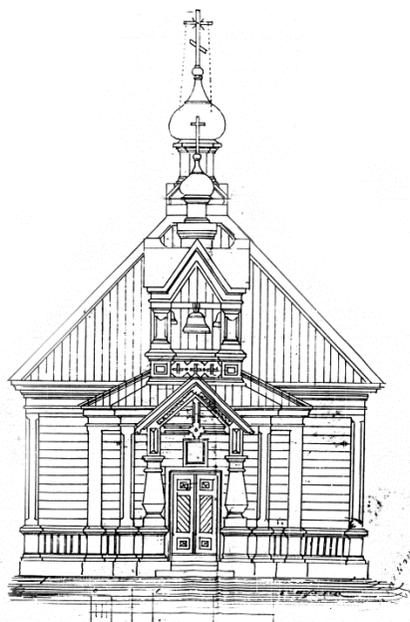
В 1873 году, 30 ноября по старому стилю, в деревню Авсюнино, того же Рудневского прихода, прибыл для миссионерских бесед знаменитый Павел Прусский. Он был не один, с ним приехал и новый настоятель Спасо-Гуслицкого монастыря Иероним. Разумеется, было бы очень странно, если бы Андрей Степанов не помчался бы на встречу со столь именитыми деятелями. Павел Прусский еще больше затуманил голову мальковскому уставщику и тот стал звать его в свою деревню для бесед с земляками. На следующий день оба миссионера были уже в Мальково. Степанов пригласил их к себе в дом и позвал на беседу односельчан. Беседа продолжилась в доме местного беспоповца Артема Андреева. «Доводы» Павла Прусского сильно подействовали на некоторых односельчан Степанова. В начале 1874 года Степанов и еще двое мальковских крестьянина, Лазарь Иванов и

Савва Давыдов, решили присоединиться к единоверию. Присоединяться они ездили в Москву, в Никольский единоверческий монастырь, где присоединял их сам Павел Прусский. Работа по обработке мальковских старообрядцев продолжилась. В 1876 году к единоверию присоединились жена Степанова и остальные члены его семейства, общим числом до десяти человек. Окрыленные единоверцы начали активно навязывать свою веру односельчанам.

После такого поворота событий, против Андрея Степанова оказалось настроено большинство мальковских крестьян. Но тот не унимался и продолжил миссионерскую работу и в других селениях Рудневского прихода на ежесубботнем базаре, проводимом в самой Рудне. В 1883 году к единоверию присоединились брат Андрея – Григорий Степанов, а также еще несколько мальковцев: Иван Савельев, Евтей Иванов, Макар Лукьянов, Федор Устинов, Матвей Ульянов, Емельян Савельев со своими семействами. Присоединявшиеся также ездили для совершения чина в Москву, к Павлу Прусскому¹. В селении оказалось уже достаточно народа для учреждения здесь единоверческого прихода.

Единоверческий храм в д. Мальково. ЦИАМ. Ф. 5. Оп. 143. Д. 15 Л. 93

Западный фасад и план храма в Мальково
ЦИАМ. Ф. 5. Оп. 143. Д. 15

В 1884 году мальковские единоверцы обратились к священнику Рудневского прихода о. Матвеем Преображенскому с просьбой отслужить в их деревне молебен по единоверческому чину. Священник обратился в Московскую Духовную Консисторию за разъяснением, откуда был получен ответ «...пока мальковские крестьяне не имеют единоверческого священника и единоверческого храма обряды совершать по православной церкви...»². Новообращенным единоверцам не оставалось ничего другого, как добиваться устройства в своей деревне единоверческого прихода с церковью и священником. Интересно, но по какой-то причине мальковцы не поддерживали контактов с существовавшим с 1852 года единоверческим приходом погоста Селна.

Первый единоверческий храм, скромно именовавшийся «молитвенным домом», был построен в этой деревне в первой половине 1888 года. Его сооружение курировали сам Павел Прусский, настоятель Спасо-Гуслицкого монастыря игумен Иероним и казначей московского Никольского единоверческого монастыря игумен Филарет. На строительство шли добровольные пожертвования разных благодетелей, прежде всего ликинского фабриканта Алексея Васильевича Смирнова, передававшиеся через самого Павла Прусского. В священники к новоустроенной церкви, согласно общему желанию прихожан, был рукоположен Андрей Степанов, который служил здесь до 1916 года. Молитвенный дом был открыт чрез совершение водосвятия и окропление стен святой водой.

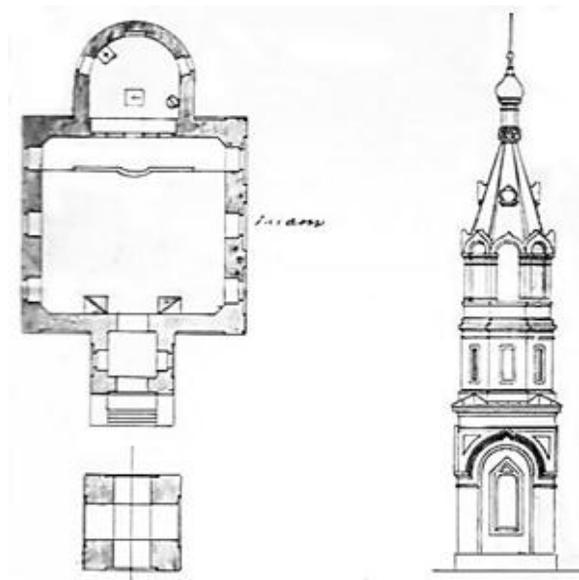
Вскоре потребовалось официальное обращение «молитвенного дома» в церковь. Для этого не требовалось особых затрат, а всего лишь приобретение алтарных принадлежностей, который вскоре и были получены. Прихожане-единоверцы желали, дабы чин освящения церкви проводили уже очень хорошо им знакомые Павел Прусский и спасо-гуслицкий игумен Иероним. Но о. Павел к тому времени уже был сильно болен и никак не мог приехать в Мальково. 18 декабря 1888 года храм освящал игумен Иероним в сослужении иеромонаха и иеродиакона из Никольского единоверческого монастыря. Кроме прихожан-единоверцев на данном мероприятии присутствовало много старообрядцев из Мальково и соседних деревень, собравшихся поглазеть на такое событие.

На этом единоверческом торжестве не обошлось без казуса. Участие в освящении никонианского игумена Иеронима вызвало сильное недовольство приехавших также на освящение настоятеля Никольского единоверческого храма на Рогожском кладбище в Москве Виталия Лебедева, а также священника московской Троицкой единоверческой церкви у Салтыкова моста Иоанна Звездинского. Если Павел Прусский и его «старообрядное» духовенство сплошь и рядом допускали искажение старого обряда и могли спокойно допускать к службе никонианских попов, то часть единоверческого духовенства старалась во всей строгости соблюдать старый обряд. Именно к этой части единоверцев и относились священники указанных храмов. Братство св. Петра Митрополита видело в качестве задачи единоверия – полное уничтожение старого обряда³.

Мальковский приход не стал особо многолюдным, в него входили всего 6-8 семейств прихожан. Другие старообрядцы Малькова и соседних деревень в «прусское» единоверие особенно не стремились. Да и в деревянной церкви-«молитвенном доме» единоверцы молились не шибко долго. В следующем 1889 году, в ночь под Рожество мальковцы были разбужены звоном деревенского колокола. Поначалу люди решили, что допускавший вольности в богослужении единоверческий поп Андрей Степанов раньше начал служить всенощную, и только затем уже, когда зарево осветило местность, поняли, что горит единоверческая церковь. Пожар случился внутри здания и потушить его уже не было никакой возможности. Погибло и все, что находилось в храме, включая и несколько крупных икон, отнятых у старообрядцев при разорении полицией моленной в деревне Селиваниха⁴.

В 1895 году в Малькове был построен новый, теперь уже каменный единоверческий молитвенный храм. При нем была небольшая колокольня на столбах. Предполагалось построить рядом с церковью каменную колокольню, дабы впоследствии объединить ее с храмом постройкой трапезной, но не хватило средств. Строительство финансировали церковный староста мальковской общины, коим фигурировал зажиточный беззубовский крестьянин Герасим Петрович Петрышов, ряд других лиц. Главную же роль в финансировании все тот же А.В. Смирнов. Одних только церковных сумм на постройку было

потрачено семь тысяч рублей. В новом храме по прежнему был один престол – во Имя Рожества Христова (а не Рожества Богородицы – престольный праздник погоста Рудня и всех приходских деревень).

Проект колокольни церкви в д. Мальково. ЦИАМ. Ф. Оп. 181. Д. 1421. Л. 83

Утварью храм был достаточен, по штату при нем полагалось иметь священника и псаломщика. Жалованья священнику было положено 588 рублей в год, псаломщику – 196. Церковной земли при храме было 1 десятина 250 квадратных сажен. При храме были потсроены дома для причта, также тщанием А.В. Смирнова, но только в 1912 году. Согласно клировым ведомостям, в 1909 году при храме служил все тот же священник Андрей Степанов. Которому было уже 76 лет. Обязанности псаломщика при храме выполнял его сын, 37-летний Василий Андреев Степанов. В приходе мальковского храма было 22 двора: 16 в самом Малькове (59 мужчин, 50 женщин), 3 в Авсюнине (7 и 9 человека соответственно), по одному двору в Понарино (1 и 1), Богородском (1 мужчина) и Абрамовке (3 мужчины и 2 женщины)⁵.

Согласно клировым ведомостям Христорождественской единоверческой церкви в Мальково а 1916 год, в ней, с 16 мая того же года не было священника. Видимо престарелый о. Андрей Степанов лил умер, или ушел на покой. Молитвами руководил исправляющий должность псаломщика крестьянин Никон Андреев Степанов, шестидесяти лет, старший сын Андрея Степанова. В приходе церкви было только 16 дворов в самом Малькове, в которых проживало 46 мужчин и 41 женщина. Куда делись остальные прихожане, жившие в других деревнях, непонятно. Да и самих мальковцев уже несколько меньше, чем семью годами ранее. Отойти к единоверческому приходу в Авсюнино прежние мальковские прихожане не могли, т.к. при последнем совсем не значится в это время прихожан⁶.

Церковь Рождества Богородицы в д. Мальково, 2010 г. Фото С.С. Михайлов.

В 1917 году здание мальковского единоверческого храма оказалось у белокриницких старообрядцев. Некоторые православные священники в настоящее время утверждают, что старообрядцы

насильственно захватили храм, убив священника, коим, по их словам в это время был Василий Степанов. Но это ничем более не подтверждается. Скорее всего единоверческая община просто сошла на нет и их церковь стала второй сельской моленной. Интересно, но все потомки бывших мальковских единоверцев считают себя обычными православными. Старообрядцев среди них нет.

Сразу после войны, в 1946 году, мальковский храм чуть было не снесли местные власти⁷. В начале 2000 году мальковскую Христорождественскую церковь взяло Орехово-Зуевское благочиние Московской епархии РПЦ: «В 2000 г. по просьбе жителей деревни образовался приход церкви Рождества Христова. В ноябре 2000 г. отслужили первый молебен и начались восстановительные работы.

В настоящее время в церкви служатся молебны. 16 июля 2003 г. на храме появился крест»⁸.

Храм, прежде стоявший заброшенным, реставрируется, но службы проходят в нем крайне редко, поскольку деревня ныне не имеет большого числа жителей. Большинство верующих постоянных жителей – старообрядцы. В паре километров от Малькова стоит действующий православный храм в Рудне, куда традиционно ходят местные никониане.

1. Повествование об обращении из раскола в православие крестьянина деревни Мальково Андрея Степанова // Братское слово, М., 1885. № 7. С. 459–465.

2. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 364. Д. 86. Л. 1–6.

3. Освящение единоверческой церкви в Мальково // Братское слово. М., 1889. № 5. С. 394–401.

4. Старообрядцы. Н. Новгород, 1908. С. 292–296.

5. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 478. Л. 47–50 об.

6. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 479. Л. 75–82.

7. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 7. Л. 66.

8. Монастыри и храмы Московской епархии. М., 2004. С. 346.

ДЕРЕВНЯ АВСЮНИНО ЦЕРКОВЬ СВ. ПЕТРА МИТРОПОЛИТА

В 1892 году в деревне Авсюнино Братством была открыта одна из братских миссионерских школ. В 1902 году школа была трансформирована в церковь-школу. Через какое-то время миссионеры стали ощущать необходимость открытия здесь единоверческого прихода.

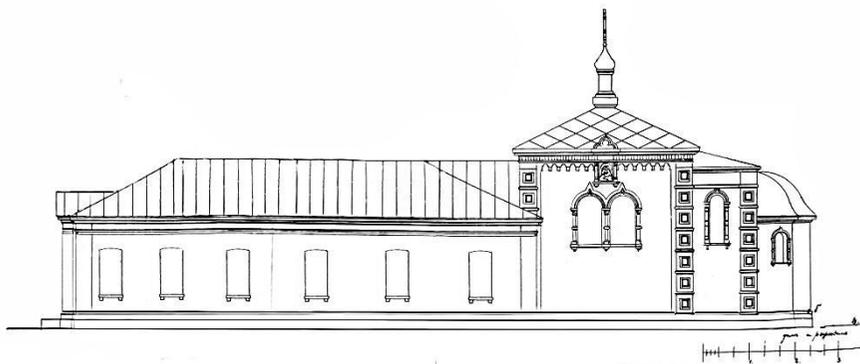
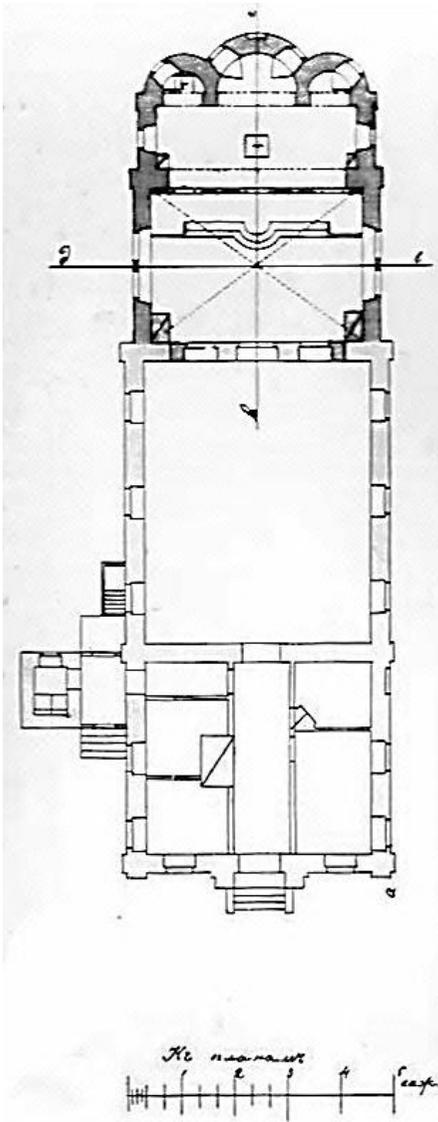

Чертёж храма в д. Авсюнино. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 156. Д 437. Л. 20.

14 октября 1904 года Святейший Синод направил указ на имя Преосвященного Владимира митрополита Московского и Коломенского, который гласил: «Согласно представлению Вашего Преосвященства и заключению Хозяйственного Управления, Святейший Синод определяет: при единоверческой церкви-школе в деревне Авсюнине, Богородского уезда, открыть самостоятельный единоверческий приход с причтом из священника и псаломщика и назначить на содержание их по восьмисот рублей в год, в том числе священнику – 600 руб. и псаломщику 200 руб., с отнесением сего расхода, со дня назначения причта и не ранее, как с 1 января 1905 года за счет кредита, ассигнованного от казны...О чем уведомить Ваше Преосвященство Указом»¹.

План храма в д. Авсюнино.
ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 156. Д 437. Л. 20

Здание церкви во имя св. Петра Митрополита (Братство решило посвятить храм своему выбранному небесному покровителю) при уже имевшемся здании школы было достроено только в 1905 году, «тщанием неизвестного жертвователя», и освящена 23 мая того же года епископом Можайским Серафимом, викарием Московской епархии. Ему сослужили местный настоятель Георгий Клюев и прибывшее из Москвы единоверческое духовенство. Интересно, но почему-то ничего не говорить об участии в освящении священников из храмов в Мальково и Селино. Не исключено, что последние просто проигнорировали торжество по освящению единоверной им церкви.

Согласно клировым ведомостям за 1916 год при единоверческом храме в Авсюнино совсем не было прихода. Храм обслуживал расположенную с ним в одном здании Авсюнинскую школу. Причту храма, как это было сказано в Указе Св. Синода, полагалось 800

рублей жалованья в год. Церковной земли было всего 594 квадратных сажени. При церкви священствовал о. Георгий Васильев Клюев, 39 лет, который был и законоучителем при школе. Псаломщиком состоял

28-летний крестьянин Иван Анисимов Рыжов, выпускник Гуслицкой второклассной школы и Коломенского Духовного училища².

Храм в д. Авсюнино, вид с востока. Фото С.С. Михайлов, 2005 г.

В издававшемся Братством Петра митрополита миссионерском журнале «Братское слово» за 1905 год есть подробное описание единовременного храма Петра Митрополита в селении Авсюнино:

«Церковь при школе имеет внутри 17 аршин в длину, 12 аршин в ширину и 11 аршин в высоту; примыкает к школе непосредственно и соединяется с оною дверями, наполовину застекленными.

Алтарь.

Престол и жертвенник дубовые; верхние доски на обоих липовые; срачицы полотняные; одежда на престол и жертвенник с пеленами на оные две перемены: из желтой пряденной парчи, другая из коричневого демикартона; пелены шелковые бордового и синего цвета. На горнем месте икона: Сошествие Св. Духа на Апостолов – в иконостасе; перед иконою – лампада бронзовая.

У престола на тумбах: Крест, икона Божией Матери и икона Святого Петра Митрополита.

На жертвеннике – небольшой Крест с предстоящими, деревянный.

У престола – семисвечник и два по сторонам подсвечника серебряные с позолотой.

Над царскими вратами икона Спасителя Нерукотворного. Завеса из шелковой лиловой материи.

Церковь.

Предалтарный иконостас деревянный, не крашенный, в три яруса, местами убран резьбою; вышина – 95 аршин, ширина – 12 аршин, в первом ряду местные иконы Спасителя, Богоматери, св. Петра Митрополита и св. Николы Чудотворца; в царских вратах – Благовещение и четыре Евангелиста; на боковых дверях Стефан и Лаврентий св. архидиаконы; во втором ярусе: над царскими вратами Тайная Вечеря и двенадцать икон – двенадцатые праздники; в третьем ярусе: икона Спасителя с Богоматерью и Предтечу и двенадцать икон – апостолы и пророки; заканчивается иконостас Крестом.

Перед иконостасом – два клироса, одинаковые с иконостасом.

За левым клиросом – икона-святцы – двенадцать месяцев на одной доске.

За левым клиросом – Животворящий Крест с предстоящими на Голгофе.

У клиросов две хоругви – деревянные иконы на древках.

Иконы все как в алтаре, так и в церкви греческого письма под Строгановский стиль, в красках с золотом, венцы золоченные.

Пред иконостасом – четыре, за клиросами – два и выносных два подсвечника, все серебряные с золочением.

Паникадило в два яруса на 18 свечей, одинаковое с подсвечниками.

Прочая утварь.

Сосуд, дискос и ковш, напрестольный Крест и малый Крест – серебряные; Евангелие в лист и малое – в бархате, в бронзовых украшениях.

Два кадила, водосвятные чаши – большая и малая, два кропила, блюдо для освящения хлебов, три блюда разной величины, ковчег (второй) для теплоты, кувшин для святой воды, фонарь, пасхальница золоченная и прочие мелочи – все металлические.

Священнические облачения.

Всех облачений пять: одно из белой пряденой парчи, одно из желтой пряденой парчи, одно из коричневого желтого демиканона и одно (великопостное) из черного Манчестера и с апликовой отделкою.

Храм в д. Авсюнино. Вид с запада. Фото С.С. Михайлов, 2005 г.

Подризников два: один бордового цвета, другой синего цвета – оба шелковые.

Прочие различные вещи.

Стихарь диаконский один, из коричневого шелкового демиканона, с принадлежностями.

Лопасты к хоругвям, бордовые шелковые.

Аналойные два одежды из коричневого шелкового демиканона и такие же две пелены к ним.

Одежды на столики три: одна из голубого репса, другая из зеленой материи и третья из желтой парчи – отделана апплике.

Плат и два илтона для антиминса – все шелковые.

Три воздуха: один из белой, другие из желтой пряденой парчи и третьи (великопостные) из черного манчестера.

Полотенец шесть – полотняных и холщевых.

Богослужебные книги.

Евангелие толковое, Апостол, Служебник, Потребник, Канонник, Псалтырь, Часослов, Триодь Цветная, Триодь Постная, Миня Празднич-

*ная, Минея Общая, Церковное Око, Октай на все гласы, Златоуст и Житие Святителя Николы, - все книги в кожаных переплетах*³.

Поскольку храм во имя Святителя Петра Митрополита в Авсюнино существовал при школе, т.е. фактически был домовым, его закрыли весьма рано. Точной даты узнать нам не удалось, но скорее всего это произошло сразу после революции, возможно в 1918 году. По крайней мере в само начале 1920-х гг. в здании бывшей школы и церкви уже был сельский клуб. Судьба имущества храма неизвестна.

В настоящее время здание авсюнинской единоверческой церкви сохранилось. В его западной (школьной) части до сих пор находится клуб. Восточная, собственно церковная часть здания используется как склад дров и угля. Местная администрация вроде бы была согласна в начале 2000-х гг. отдать церковную часть единоверческому приходу в г. Куровское, тем более что в то время порядка семидесяти дворов в самой деревне были на этот приход ориентированы. Однако священник Дмитрий Кузнецов, настоятель куровского единоверческого храма, сказал, что не желает молиться там, где за стеной танцуют. В результате все осталось на своих местах. В настоящее время к закрытому храму Орехово-Зуевское благочиние РПЦ назначило настоятеля, но жизни никакой в храме нет, поскольку основная масса жителей крупной дерни – старообрядцы. Недалеко от Авсюнино находится действующий храм погоста Рудня, в который ездят на молитву окрестные православные.

Об отношении современного православного духовенства и актива хотелось бы еще немного остановиться. Они почему-то упорно не хотят замечать тот исторический факт, что храм был единоверческим. Его упоминают просто как храм во имя Петра Митрополита в Авсюнино. Мы, когда рассказывали о истории храма в Мальково, уже ссылались на вышедшую в 2004 году книгу «Монастыри и храмы Московской епархии», вкратце рассказывающую о всех храмах РПЦ в Подмосковье. Небольшая глава в ней посвящена авсюнинскому храму. Кусочек из нее процитируем.

«...Затруднительно утверждать, была ли данная церковь православной или единоверческой, т.к. она освящалась и епископом Серафимом Можайским, и настоятелем Московской единоверческой

Баня в д. Авсюнино, совр. Фото

Троицкой церкви Иоанном Звездинским. Церковь освящена 23 мая 1906 г., закрыта в 1930 г...»⁴. Вместо фотографии самого храма, стоящего в деревне Авсюнино, в книге помещено фото бывшей бани в поселке Авсюнино, в которой ныне молятся местные белокриницкие старообрядцы. Как видим, «специалисты» по истории подмосковных храмов не знают ни историю отечественной церкви, единоверии и том, что единоверческие храмы освящались «православными» епископами. Также не попытались перед написанием истории храма хоть чуть выяснить его историю, к тому времени уже опубликованную.

-
1. Московские церковные ведомости. Официальный отдел, 1904, № 44.
 2. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 479. Д. 1-8.
 3. Братское слово, 1905. № 12. С. 179-181.
 4. Монастыри и храмы Московской епархии. М., 2004. С. 342.

Современная церковь в д. Мисцево

В 2002 году в деревне Мисцево, благодаря усилиям Устиньи Григорьевны Андрияновой, почетного гражданина Орехово-Зуевского района, знатоку и хранительнице гуслицкой культуры, единоверческому приходу города Куровское передали старинную каменную кладовую, которую перестроили под приписную церковь. Никакими подробностями о жизни этого молитвенного здания мы не располагаем.

5. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОГОСТА РУДНИ (1863 г. – начало XX в.)

Во второй половине XIX – начале XX столетия в истории древнего погоста Рудня происходил интересный период, который, при благоприятном стечении обстоятельств, мог бы привести к превращению этого уголка в крупное поселение, и даже в небольшой город. Однако, жизнь распорядилась по своему, и этот отрезок истории довольно быстро закончился, снова оставив погост тихим селением.

У регулярных торгов на Рудне была и своя предыстория. На престольный праздник Рождества Богородицы здесь из года в год проводились базары. Они продолжались пару-тройку дней и приносили причту определенный доход. Например, в 1843 году он составлял 40 рублей. В другие годы, в зависимости от наличия торговцев, такой доход составлял от 28 до 40 рублей. На базар пригоняли скот, который забивался вблизи храма. В 1843 году свидетелем такого забоя стал уездный исправник, посетивший Рудню. Ему не понравилось данное обстоятельство и было начато рассмотрение особое дело¹.

4 марта (по старому стилю) 1851 года, причт рудневских храмов обратился митрополита Филарета, с просьбой дозволить им проводить на церковной земле погоста регулярные ярмарки и базары. Свою просьбу они мотивировали тем, что доходы у храма не очень-то большие, а из 3952 души прихожан, только 400 принадлежали к официальному православию. Просители указывали, что один из храмов возведен в 1572 году и мог придти в ветхость, «...в случае потребности, вместо оной, новой каменной мы не можем приобрести с малых средств...». Базар предполагалось открывать по воскресным дням, а также в Рождество Христово и Сретенье. Торговать предполагалось красным товаром, железом, съестными припасами и прочими товарами, которые были необходимы местному крестьянскому населению. Базар обещал быть экономически выгодным². Однако, судя по всему, на самой земле погоста открыть регулярную торговлю не удалось. Возможно, именно тогда появился базар в соседнем сельце Никитском, однако, архивное дело информации нам не дает.

Мы уже сообщали, что прежде, до 1863 года, регулярные базары проводились в соседнем сельце Никитское (Горки), на земле помещицы Сверчковой. Однако, после учреждения новых волостей в 1862 году, причт и церковный староста, при помощи ряда активных жителей прихода, добились переноса их на церковную землю в самом приходском центре. «При учреждении волостей в 1862 году из юго-восточной части уезда образована была Дорховская волость с учреждением волости в деревне Дорховой. При введении вслед за тем земских учреждений, которым предоставлено было право открывать ярмарки и базары, нашлись тут у нас, особые радетели, которые исходатайствовали в земстве открытие еженедельных субботних базаров в ближайшем погосте Рудня, в которых вовсе не было надобности. При рудневском приходе образовался небольшой поселок, десятка два-три торговых сараев, и как необходимая принадлежность торгового села, несколько кабаков и трактиров. Поздней был вопрос и о перенесении из Дорхова в Рудню волостной резиденции, поближе к кабакам, потому что у нас так повсюду сложилось – где волость – там и кабак, где кабак – там и волость, и эти учреждения так сроднились между собой, точно одно без другого жить не может. Со стороны администрации препятствий к перенесению волости не встретилось и с того времени торговля в Рудне нисколько не произвела, а кабацкое дело развилось, и Рудня вместе с волостью стали служить местом сборища для пьянств окрестных поселян...³. Так излагал эту историю некий «А-в», написавший заметку в уездной газете «Богородская речь» в 1912 году.

Про относительно краткий период «экономического бума» на Рудневском погосте мы нашли информацию в ряде дел ЦИАМа и заметках старой прессы. В Центральном Историческом Архиве Москвы, в фонде Богородского Духовного Правления, сохранилось несколько дел относящихся к раннему периоду истории базаров на погосте Рудня.

Судя по архивному материалу, главным инициатором переноса базаров на Рудню был павлово-посадский купец Апухтин, уроженец приходской деревни Титово, кстати, по вероисповеданию старообрядец. Сохранилось некоторое количество дел, датированных 1863-1868 гг., которые хранятся в фонде Богородского Духовного Правления, из

которых мы узнаем некоторые подробности начальной истории рудневских базаров и имена первых арендаторов церковной земли⁴.

Павлово-посадскому 3-й гильдии купцу Антону Егорову Апухтину, в апреле-мае 1863 года, как человеку, который сыграл ключевую роль в устройении базара на Рудне, священнослужителями и церковным старостой «...с согласия благонамеренных прихожан, крестьян 12-ти деревень...», «...в благодарность ему, за безмездное в течении пяти лет ходатайство о переведении на их церковную землю с соседней Г. Сверчкова земли базара...», а также и за то, что он уже принес единовременный взнос в размере 1200 рублей серебром, дали просимый участок базара, размером 10 x 10 сажен. Этот участок находился в 110 саженях от церкви. Апухтин к тому же сам предложил установить для торгующих арендную плату за торговое место в размере 30 рублей в год, из которых 10 рублей шли в пользу церкви, а 20 – в пользу причта⁵. Помимо торгового места, Апухтин получил право и на устройство первого на базаре трактирного заведения, причем причт гарантировал, что подобное будет единственным и конкурентов не допустит.

В фонде Богородского Духовного Правления сохранилось и дело 1863 года (апрель-май) по прошению крестьян селений Никитское (Горки), Мальково и Равенской, которые просили об удалении с церковной земли погоста Рудня, выделенной под базары, купца Апухтина. Прихожане указанных селений обращались на имя самого митрополита Московского Филарета, после чего вопрос и стал разбираться. Жители селений были возмущены тем, что Апухтин взял выгодный для себя участок земли под трактир и торговый сарай без каких-либо положенных торгов, а остальные соискатели к нему допущены не были. Просители указывали и на слухи о том, что купец внес в церковь деньги за свою землю даже чуть ли не на десять лет вперед, также без торгов и прочих положенных мероприятий. В союзе с Апухтиным обвиняли приходского священника Иоанна Покровского, который должен был вести дела с распределением торговых мест. Просители требовали учинить «повольный» торг на сдачу трактира, а Апухтина от дела отстранить вовсе, также еще и потому, что он являлся лицом другого исповедания (старообрядец).

Проведенное расследование показало, что все факты указанные в прошении были несостоятельными. А просителей даже обвинили в том, что они написали жалобу «...чтобы запутать дело о переводе базара к церкви и удержать оный на их родине...» (напомним, что прежде он находился в Никитском)⁶.

Купцу Апухтину не долго дали доминировать на местных базарах. Видимо, когда члены причта решили, что от данного персонажа они получили все, что им было нужно, интересы данного благодетеля стали игнорироваться. Все прежние обещания, данные Апухтину, причт уже не выполнял. Если ранее приоритет на открытие в Рудне трактира имел Апухтин, то уже в 1865 году причт отдал сроком на десять лет в аренду участок земли 11 x 40 сажень богородскому мещанину Платону Ефимову Щербакову. Данный участок находился в 146 сажнях от церкви, от дома дьячка Семена Щеглова в 116 сажнях и «от постоянного двора допущенного прежде» - в двадцати с половиной сажнях. Щербаков также имел право выстроить на оном участке и дом для собственного проживания⁷.

Антон Апухтин попытался напомнить причту об обязательствах. Тем же 1865 годом датировано дело Богородского Духовного правления о беспорядках в Рудневском приходе. Причем, беспорядки эти были вызваны, нетрудно догадаться, конфликтом с Апухтиным. Последний обратился с жалобой к епархиальному начальству. Он напомнил, что заключил с причтом договор на десять лет, чтобы помимо его трактирного заведения, на базаре более не открывалось ничего. Однако, причт договор нарушил и допустил устройство аналогичного заведения упомянутого Щербакова. Апухтин также напомнил, что на его средства был произведен в том же 1865 году и небольшой ремонт храмового здания. Причт, со своей стороны, конечно же занял оборону. На Апухтина жаловались, что он устанавливал на базаре свои порядки, подпаивал прихожан водкой и т.п. Результатом разбирательств стало то, что в октябре 1865 года причту было внушено, дабы впредь все места на базаре распределялись строго через торги и под наблюдением благочинного⁸.

По данным на начало 1870-х гг., в погосте Рудня, помимо двух храмов, находились: «...волостное правление, 70 лавок, 1 гостиница,

1 питейный дом, 4 постоянных двора, 1 трактир. Базары по субботам, ярмарки: 8 июля, 8 сентября, в Неделю Жен Мироносиц и в понедельник Св. Пасхи»⁹. Касательно датам 8 июля и 8 сентября по старому стилю, в переводе на стиль новый, это: Казанская Летняя и Рождество Богородицы. В последнем случае – один из престольных праздников, а в первом – день, когда устраивались торжества на местном чтимом роднике. Этот день фактически также на Рудне был своеобразным престольным праздником, затмив собой второй рудневский престол – Рождество Христово.

Некоторые авторы, прежде всего писавшие уже в 1910-х годах в газету «Богородская речь», были уверены, что, невзирая на появление на церковной земле погоста большого числа торговых сараев и лабазов, «...Рудня в торговом отношении, несмотря на все старания, нисколько не оживилась...». А близкое соседство кабаков и трактиров, которые, наоборот, процветали, «...прежде всего скверно отразилось на делах Дорховского волостного правления и, в особенности, на делах волостного правосудия»¹⁰. Здесь они солидарны с уже процитированном нами «А-вым». Тем не менее, их строки расходятся с тем, что далее мы увидим в цитатах заметок «Московского листка» 1880-х гг., где торговлю на базарах и ярмарках в Рудне описывают как весьма процветающее дело. Но, «Богородская речь» писала в начале 1910-х гг., когда с ней было уже не так хорошо. В тот период уже торговые дела загнивали, а кабаки продолжали свое процветание. Из-за неоправданных надежд на развитие этого торгового пункта, авторы типа «А-ва» и представили в черном цвете всю здешнюю торговую историю.

Другие авторы сообщают нам, что после переноса центра Дорховской волости на Рудню, дела местной администрации шли не плохо хорошо¹¹. В 1884 году автор одной из заметок «Московского листка» писал, что за последние 15 лет ни один из волостных управителей не заслужил признательности крестьянского общества и не закончил на этой должности благополучно. Одного уличили в растрате мирских сумм и отправили в арестантские роты, другой запустил дела до невозможности, третий за крайнюю распущенность и пьянство в волости был также снят с поста преждевременно¹².

В «Сведениях...» 1873 года, на которые мы уже ссылались, дана информация о небольшом числе питейных заведений (трактир, питейный дом и т.п.). Как мы видим из газетных заметок, подобных учреждений здесь было явно куда больше. Сомнительно, чтобы они существовали неофициально, без разрешения. Возможно, бум кабаков и трактиров в Рудне начался после 1873 года, когда данные сведения были опубликованы. Про кабаки писали авторы газетных заметок 1880-х гг. и начала XX века, следовательно, в первое десятилетие существования местного «торгового пункта» их могло и не быть в большом количестве.

Автор газеты «Московский листок» в 1883 году так описывал Рудню того времени. «Торговое село Рудня расположено на самой границе Московской губ., по соседству с Рязанскою. В короткое время Рудня сделалась неузнаваемою: многочисленные торговые помещения, изобилие трактиров и кабаков – придают ему совершенно городской характер, и Рудня малым разве чем отстает от обыкновенных захолустных уездных городов. Еженедельные субботние базары способствуют распространению торговых дел, и коммерческий люд постоянно наплывает сюда с разных сторон в чаянии наживы»¹³. Другой анонимный автор из той же газеты дает примерно такую же картину: «На самой границе Московской губернии, на черте Владимирской и Рязанской губ., расположено торговое местечко Рудня, возникшее, приблизительно, не очень давно, выросшее за какие-нибудь 30 лет. Прежде здесь, на пустом пространстве, виднелся лишь один приходской храм, теперь это бойкий торговый пункт, где, не говоря о субботних базарах, весьма многолюдных, идет ежедневная торговля»¹⁴.

В одной из заметок газеты «Московский листок» за 1884 год есть упоминание об одной из регулярных рудневских ярмарок. «Ярмарка, открывшаяся здесь с 6 сентября и продолжавшаяся до 14 числа, была очень многолюдна. В привозе здесь были всевозможные товары; в наибольшем требовании были овчина и готовая обувь. Для увеселения захолустной деревенской публики, как и всюду на сельских ярмарках, открыт был ряд балаганов; но народ, заметно, не так усердно ломился в эти скоморошные палатки, увешанные лохмотьями,

с нарисованными на них какими-то сценами из времен царя Гороха. В многочисленных здешних трактирах места брались с бою»¹⁵.

К началу XX столетия базары и ярмарки на погосте Рудня стали постепенно сходить на нет. Другие торговые центры, которые располагались вблизи Гуслиц, оттягивали на себя потенциальных покупателей и продавцов. Промышленное развитие края привело к тому, что практически в каждой семье в Гуслицком крае, включая и Рамежье, кто-либо из ее членов работал на крупном промышленном предприятии в Егорьевске, Орехово-Зуеве, Ликине, Дулёве и др. местах. Там были свои базары, куда более многолюдные и с более качественным товаром, которого было и гораздо больше. Рудня конкуренции с ними выдержать не могла. Погост находился в относительно глухом месте, в отдалении от основных дорог. В начале 1910-х гг. рядом, в паре километров, прошла линия железной дороги «Люберцы-Арзамас» (ныне т.н. «Шатурская» ветка Казанской железной дороги), но и она ситуацию для умирающей торговли на погосте не изменила.

«Богородская речь» сообщает нам картину упадка прежних многолюдных ярмарок и базаров, которая наступила в начале XX столетия. «Теперь Рудня, как торговый пункт, повидимому отжила свой век. С постройкой новой арзамасской дороги при деревне Дорховой, где первоначально была волость, открыта станция, и около станции торговыми людьми жадно расхватываются земельные участки у дорховского крестьянского общества...» - писал уже известный нам «А-в». По его словам, «пионерами» приобретения данных участков были кабатчики, трактирщики, шинкари. За ними следовали другие торговцы и фабриканты, которым также потребовалось здесь обзавестись землей. Возник вопрос о том, чтобы волостной центр снова перевести из замирающей Рудни в оказавшееся в центре местной цивилизации Дорхово¹⁶. «Что же представляет теперь Рудня? Просто какой-то периодический сборный пункт досужих людей из окрестных поселков. Тут крестьянское судбище с его обычной волостной волокитой. Затянется человек сутяжничеством – и ходит, ходит, без конца. Сюда собираются хмелеводы, мастерки и фабриканты попить, вообще, говоря, почертить. Тут устраиваются

«петушиные бои» на пари. Если не посчастливится на петухах, то переходят к ожесточенной карточной игре, в «трыночку», излюбленную, старинную купеческую игру, самую азартную и неумолимую по части шансов.

И таким образом вместо торгового базарного села – Рудня стала местом беспробудного пьянства и картежничества. В этом омуте, можно сказать, не мало загублено денег»¹⁷.

«Наш когда-то всегда наполненный покупателями базар все падает и падает с каждым годом. И как видится, едва ли он возродится. Причины двоякого рода. С одной стороны местное население постепенно переселяется на крупные фабрики в Ликино, Орехово-Зуево, Дрезну и Дулево. С другой стороны – требования покупателей повышаются, местный рынок своими продуктами их удовлетворить не может...»¹⁸.

Советская власть окончательно добила остатки былой экономической мощи ярмарок и базаров на погосте Рудня. Ныне прежняя торговая площадь, на которой стояли лабазы и сараи, трактиры и кабаки, застроена поздними частными домами.

1. Центральный Исторический Архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 638. Д. 14. Л. 1-14.

2. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 635. Д. 40. Л. 1-5.

3. А-в. Из Дорховской волости // Богородская речь. Богородск, 1912. № 39. 23 сент.

4. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 804. Л. 1-13; Ф. 707. Оп. 1. Д. 805. Л. 1-13 об.; Ф. 707. Оп. 1. Д. 859. Л. 1-10; Ф. 707. Оп. 1. Д. 917. Л. 2-17.

5. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 755. Л. 1-12.

6. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 756. Л. 1-2 об.

7. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 853. Л. 1-16.

8. ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 861. Л. 1-44.

9. Сведения о селениях и жителях Московской губернии. Т. I. Богородский уезд. М., 1873. С. 12-13.

10. Рудня Дорховской волости // Богородская речь, 1912. № 5. 29 янв.;

11. Рудня (Богородского уезда) // Московский листок, 1884. № 267. 27 сент.

12. Рудня (Богородского уезда) // Московский листок, 1884. № 355. 24 дек.

13. Из Рудни (Богородского уезда) // Московский листок, 1883. № 301.
31 окт.
14. Рудня, (Богородского уезда) // Московский листок, 1884. № 190.
12 июля.
15. Рудня, (Богородского уезда) // Московский листок, 1884. № 267.
27 сент.
16. А-в. Из Дорховской волости...
17. Рудня Дорховской волости // Богородская речь, 1912. № 5. 29 янв.;
18. Село Рудня Дорховской волости // Богородская речь. 1911. № 11.
29 апр.

ГЛАВА III

ИСТОРИЯ РУДНЕВСКОГО ПРИХОДА В XX СТОЛЕТИИ (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

В предыдущих главах мы рассказали вам об истории прихода погоста у речки Рудни до начала XX столетия включительно. Закончили мы в 1920 году, последней клировой ведомостью. Из нее мы узнали, кто служил в храмах в первые годы советской власти: священники Николай Ипполитович Глаголевский и Василий Андреевич Степанов, диакон Николай Федорович Смирнов, псаломщики Василий Иванович Лихачев и Александр Владимирович Магницкий¹. В настоящее время от местных церковных краеведов часто можно услышать предание о том, что в соседнем селении Мальково на переломе эпох стряслось следующее: «В начале 1917 г. в священники к мальковскому храму был рукоположен Василий Андреевич Степанов, который в том же году был убит». Храм, бывший до этого единоверческим, «...был захвачен старообрядцами-окружниками, которые в 1927 г. и зарегистрировали как старообрядческий, кроме своей моленной, и каменный храм»². Касательно того момента, как единоверческий храм в Мальково оказался у старообрядцев, мы ничего сказать не можем, поскольку не располагаем ни архивными, ни полевыми сведениями. Возможно, маленькая и небогатая община единоверцев просто не смогла при натиске советских требований содержать церковь и уступила ее (а может быть и продала) землякам-старообрядцам. Члены единоверческой общины могли просто перейти молиться на Рудню, что косвенно подтверждается тем фактом, что все их потомки, по крайней мере во второй половине XX столетия, были чистыми «никонианами». Но касательно убиенного о. Василия Степанова – сына первого мальковского священника Андрея Степанова, который являлся и зачинателем единоверия в этой деревне, - то выше мы видели, что его еще до революции перевели в Рудневский приход и в 1920 году он там служил, живой и здоровый.

Из той же клировой ведомости 1920 года мы узнаем и интересную информацию о собственности прихода. Ему, помимо зданий

храмов, принадлежала деревянная крытая железом церковная сторожка. На церковном усадебном участке находились и дома священно-церковнослужителей, также деревянные. Касательно остальной земли, то она, пахотная и покосная, была разверстана по едокам между причтом и «гражданами, живущими на церковной земле». Церковным лесом же пользовались «граждане» сельца Никитского, употребляя его как на постройки, так и на дрова. Кружечных сборов за 1920 году у прихода было 22000 рублей³.

Церковная ограда и калитка зимнего и летнего храмов Погоста Рудня, фото С.С. Михайлов.

Период 1920-х – 1930-х гг. к сожалению, дает нам довольно мало архивного материала. Церковь переживала в это время далеко не лучшие свои времена и с бюрократией и аккуратным ведением большей части бумаг у нее явно было не так строго. Важнейшей задачей этого времени было просто выжить в условиях агрессивной борьбы с религией.

В книге известного автора книг по подмосковным и иным храмам протоиерея Олега Пэнэжко «Храмы Орехово-Зуевского района» мы узнаем немного о судьбе некоторых служителей рудневских храмов, которые подвизались здесь до войны.

С 23 июня 1936 года в храм Рождества Богородицы села Рудня Куровского района (существовал с 1929 по 1959 год) был переведен священник Павел Дмитриевич Успенский. Он родился 23 мая 1888 года в селе Чернево, Московского уезда, Московской губернии. Во священника он был рукоположен в 1913 году, к Троицкой церкви села Сапроново, где служил до 1930 года. После он служил в подмосковных селах Васильевском, Чашниково, Болшево, Царицыно, Нехорошево. Из последнего села, находящегося в Серпуховском районе, о. Успенского и перевели в Рудню. Однако, здесь он просвященствовал недолго. Уже 19 марта 1938 года его арестовало Михневское районное отделение НКВД и препроводило в Каширскую тюрьму. 7 июня того же года тройка приговорила о. Павла к расстрелу и этот приговор был приведен в исполнение на печально известном Бутовском полигоне 4 июля⁴.

Практически одновременно с о. Павлом Успенским, по сведениям о. Пэнэжко, в Рудне служил и священник Виктор Филимонович Пылинский (родился в 1873 году). Родом этот служитель был из селения Малые Слижи в Белоруссии, но оказался в рассматриваемом нами приходе. 1 декабря 1937 года он был арестован по стандартному обвинению в контрреволюционной деятельности и уже 8 декабря его расстреляли. 1 марта следующего 1938 года были арестованы староста рудневского храма Дмитрий Павлович Рогов и уставщик Тимофей Никифорович Баулин. Уже 14 марта оба были расстреляны⁵. Рогов был уроженцем «с. Рудне-Никитское», как пишет о. Пэнэжко, но скорее всего здесь следует читать «Никитское», поскольку в самом погосте стояли только дома причта, и родился в 1871 году в крестьянской семье. Баулин также был родом из «Рудне-Никитской» и родился в 1869 году. С ним нам кажется несколько странным определение Пэнэжко «уставщик». Выше мы видели в приходе псаломщиков, дьячков, пономарей... Уставщики же более характерны для старообрядчества, а не официальной православной традиции. Однако, не исключено, что к 1930-м годам этот термин

мог быть заимствован и в местном православном приходе. Ранее вся терминология для определения штатных единиц диктовалась сверху, а после революции и существенного ослабления диктата со стороны высшего церковного начальства, «уставщик» могло заменить прежнее официальное «псаломщик» или какое-то еще звание...

О. Пэнэжко пишет, что в «...советское время храм не закрывался, но во 2-й половине 1930-х гг. богослужение в нем не совершалось из-за отсутствия священников»⁶. В статье орехово-зுவевской журналистки В. Кузьминых из книги «Дорога к храму», мы читаем упоминание, что храм все-таки был закрыт. Кузьминых приводит рассказ старожилки, упоминающей о некоей тете Поле, которая когда храм «закрыли, она ключи взяла себе». И именно благодаря этой тете Поле храм не был разворован, поскольку именно ключи в то время являлись не только одним из средств защиты храмового имущества, а и основным документом церковной постройки⁷.

В страшные годы Великой Отечественной войны безбожное советское правительство было не на шутку напугано сложившейся ситуацией и допустило определенный мораторий на войну против своего народа. Прежде всего это коснулось религии. Появилась возможность открыть часть храмов, которые были закрыты перед войной. Судя по всему, в 1938–1942 г. в помещениях храмов погоста богослужественной жизни не было, поскольку в наблюдательном деле, посвященном Рудневским храмам, в документах уже 1960-х гг., «дата регистрации» религиозного общества показана как 1942 год⁸. Также в тех же документах, а именно карточках единовременного учета, черным по белому написано, что в деятельности религиозного общества перерыва не было, т.е. официально храмы не закрывались⁹. Получается, что верна версия о. О. Пэнэжко, а не то, что написала В.Г. Кузьминых... В документах уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по г. Москве и Московской области за 1944 год мы встречаем рудневский приход, как единственный действовавший на то время на территории Куровского района. Этот район существовал в 1929–1959 гг., когда его слили с Орехово-Зувевским. О том, что происходило в приходе до 1944 года, в документах мы не обнаружили никакой информации.

Мы не знаем, был ли свой священник в Рудне в 1942–1944 гг., или же местное православное общество окормлялось какими-то священниками со стороны. В архивах никаких сведений на этот счет мы не обнаружили. В августе 1944 года на приход был назначен священник Александр Иванович Кочнев, 1896 года рождения. Этот пастырь служил здесь четыре года. 29 июля 1948 года, Народный суд 2-го участка Куровского района осудил его к исправительным работам сроком на один год, с взысканием 25% заработка в счет погашения недоимки подоходного налога. Именно эта недоимка, в сумме 57 118 рублей, и стала причиной суда и приговора. Священник Кочнев за время своего служения должен был уплатить государству подоходный налог в 79 626 рублей. Заплатит к моменту суда он смог лишь 22 508 рублей.

После суда о. Кочнев направлял жалобы уполномоченному А. Трушину, в финансовой структуре на непропорциональное действие по отношению к нему. Но, обложение налогом было признано правомерным и оснований к пересмотру суммы налога и решения суда о представителях власти не имелось¹⁰.

Более чем через полгода, 26 марта 1949 года, Совет по делам РПЦ препроводил председателю Куровского Райсовета анкету нового служителя культа для прихода в Рудню-Никитскую. Им оказался священник П.Н. Пучиков¹¹. Кто проводил службы в храмах Рождества Богородицы и Рождества Христова в этот период, мы не знаем. Возможно, сюда наезжали прикомандированные священники из других приходов, но, не исключено, что здесь вообще не было богослужений в отсутствие священника.

В середине-второй половине 1940-х гг. на территории Куровского района были попытки открыть еще два храма: в селах Ильинский погост и Хотейчи. Особенно усердствовали жители последнего населенного пункта, которыми было подано довольно большое количество ходатайств¹². Однако, все они были отклонены властями и Рудня-Никитское так и оставалось единственным местом в районе с действующим храмом (вернее – храмами). В пяти километрах южнее Рудни, в селе Знаменском Егорьевского района, пытались открыть свой храм, но так же безуспешно¹³.

Возможно, именно священник П. Пучиков стал героем следующего эпизода. В документах фонда уполномоченного Совета по делам культов по г. Москве и Московской области, в одном из отчетов за 1951 год, есть упоминание о таком случае. 2 августа того года, т.е. в день Илии Пророка, председатель Куровского Райсовета А.А. Крючков, оказавшись в селе Красном, расположенном уже на восточной границе вверенного ему района, увидел «группу молящихся под открытым небом». Молебен проводил священник. Никакого разрешения на проведения данного мероприятия никто, разумеется, у властей не спрашивал. Чиновник возмутился и решил задержать нарушителей законодательства с поличным. Он покинул свой автомобиль и ринулся к молящимся, намереваясь, прежде всего, задержать главного виновника – священника. Последний был в полном облачении, но, завидев бегущего к нему Крючкова, стал быстро удирать. Молящиеся, также заметив опасность, стали разбегаться. Хотя на батюшке было облачение, но он оказался в более выгодном положении, поскольку преследующий вернулся с войны на протезе... От безногого чиновника оказалось довольно легко убежать. Выяснить что-либо в самом Красном Крючков не смог. Он предположил, что молебен под открытым небом проводил старообрядческий священник из деревни Загряжская. Однако, потом был сделан вывод, что поскольку село Красное и прилегающие населенные пункты расположены вне мест проживания староверов, то священник явно православный¹⁴.

Проанализировав этот случай, можно предположить, что фигурировавший в этом забавном эпизоде православный священник, проводивший на Ильин День молебен для жителей Красного, однозначно был из одной из ближайших православных церквей. Таковые, территориально близкие к Красному, были в селе Шатур, куда можно было добраться на узкоколейке, а также в Рудне. Последняя была гораздо ближе. Но, отсутствие точных сведений о персоне, поскольку она не была задержана с поличным, а также и исторической памяти жителей по этому поводу, заставляет нас теряться в догадках.

В пользу того, что упомянутый священник мог быть именно из Рудневского прихода, может свидетельствовать тот момент, что по-

добная «партизанщина» в деле окормления паствы испокон веков была присуща старообрядцам. Находящаяся среди старообрядческого микрорегиона Рудня, разумеется, испытывала сильное влияние этой древлеправославной культуры. Местные священники легко могли перенять в советское время тактику своих старообрядческих коллег.

О. Пучикова вскоре сменил протоиерей Клепиков, который, однако, прослужил здесь недолго. У алтаря летнего храма, рядом с могилами священника Никольского и диакона Лихачева, о которых мы упоминали выше, есть могила «жены протоиерея Клепиковой Марии Васильевны» и даны крайние даты ее жизни: 29 октября 1895 – 17 октября 1955 гг. В фонде уполномоченного Совета по делам РПЦ мы нашли следующую информацию, поясняющую появление здесь этого захоронения. В отчете за 4-й квартал 1955 года говорится, что в ночь с 16 на 17 октября, был совершен вооруженный на квартиру (скорее всего – дом) священника Клепикова, служащего в Рудне-Никитской. Грабитель (именно так указано в материалах дела, а не во множественном числе) убил жену священника, ранив одного из его родственников, забрал 16 750 рублей денег (сумма до реформы 1961 года), на 55 тысяч рублей облигаций, двое золотых часов и другие золотые вещи, скрылся¹⁵. Был ли потом пойман злоумышленник, мы не выясняли. Для нашего повествования это не важно.

Протоиерея Клепикова сменил священник с традиционной для духовенства фамилией Покровский. В одном из отчетов уполномоченного за 1959 год Рудневский приход описывается так: «...церковь в селе Рудня-Никитское, Орехово-Зуевского района. Община верующих состоит из 20 лиц престарелых мужчин и женщин. В воскресные дни церковь посещает 15-20 человек, а в дни годовых религиозных праздников посетителей бывает не более 100 человек. В будничные дни службы не проводятся. Годовой доход церкви не превышает 78 тыс. рублей. Хозяйственные дела церкви безраздельно находятся в руках священника Покровского, 1889 г. рожд., и церковного старосты гр. Ивановой, 1912 г. рожд., проживающей в этой же деревне, которая давно подвизается около церкви и нигде не работает»¹⁶.

Могила попадьи

принадлежащие ему постройки. Последние четко датированы 2 февраля 1960 года¹⁷. Карточки же единовременного учета, на одинаковых бланках, подшиты в деле ранее этих документов, но появились однозначно не ранее 1959 года, поскольку фигурирует не Куровской, а Орехово-Зуевский район.

Интересно, но в анкете 1960 года зимний храм назван Рождества Богородицы, а летний – Казанским. Годы их постройки, соответственно – 1540 (!?) и 1747. Откуда составители эти сведения взяли, конечно же не сообщается. Площадь летнего храма была 460 квадратных метров, а зимнего – 150 квадратных метров. У летнего храма было небольшое свободное подвальное помещение. Отопление храмов было печное, хотя уже было проведено электрическое освещение. Сумма оценки по госстраху указывалась в

В Центральном Государственном Архиве Московской Области сохранились наблюдательные дела на культовые православные здания на территории Московской области. Среди них, разумеется, есть и дело, посвященное приходу села Рудня-Никитское. Информации в нем не особо много, но и она для нас весьма интересна и важна. На обложке дела, посвященного храмам Орехово-Зуевского района крайние даты документов показаны 1945–1989 гг., но в случае с Рудней малочисленная документация явно появилась не позднее 1960-х гг. Здесь есть несколько карточек единовременного учета и регистрационные анкеты на храм и

13 756 руб. На колокольне висело три колокола, которые указаны как «мелкие».

По сведениям 1960 года, богослужения в храме совершались по воскресным и праздничным дням. Они проводились с 6-7 часов до 11-12 часов утра. Всенощные бдения не служились¹⁸. Причиной этому, судя по всему, была малочисленность прихода и наличие в его причте только одного священника. Касательно официальной численности прихода, то в карточках она определялась в 400 человек¹⁹. Анкета 1960 года поясняет, что по воскресеньям храм посещало до 40 человек, а в праздники – до 100 человек. В год было по 1-3 крестин²⁰. В приходе было собственно село Рудня-Никитское, Мальково, поселок Авсюнино, Богородское, «и др. в радиусе до 3 км»²¹. Но, здесь, как нам кажется, следует сделать поправку на хрущёвское время, крайне неблагоприятное для верующих. Возможно, в документах скрывалась реальная картина. По нашим сведениям, на Рудню ездили молиться многие жители Шатуры, поселка Шатурторф, а также других населенных пунктов по этой ветке Казанской железной дороги: храмы погоста расположены в полутора-двух километрах от станции «Авсюнино». Но, это точно было в 1970-х гг. и позже, а ранее, в том числе и в период, когда была составлена анкета, была цела и всю функцию выполняла система узкоколеек, по которой жители города Шатуры и не только легко добирались до действовавшего до 1962 года Никольского храма погоста Шатур. Наши сведения также отчасти подтверждает архивное дело, являющееся книгой учета приходских советов и ревизионных комиссий. Оно датировано 1960-1980 гг., хотя там есть и более поздние записи. Здесь мы видим фигурантов, местом жительства которых значится г. Шатура, деревня Велино²². Если таковые лица были в активе общества, то явно немало их было и в числе рядовых прихожан.

Также весьма интересно, почему столь малочисленный и фактически «неперспективный» приход, с таким малым числом верующих, при Хрущёве не был закрыт. Возможно, здесь сыграло то, что храмы Рудни-Никитской были единственным приходом на территории Куровского района, а после его упразднения – южной части Орехово-Зуевского. Но, скорее всего, дело здесь скрывается несколько в ином. Часто в таких тихих уголках, где были весьма тесные отношения между

местными чиновниками и представителями населения, у храма могло быть прикрытие в лице весьма влиятельных на районном уровне лиц. У кого-то из прихожан или членов церковного совета могли быть родственники во власти, которые тихо прикрывали малолюдный приход. Относительно территории прежнего Куровского района, где до поры до времени были сильны старообрядческие традиции, мне не так давно был рассказан следующий случай. Он имел место уже в начале 1970-х гг. и о нем мне поведал бывший директор одного из крупных совхозов. На одном из партийных собраний т.н. «Куровского куста» южной части Орехово-Зуевского района, прибывший в этот край недавно какой-то коммунист неместного происхождения поднял вопрос о том, что в домах почти всех активных членов партии висят иконы и т.п. Этот вопрос моментально был замят, поскольку почти у всех имелись верующие родственники, которым и принадлежали домашние иконостасы... Хотя храмы в Рудне принадлежали официальным православным, старообрядческое большинство к ним традиционно относилось более чем терпимо. Этим, кстати, можно и объяснить тот момент, что в 1930-х гг. обе церкви избежали закрытия.

Но, вернемся к описаниям храма в 1960-х гг. Во всех анкетах и карточках при церкви значится только один священник. Также при приходе значилось шесть хористов, две уборщицы, один сторож (он же истопник), один церковный староста, один казначей, одна просвирница. В одной недатированной карточке показано, что «вознаграждение» от церковного объединения получало шесть человек, в другой – двенадцать. Среди получавших заработную плату значится и «помощник в алтаре», под которым, судя по всему, следует видеть алтарника, прислуживавшего священнику во время богослужения.

Автомобиля ни у прихода, ни у священника не было, зато в карточках упоминается лошадь. Помимо зданий собственно храмов, приход имел сторожку и церковный дом. Оба строения, по документам, были сооружены «до 1944 года». Однокомнатная сторожка имела габариты 6 x 6 метров. Дом, где проживал настоятель с семейством, имел две комнаты, был размером 8 x 8 метров, сени 5 x 5 м., а также пристроенный к нему двор 10 x 6 метров. Сторожка ремонтировалась в 1956 году, дом – в 1949-м. Оба здания стояли за церковной оградой²³.

Не смотря на то, что оба церковных здания были старинными и, по клировым ведомостям и прочим источникам одно из них было сооружено в XVI столетии (версия, что обе церкви построены в XVIII в. появилась позже, когда храмы уже значились памятниками культуры), они довольно поздно были поставлены на госохрану. В 1948 году, в «Списке действующих церквей памятников архитектуры Московской области», храмов Рудни нет. Также и в вышеприведенных анкетах и карточках 1960-х гг. указывается, что церкви не состояли на охране как памятники архитектуры²⁴. В известном каталоге «Памятники архитектуры Московской области», изданном в 1975 году, обе рудневские церкви уже есть. Причем в то время это были чуть ли не единственные памятники архитектуры Орехово-Зуевского района, которые стояли на государственной охране. Кроме них здесь фигурирует только храм в Ильинском погосте²⁵. Другие значимые архитектурные сооружения района, включая и промышленные здания (к сожалению, далеко не все) попали только в следующее издание.

В фонде уполномоченного Совета по делам религий сохранилось дело 1970 года, которое именуется: «Список православных и старообрядческих церквей, действующих на территории Московской области». Здесь также зимний храм назван посвященным Рождеству Богородицы, а летний – Казанским. Первый датируется 1747 годом, второй – по сложившейся традиции 1540-м. Годом регистрации религиозного общества также называется 1942-й. В то время храмы уже являлись памятниками архитектуры. Площадь храмов, число колоколов и число посещающих богослужения в дни больших праздников (до 400 человек), указывались те же, что и в сведениях, которые приводились выше. У прихода, в качестве подсобных строений, названы сторожка и церковных дом. Вместимость церквей из расчета четыре человека на 1 кв. метр показана 600 и 1840 соответственно. Сумма оценки здания по госстраху, по сравнению с предыдущими сведениями, несколько возросла и составила 37 763 рубля²⁶.

В настоящее время настоятелем храмов погоста Рудня является о. Василий Федорович Литвиненко, 1942 года рождения. В 1971 году он окончил Московскую Духовную Семинарию в Загорске (ныне – Сергиев Посад) и в том же году, 25 апреля, был рукоположен в

священный сан епископом Дмитровским Филаретом. С этого момента он и служит на этом приходе. В 1982 году его возвели в сан протоиерея.

Вид на зимний и летний храмы Погоста Рудня, фото С.С. Михайлов.

В настоящее время настоятелем храмов погоста Рудня является о. Василий Федорович Литвиненко, 1942 года рождения. В 1971 году он окончил Московскую Духовную Семинарию в Загорске (ныне – Сергиев Посад) и в том же году, 25 апреля, был рукоположен в священный сан епископом Дмитровским Филаретом. С этого момента он и служит на этом приходе. В 1982 году его возвели в сан протоиерея.

После празднования Тысячелетия Крещения Руси в 1988 году постепенно стали открываться все сохранившиеся окрестные церкви. В южной части Орехово-Зуевского района, где расположена Рудня-Никитское, были возвращены группам верующих церковные здания в Ильинском погосте, Хотейчах, Красном. В качестве приписных к другим приходам открылись церкви в Запутной, Малькове (прежняя

единоверческая). Собственно единоверческий приход, к которому первое время тяготели старообрядцы ряда раменских селений (Авсюнино, Мисцево, часть Степановки), появился в 1994 году в городе Куровское. Там же и в том же году началось возрождение Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря (в 1994–1998 гг. функционировал как обычный приход). На территории соседнего Егорьевского района, в нескольких километрах от Рудни, возрождается храм в селе Знаменском... Эти возрождаемые приходские общины оттянули на себя значительную часть верующих, которые прежде являлись прихожанами в Рудневском погосте.

В настоящее время при храмах древнего погоста Рудня существует относительно малочисленный приход. Хотя в окрестных селениях после второй половины XX столетия наблюдался некоторый отток от старообрядчества, прежде всего по причине строгости этой веры и достаточно простых требований к адептам официального православия, на нынешней численности прихожан это мало отразилось. В основном, на Рудню ходят, кроме жителей прежнего Никитского, поселка Авсюнино, обитатели некоторых других населенных пунктов. В поселке Авсюнино (примерно 4 тысячи жителей) не менее 70% жителей имеет старообрядческие корни и многие из них так или иначе ориентированы на приходы Русской Православной Старообрядческой Церкви, пусть даже и формально.

1. Центральный Исторический Архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 2127. Оп. 1. Д. 480. Л. 5 об. – 7 об.

2. Пэнэжко О. протоиерей. Храмы Орехово-Зуевского района. Владимир, 2007. Ч. 1. С. 490.

3. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 480. Л. 2–2 об.

4. Пенежко О. Указ. раб. С. 487–488.

5. Там же. С. 487.

6. Там же.

7. Кузьминых В. Храм в честь Рождества Богородицы. Храм в честь Рождества Христова // Дорога к храму. Орехово-Зуево, 1999. С. 44.

8. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 31. Л. 57; Ф. 7383. Оп. 5. Д. 67. Л. 5 об. – 6.

9. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 31. Л. 59.

10. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 1. Л. 157, 159.
11. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 2. Л. 58.
12. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 70 об.; Д. 17. Л. 2, 89–87.
13. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 3. Л. 197.
14. Центральный Архив Города Москвы (ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 24. Л. 96.
15. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 38. Л. 8.
16. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 50. Л. 15.
17. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 5. Д. 31. Л. 59–63.
18. Там же. Л. 60.
19. Там же. Л. 57, 58.
20. Там же. Л. 60.
21. Там же.
22. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 6. Д. 29. Л. 64 об. – 65.
23. Там же. Л. 57–63.
24. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 1. Л. 45–46; Ф. 7383. Оп. 5. Д. 31. Л. 57, 59, 60.
25. Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. 2. С. 104–107.
26. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 5. Д. 67. Л. 5 об. – 6.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Изложенная нами история погоста Рудня в XIX–XX вв., с одной стороны может показаться заурядной и ничем особо не примечательной. Но, история церкви в целом, складывается из истории отдельных, казалось бы рядовых приходов и монастырей. К сожалению, прошлое простых сельских храмов не так часто становится объектом изучения. Если же им посвящаются какие-то книги, то очень часто мы видим довольно примитивный подход. История излагается вкратце, зачастую без указания используемой литературы и источников. В большинстве случаев мы также видим сплошное благочестие, без какого-либо серьезного подхода, анализа, которое предназначено скорее для воскресной школы, а не для серьезного читателя.

Прошлое прихода храмов погоста Рудня любопытно еще и тем, что он располагался в таком интересном и самобытном крае, как Гуслицы. Это не простая сельская местность, где жители занимались преимущественно земледелием. Здесь была развита промышленность и население истари тяготело к ткацким заведениям. Также, Гуслицы – «Старообрядческая Палестина». Большинство жителей прихода принадлежало к старообрядчеству и количество последователей официального православия было относительно небольшим. Конечно же, в Гуслицах были приходы, где официальных православных было в процентном отношении в прямом смысле ничтожным: Селинский, Запоторский и, до 1859 года, Мошевский. Но и в приходе Рудневском православные в численном отношении сильно уступали староверам. Отчасти эта картина наблюдается и в настоящее время.

Тем не менее, Рудневский приход, также как и официально-православные приходы в селах Ильинский погост (село Гуслицы), Хотечи и, после середины XIX века, Гридино, имел достаточное число «православного» населения, для того, чтобы здесь была более-менее стабильная налаженная приходская жизнь. Отчасти мы узнаем о ней из архивных дел, старых публикаций и иных источников. Тем не менее, для того, чтобы иметь представление о приходском мире того или иного храма, необходима полевая информация, которая рассказывала о всех народных обычаях, фигурантах, происшествиях

и т.п. Это можно узнать только непосредственно наблюдая за такой жизнью, или же, читая дневники ее непосредственных участников (чаще всего – священников), которые велись крайне редко.

Будущее древнего погоста и его старинных деревянных храмов (старейших зданий Орехово-Зуевского района) кажется нам довольно неопределенным. Чтобы содержать такие постройки все-таки необходимо относительно большой приход. Но в Рудне его ныне нет. Потенциальную угрозу будущему приходу представляют крестные православные храмы. Они оттягивают на себя и без того немногочисленных верующих. Хотя формально действующий прежний единоверческий храм в Мальково расположен в стороне от «цивилизации» и сам не может иметь при себе серьезного прихода, его открытие стало значимым ударом по Рудневскому приходу. Уже какое-то количество лет Орехово-Зуевское благочиние пытается открыть, также бывший единоверческий, храм Петра Митрополита в деревне Авсюнино. Этот населенный пункт является жилым и через него к тому же проходит небольшая дорога, по которой ходят рейсовые автобусы. Если будет открыт как официальный православный он, то, помимо желаемого удара по местному старообрядчеству, обленившиеся представители которого просто потянутся в ближайшую церковь, не задумываясь особо о разделениях и их причинах, будет нанесен удар и по другим соседним церквям, прежде всего в Рудне и Ильинском погосте... Кстати, и в Мальково, и в Авсюнино официально уже относительно давно назначены настоятели, которые, правда, также находятся в штате других храмов, где собственно и осуществляют основное служение. В Мальково священник появляется изредка и служит молебны. Если же будет открыта новая церковь в поселке Авсюнино, находящемся и при железнодорожной станции и на который ориентированы жители всех окрестных населенных пунктов, то Рудне будет нанесен вообще смертельный удар. Не будем также забывать и о том, что уже давно наблюдается и постепенное охлаждение к православной церкви и отток от нее, прежде всего значительной части молодых поколений.

К сожалению, ни в Орехово-Зуевском благочинии¹, куда входит приход древнего погоста Рудня, ни в Московской (Крутицкой и

Коломенской) епархии в целом, нет никакой программы по сохранению и помощи подобным храмам, которые сами по себе являются национальным достоянием, тем более, что оба храма (летний и зимний) не закрывались и по максимуму сохранили то, что приход накапливал в течение нескольких столетий. Тем не менее, у храмов нет даже нормальной охраны и за последние два десятка лет они неоднократно навещались грабителями... Последние вынесли из храмов немало ценных старинных икон и элементов церковной утвари, которые были собраны причтом и прихожанами еще в XVIII–XIX вв. и даже ранее. Да и старинные деревянные здания постоянно нуждаются в соответствующем уходе, который тоже является делом не таким уж и дешевым... Для того, чтобы спасти старинные церкви, на мой взгляд, единственным выходом может быть перенос их в какой-нибудь музей деревянного зодчества. А вместо них можно было бы построить небольшую современную церквушку, которая и обслуживала бы местный маленький православный приход. В противном случае, на наш взгляд, уникальные храмы XVIII (а возможно, один из, как свидетельствуют источники прошлого, срублен еще в XVI веке) столетия просто будут безвозвратно утрачены. Мы и так за последнее время потеряли огромное количество деревянных церквей.

Представленная вам история прихода храмов погоста Рудня не претендует на исчерпывающее ее изложение. Работа продолжается и, как мы надеемся, через какое-то время в архивах и других источниках будет найдена новая информация. Это будет поводом еще неоднократно вернуться к этой теме.

1. В 2013 году Орехово-Зуевское благочиние, которое включало в себя территорию одноименного административного района, было разделено на два: Орехово-Зуевское, которое охватывает северную часть района, и Ликино-Дулевское, в состав которого вошла южная часть района, в том числе и Рудневский приход.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА ХРАМОВ ПОГОСТА РУДНЯ НАЧАЛА XIX В.

(Центральный Исторический Архив Москвы. Ф. 203, Оп. 744. Д. 2724)

Описе; Ав.

Московской Епархii Богородицкой Оливки
Воложской Девятильи Церкви рождества
Богородицы это урестии рудни: - - -

Оцеркви, и вдови утпосри Церквиной;

Церковь рождества Богородицы Оливки
Зданiй, вся въ твердости, на каменномъ
фундаментѣ;

На престолѣ Оливки русской Парки Поче-
лтой Землѣ разноцветная а задней стѣна
таптяная Палеоло Цвету: На южной
Крестѣ Нашииъ Золотая Прозумлену:

1^е Евангеліе получена сандрисное, обложено
серебромъ, въ срединѣ спасителевъ образѣ
и по угламъ четыре Евангелиста серебряные,
геланной работы позлащенныя: Вверху сто-
роны обложено краснымъ бархатомъ Знаки
въ срединѣ и по угламъ серебряные: -

2^е Евангеліе листовое Напрестольной бумаге -
обложено Зеленымъ бархатомъ образѣ
спасителевъ, и евангелисты серебряные по-
злащенныя: -

3^е Евангеліе четвертное, обложено Красны-
мъ листовымъ спасителевъ образѣ и евангелисты
серебряныя

Напрестольникъ Оливки Креста серебряныя гелан-
ной работы и въ подѣ одинъ позлащенъ.

Полковъ Напрестоль Красноварништу Вовой Сѣме-
лявими Кистями:

Ковчегъ Напрестольной серебряной Евангелии
геланной Оливки позлащенъ въ фронталѣ
резной работы Завелими стюилами:

Кв сеи Кв сеи Кв сеи Кв сеи Кв сеи

15
 На серебряннике отъ да булажная трагедия
 крестъ изъ шелковыхъ лентъ:

Потиръ съ стпкою, диспосъ, Звѣзда, Акира,
 еда лютица, серебряные Поклащѣнныя;

Надъ престоломъ балдахинъ власящъ изъ пра-
 сного шрета, Зоронзою гтаятная повисъ
 съ шелковой бахромой, Поклащѣнныя шестнащѣтъ
 кистви на шелковой витви снуркахъ изъ шой
 восьми золотыхъ, въ нѣхъ образъ Звѣзда сама
 ора стилописной:—

Для пѣтлотви два Кашшима лѣвныя въ нурѣ
 Поклащѣнныя

Славянскихъ одно болше блуду ила Среднихъ.
 для благославней Благодирни Албад, ольвани
 изъ сосудима: Таща водосвятная медная,
 четыре Поклащѣнныя медныя, —

три Кашшима медныя, Поклащѣнныя
 Поклащѣнныя для Кашшима медной Поклащѣнныя
 За престоломъ крестъ написанной стпкою
 Намумѣтъ, Поклащѣнныя стпкою образъ божьей
 матери, Нонихъ венци, Поклащѣнныя стпкою
 плещи серебряныя Поклащѣнныя: Надъ рукою старод
 гий валамѣтвѣ образъ стиломъ снурѣ
 венци Поклащѣнныя стпкою плещи стпкою
 Поклащѣнныя:

Поклащѣнныя у престоломъ два медныя Поклащѣнныя
 у престоломъ царский вратъ Поклащѣнныя
 Кашшима:

На горѣ стпкою Спасителя образъ седши
 на престолѣ, въ ноноста об, лампада стпкою
 болшая медная,

Поклащѣнныя стпкою Спасителя образъ надъ рукою
 образъ божьей матери Звѣзда стпкою
 Намумѣтъ

На правой стороне ^{образъ} Страшного суда вождь:
 Принимъ образъ Казанскій вождь матери Иако-
 теоридъ Венецъ Медной Позлащенъ: въ Демсу-
 филомъ Толалинскимъ убоуе съ продсими каме-
 ньями въ ономъ многокостъ редкой работви —
 Аампада болшад Медная: —

На левой стороне Ервница, Иакопторой Написанвѣ
 Страсти Восходни, Плещаница Атавотъ, годъ ба-
 ла Хикми, Закавель Бумажной влбодни: Приидѣ
 образъ Мугениновъ флора и лапра, и великамуг-
 женищѣ Трагиселѣ Венецъ Подвесна Сребреной
 и Позлащубѣ: —

На двенадцати дснахъ Месячные Миней встѣхъ
 сдѣланы: —

На двѣхъ входномъ дверю образъ Знаменѣ вождѣ ма-
 тери Иакумъ Пророкамъ стараво Какобастасе
 Анапаторѣ Иадъ дверю деисусъ въ шмотъ
 ризъ: —

1^е ддѣе ризъ Попрасному Вархоту Золотой
 Парси облочены оплещѣ иподолъ Сребреннѣ
 прозументнѣ: Подкладна дсстой Каршенникъ:

2^е подархату Малинавадъ Цвету русной Парси
 подлодема Красной тавтой:

3^е Поделенъ Земле Трасфетой Парси Подолникъ
 Олаской Полосатой Подлодема вѣнтѣ Каршенникъ:

4^е пуестовне Трасфетне Подлодема синѣ
 Каршенникъ:

5^е пуестовне Карфенне Трасфетне оплещѣ
 Парсатос, Подолникъ Идейтой Пасфетѣ:

6^е ддѣе ризъ Парнитурѣ въ Солубие оплещѣ
 иподолникъ облочены Золотнѣ прозументнѣ
 Подкладна Солубой Каршенникъ: —

7^e Перюневые трафаретные Позеленой Земле
оплесь русской тарги Подолний Красной Перю-
Медой: ф.

8^e Красные трафаретные Душетовые оплесь
русской тарги Подолний синей Перюневой.

9^e Красная штюфу оплесь трафаретные Душетовые
облофены Золотийя Продументолья Точийе
и впрядь Подолу; Подлофены синей Каршенин.

10^e Душетовые белые Подлофены синей Каршенин.

11^e Вишневой Тасфетн Полосатые облофены
оплесь и Подолу Продументолья Подыланди синей
Каршенин.

12^e Трафаретные Бумажной Выборки.

Шпихари:

1^e Таргелой Поирасному Сархоту облофену
Кругу оплесь и Подолу Серебряныйя Продументолья
Подлофену Талевой Каршенин.

2^e Тарнитуевой Василиновой облофену Поплесану
рунавалу и Подолу Золотийя Продументолья.

3^e Перюневой селекотрафаретной оплесь русской
тарги Подолний и Рунава Красные Обляринные.

4^e Красной Бумажетой Обляриной оплесь Рунава
Подолний темнозеленой Обляриной.

5^e Красной Обляриной Полосатой оплесь темна-
Зеленой Тарги Рунава и Подолу Серебряной
Продументолья. **Поборизниги**

1^e Перюневой Трафаретной Василиновой.

2^e Три тасфетн Василинова Цвету худнаго
Подолний Красной тасфетн.

3 Шелновой темной Полосатой оплесь Рунава
Подолу Шелновые Красные.

4^e Трафаретной Бумажной Выборки.

Церкви Церквн Церквн Церквн Церквн
Церквн

46

Матрахи.

- 1^е серебряной парчи паврасному бархату Збахромом Кресты серебряного прозументу.
- 2^е Зеленой Парчелад Кресты Полеминского Землеу.
- 3^е Белоносовая прафрагетай, Кресты Мишурины.
- 4^е Темнозелая прафрагетай Кресты Мишурины.
- 5^е Темношуберная облофена Круеом и Кресты Золотого прозументу.
- 6^е темно плицовый Полосатый Внуду бахромы Шелновой: Кресты Золотого прозументу.
- * разных Шелновых материй севире Матрахи.

Други.

- Севире Парчи Золотой Парчи;
 две Парчи малинаваго бархату;
 десять парч разных шелновых материй.
 севире Пояса. два орада Парчелых,
 три шелновых разных материй.

Воздухи.

- 1^е бархатные малинаваго цвету, облофены Круеом и Кресты Золотого прозументу.
- 2^е Золотой парчи с Шелновой бахромою Кресты Золотого прозументу.
- 3^е серебряной парчи облофены Золотой парчи пазеленой Землеу: Кресты Золотого прозументу.
- 4^е Белоносовые прафрагетай, облофены серебряной Зелесетной и Кресты сетчатые и З.
- 5^е прафрагетай шитые серебряной и разными шелнами Збахромом Кресты Золотого прозументу.
- 6^е Гариштурные василноваго цвету облофены Круеом и Кресты Золотого прозументу.
- 7^е серебряной русной парчи Кресты Зеленой прафрагетай Збахромом Кресты Золотого прозументу.

6^е продолжи разныя шеловых материй
Июльские службы —
 три Псалма на аналой во время чтения Еванге-
 лия.
 Шестую шеловую Попробу для выноса и погребенья
 умершихъ —
 четыре Франка, для ушопника для теплоты —
 Нарванья сигунная, для Яалов для чтения Еванге-
 лия.
 три Яалов для чтения Книгъ:
 Книгъ:

Чустасръ:
 для апостола,
 четыре службника,
 мнень месени годъ —
 триодъ Пасхи годъ —
 триодъ Цветной —
 четыре отрока —
 для следования Псалми.
 маленной Гесословъ —
 два требника большихъ
 два требника осмушкныхъ
 одинъ требникъ гелертной
 для Ермолага —
 мнень обшчъ большъ годъ —
 годъ мнень осмушкныхъ —
 мнень празничныхъ соборъ —
 мнень четкихъ въ 5^{ти}
 Книгахъ годъ —
 Прологовъ въ 4^х Книгахъ —
 Маргаритъ —
 Огласительникъ —
 маленное Евангеліе —
 Синодалныя Пролова —
 Кориса въ 2^х Книгахъ —
 Обязаніе Нарисованное —
 Книга обязанности —
 Христіанская —
 Священникъ Святительскъ

Возшествіе Апостола —
 служба сентябрь годъ —
 Пророку Захаріи и Елисаветѣ —
 синодальскъ —
 Мавла высокопреставленна
 мниторіалныхъ мнень —
 реестровъ Панихидны для
 Проломидной Листъ враждъ —
 четыре Канонна —
 служба Николая Чудотворца
 четвертной —
 обязанности Пресвитеровъ
 поученіе овоспитаній и отцевъ —
 восприсные Пролова Иа-
 четвиредесятнику —
 Легендикъ —
 Мотный оптохъ —
 Ирмосы въ двухъ Книгахъ —
 Празники Мотныя
 обходъ въ двухъ —
 Книгахъ:

Священникъ Святительскъ
 Діаконъ двояко
 пономарь пономарь

56

Новопечатаныхъ Книгъ въ 1802.гъ изда.

- 1^е Иоанна Златоуста къ Симону Монаху оспушеніи сердцу
- 2^е Антонія Великаго;
- 3^е Избранныя толкованія изъ разныхъ Поученій Ослащеннаго
- 4^е Толкованіе о богослуженіи.
- 5^е Бесѣды Иоанна Златоуста въ 5^{ти} Книгахъ;
- 6^е Георгіи Исидрика въ дву Книгахъ;
- 7^е Толкованіе Анаборное Писаніе Апостола Павла
- 8^е Разныя бесѣды блаженнаго Петра Хрисолога;

Опись Тридѣльной Теплой Церкви
именно церкви тридѣльной древняя вся
въ твердости Исаиинской фундаментъ.

На престолъ оодежда Карминтовая Василевова
Цвета Круеоломъ Ея и престолъ Золотого про-
зументу.

1^е Евангеліе На престолъ четвертное, обложено
кранвилъ Плисомъ; Спасителевъ образъ иса-
велисткѣ медные геланкѣ посеребреннѣ.

2^е Евангеліе омушное, обложено Зеленымъ Плисомъ.
Спасителевъ образъ ^{серебряннѣ} обложеномъ ^{мѣди}
для креста На престолъ Написанъте ои^и кипарис-
поповъ бумажной вѣбони.

Коптеевъ олоянкой геланкой фигуры.

Надъ престоломъ образъ Господа саваофа въ раи
На Вертепѣ оодежда бумажной вѣбони крестъ
изъ шенинскѣ лентѣ.

Потиръ, дисноскъ, Звѣзда, Ащца, два вѣбца;
Серебряннѣ.

Ковало медное, два подъ шенина упрѣбля медныя
Крестъ Запрестолной Написанной, и два образа
Господи и ринкѣ Надной Венецъ медной Надрускѣ
Створилъ образъ Николы худоборца; оудрувало
обрава трехъ святителей.

Нагорный мост; ^{образъ} Господа вседержителя Ма-
 престоль сегошаго апосторожанаго сво старие
 северные и южные двери Архидиаконова Стефана
 Лаврентий вънокостяв. Лампада медная,
 у жертвенника надонной образъ Николая чудотворца;
 Над царскими дверми и въвне образъ казахтій
 божий матери съ предстоящими: —
 црские двери многописные,
 Поправку сторону Спасителя образъ со свя-
 тителями велики медные позлащенны: —
 образъ Храмовой рожества Христова;
 образъ Алексія митрополита;
 образъ Преподобнаго Сергѣя;
 Поправку сторону образъ казахтій божий матери
 Спасителя и въверх образъ Архидиакона
 Стефана;
 Подъ оконной двери образъ Святого Михаила власъ
 образъ великомученика Иоанна вои ^{Св} Атана;
 Надъ царскими дверми распятие Господне со свя-
 столами въ позлащенныхъ кавинахъ;
 Выше въ среднѣ Спасителя въ образъ Напреставъ
 Святшъ. Лампада на медной посеребренна;
 Въ терномъ Ярусѣ двенадцатые ступени На-
 осми ступенъ;
 Валторный Ярусъ обраба пророцесіе и правотесіе;
 Заправный Ярусомъ образъ речеваго въсвродица
 и спасителя въ образъ велики медные въ мно-
 годнахъ;
 Въ верху юанкѣ Преставъ со апостоломи —
 Намеломъ кривомъ Надъ оконной образъ Знамение
 божий матери въ иконоставъ;
 За кривомъ образъ Николая чудотворца: и —
 Воскресение Христова вънокостяв;
 Надъ дверми образъ снорвшаго божий матери въ иконоставъ;
 Пророки Федоръ Юанн ^и Михаилъ Гавриилъ
 Григоріи

66

Въ верху образъ божья Матери соагостоломъ.
 Противу царствъ и двѣри Матиль образъ
 Анноладъ Будоури; Въ нѣмъ венсръ паша
 Моплега сребренна Глашцѣтѣ;
 Въ трапетъ, въ верху Деисусъ ѿнмѣтъ;
 На правой стороне образъ Боголюбива божья
 Матери:

На левой стороне образъ страшнаго суда божья
 и молодася помѣстна помѣщеня Мадной
 Матумбахъ развѣе Дриды;
 Умѣстна образѣ четыре лампади двѣ медны
 посеребрѣны одне востанне;
 Мѣстъ израцѣтѣ;

Колоколъ дреяннагоу Зоаня въ твердоу
 На наменнагоу фундаментъ; На нѣмъ имѣтъ
 шестъ колоколовъ, въ большомъ сто пѣтъ пудовъ
 и продѣе разнаго вѣсу
 Тосифова руку приосида. —

А нѣре въ руку Грилоу вѣдъ;
 Дѣлаютъ руку Метель, и вѣдѣ
 руку приосида Бавлоу въ руку Грилоу вѣдъ
 обрѣмѣтъ руку приосида
 въ редманкѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ
 вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣ

Библиотека альманаха «Мещёра-край»

С.С. Михайлов

Погост Рудня в XIX–XX столетиях
История гуслицкого православного прихода

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»

Тираж 200 экз.

Компьютерная вёрстка М.Л. Разумовой